ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2026. Т. 71, № 2

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2026. Т. 71, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Г. Гусаков – Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Постоянная комиссия по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Д. В. Муха – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Международный университет МИТСО, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

В. Г. Андреева – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук», Москва, Россия
П. У. Бакиров –Термезский государственный университет, Термез, Узбекистан
А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
С. Ю. Глазьев – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественной палаты Союзного государства, Москва, Россия
Л. А. Маркина – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея», Москва, Россия
Ю. А. Петров – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук», Москва, Россия
А. В. Поляков – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», Санкт-Петербург, Россия
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Отделение общественных наук Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
О. Р. Хисамов – Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
Хэ Сюнвэй – Академия социальных наук провинции Цзянси, Наньчан, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2026. Т. 71, № 2.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *В. А. Ткачова*

Подписано в печать 10.04.2026. Выход в свет 28.04.2026. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 54 экз. Заказ 73.
Цена номера: индивидуальная подписка – 15,86 руб., ведомственная подписка – 35,17 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2026

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2026, vol. 71, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vladimir G. Gusakov – Institute of System Research in Agrikulture of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Deputy Chairman of the Standing Commission on Education, Culture and Science of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Denis V. Mukha – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – International University MITSO, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Alla S. Shamruk – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Veronika N. Yarmolinskaya – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

E d i t o r i a l C o u n c i l:

Valeria G. Andreeva – Federal State Budgetary Scientific Institution "A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia

Poyon U. Bakirov – Termez State University, Termez, Uzbekistan

Aleksandr N. Bulyko – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Sergey Yu. Glazyev – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after M. V. Lomonosov", Moscow, Russia

Aleksei E. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus

Vladimir A. Il`in – Federal State Budget Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Vologda, Russia

Sergey L. Kandybovich – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Management", Commission on Interethnic and Interfaith Relations of the Public Chamber of the Union State, Moscow, Russia

Ludmila A. Markina – Federal State Budgetary Institution of Culture "All-Russian Museum Association "State Tretyakov Gallery", Moscow, Russia

Yurii A. Petrov – Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia

Andrey V. Polyakov – Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences", Saint Petersburg, Russia

Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Andrei V. Smirnov – Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Oleg R. Khisamov – Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

He Xionqwei – Jiangxi Provincial Academy of Social Sciences, Nanchang, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2026, vol. 71, no. 2.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *O. A. Tkacheva*

Signed to print on 10.04.2026. Published on 28.04.2026. Format 60×84 1/8. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 54 copies. Order 73.
Number price: individual subscription – BYN 15.86, departmental subscription – BYN 35.17.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2026

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Севастов К. В. Трансформация философских представлений о феномене идентичности: от классического дискурса к герменевтическому опыту 95

Бельский А. М. Антидопинговые знания и практики родителей как значимый фактор профилактики запрещенных веществ в молодежном спорте (по материалам эмпирического исследования) 104

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Жихарко Ж. М. Алтарная пластика Беларуси XVII в.: иконография и атрибуция (Будслав и Порплище) 116

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Шлемен Ю. А. Гарадская тэма ў пралетарскай паэзіі чэшскага паэта Ё. Горы 133

ПРАВА

Василевич Г. А. Социальная ответственность как фактор, определяющий развитие нормотворческой и правоприменительной деятельности 142

Шахновская И. В. Новые характеристики государства в условиях цифровизации: к вопросу о многозначности понятий 155

ЭКАНОМІКА

Тетеринец Т. А. Теоретико-методологические аспекты резильентности сельского человеческого капитала 163

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Аляксандр Аляксандравіч Каваленя (Да 80-годдзя з дня нараджэння) 172

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Sevastov K. V. Transformation of philosophical concepts about the phenomenon of identity: from classical discourse to hermeneutic experience 95
Belski A. M. Antidoping knowledge and practices of parents as a significant factor in prohibited substances prevention in youth sports (based on an empirical research) 104

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Zhykharka Zh. M. Altar plastic monuments of Belarus of the 17th century: iconography and attribution (Budslav and Porplische) 116

LITERARY SCIENCE

Shlemen Yu. A. The urban theme in the proletarian poetry of Czech poet J. Hory 133

LAW

Vasilevich G. A. Social responsibility as a factor determining the development of normative and law enforcement activities 142
Shakhnovskaya I. V. On new characteristics of the state in the context of digitalization: to the question of the policy of concepts 155

ECONOMICS

Tsetsiarynets T. A. Theoretical and methodological aspects of the resilience of rural human capital 163

SCIENTISTS OF BELARUS

Alexander Alexandrovich Kovalenya (To the 80th anniversary Birt) 172

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 1(091)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-95-103

Поступила в редакцию 30.12.2025
Received 30.12.2025

К. В. Севастов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ДИСКУРСА К ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМУ ОПЫТУ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу детерминирования феноменов личности и идентичности в контексте их отображения в различных философских учениях, дифференциально представленных в исторической перспективе развития философской мысли. В рамках исследования рассматриваются основные концептуальные подходы к пониманию человеческой субъектности, самодетерминации и самоопределения, а также прослеживается динамика их развития от античных времен до современности.

Особое внимание уделяется трансформации взглядов на данные феномены в связи с культурными, социальными, религиозными и научными трансформациями, а также актуальности их роли в формировании концепции идентификационной самостоятельности субъекта. Проведенный анализ подчеркивает эволюцию идей о феноменах личности и идентичности в рамках развития философской мысли: в статье демонстрируется увеличение профессионального интереса философов к данным вопросам, что свидетельствует об их постоянной значимости для фундаментальных аспектов как философии в частности, так и гуманитарных наук в целом.

Ключевые слова: личность, идентификация, идентичность, эго, воля, знание, разум, культурный текст, Другой

Для цитирования: Севастов, К. В. Трансформация философских представлений о феномене идентичности: от классического дискурса к герменевтическому опыту / К. В. Севастов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 95–103. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-95-103

Kirill V. Sevastov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TRANSFORMATION OF PHILOSOPHICAL CONCEPTS ABOUT THE PHENOMENON OF IDENTITY: FROM CLASSICAL DISCOURSE TO HERMENEUTIC EXPERIENCE

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the determination of the phenomena of personality and identity in the context of their reflection in various philosophical teachings, differentially presented in the historical perspective of the development of philosophical thought. The research examines the main conceptual approaches to understanding human subjectivity, self-description, and self-determination, and traces the dynamics of their development from ancient times to the present day.

Particular attention is given to the transformation of views on these phenomena in relation to cultural, social, religious, and scientific transformations, as well as the relevance of their role in shaping the concept of the subject's self-identification. The analysis underscores the evolution of ideas about the phenomena of personality and identity within the development of philosophical thought: the article demonstrates the increasing professional interest of philosophers in these issues, demonstrating their ongoing significance for fundamental aspects of both philosophy in particular and the humanities in general.

Keywords: personality, identification, identity, ego, will, knowledge, mind, cultural text, the Other

For citation: Sevastov K. V. Transformation of philosophical concepts about the phenomenon of identity: from classical discourse to hermeneutic experience. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 2, pp. 95–103 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-95-103

Введение. Алгоритмы процессов самоопределения личности являются проблемным полем для философии на всех ступенях развития философской мысли. На протяжении всей истории философии внутреннее составляющее человека (например, дух или душа) имело огромное зна-

© Севастов К. В., 2026

чение для разных эпох, течений, философских школ и мыслителей. В этой связи необходимо проследить трансформацию философских представлений о самоопределении, поскольку такие понятия, как *личность*, *идентификация* и *идентичность* появились намного позже возникновения философии как таковой. Соответственно, сформулированная цель исследования предусматривает использование методов теоретической и исторической реконструкции, а также метода компаративного анализа.

Основная часть. Для начала важно обозначить, что в античной натурфилософии понятия личности в своем собственном смысле попросту не существовало, поскольку человек виделся исключительно как *микрокосм* – представление человека как уменьшенной модели вселенной, внутри которой протекают все те же процессы, что и в *макрокосме* – вселенной как таковой.

Тем не менее важно определить, как в античной философии интерпретировался феномен, который сейчас называется *личностью.* А. Ф. Лосев раскрывает концептуальность личности с тезиса о том, что личность в античной культуре не несет в себе такой глобальности и абсолютизма, как, например, в новоевропейской культуре, поскольку вся античная культура по определению основывается исключительно на объективистском принципе самоописания. Подводя к феномену личности, он поначалу акцентирует внимание на очевидном разделении и без того практически полярных понятий: Античность и Средневековье. Но для такого сравнительно-разграничительного приема есть своя причина. Так, А. Ф. Лосев отмечает, что в основе средневековой культуры – монотеизме – лежит концепция абсолютизированной личности, которая стоит над человеком, миром и историей. В свою очередь в античной культуре – безусловно, по причине отсутствия монотеистических представлений о сотворении мира – такая концептуальность отсутствует. Но в то же самое время в античной культуре есть свой Абсолют (А. Ф. Лосев приводит в пример звездное небо – тот Абсолют, который можно видеть, слышать, осязать; таким образом, он подводит к тому, что основой античной культуры является чувственно-материальный – но в то же время внеличностный – космологизм). Тем не менее своего рода *отсутствие личности* в античной культуре А. Ф. Лосев объясняет именно тем, что личность может выступать лишь как объект (и никак не субъект). А, соответственно, концепт личности попросту не может быть описан в культуре, в которой мировосприятие существует исключительно через призму античного космологизма (и акцентирует внимание на том, что в противном случае *личностью* можно было бы назвать что угодно – в том числе и неодушевленный предмет). Так, в целом А. Ф. Лосев определяет, что античный человек, во-первых, космологичен, а во-вторых – внеличностен, потому как, молясь на звезды и возводя себя к ним, чувствовать свою собственную личность вовсе необязательно [1].

В сократовской философии можно проследить зачатки описания того внутреннего составляющего в человеке, которое не описывалось ранее. Согласно сократической традиции, предназначением человека было не что иное, как обладание знанием. Только с *настоящим* знанием человек мог обрести истинного себя: «ища подлинного знания и смысла жизни, человек начинает слышать внутренний голос – в нем проявляется сознание и совесть» [2, с. 6]. Логично было бы предположить, что – по Сократу – человек обретает сознание лишь только в процессе поиска *подлинного знания*. Тем не менее из данного изречения такая цепочка абсолютно не выстраивается, потому как «в сравнении с голосом сознания любое знание оказывается ложным знанием, знанием только об отдельных явлениях» [2, с. 7]. Тем самым, во-первых, сократовская философия утверждает, что предтечей сознания у человека является его желание обладать истинным знанием, а во-вторых – утверждает, что знание как таковое не может быть выше сознания. Соответственно – по сократической традиции – сознание есть, с одной стороны, наивысшая точка, к которой стремится человек вслед за знанием; с другой – постижение собственного сознания невозможно, поскольку предшествующее ему знание ложно и неполно и не способно описать всю палитру сознания.

В целом же сократовская философия негативно относится к натурфилософским течениям и считает, что познание природы – это дело богов, а дело человека – это стремление к познанию самого себя. Так, в центр философия Сократа ставит не что иное, как человека, но человека исключительно как проблему, поскольку считается, что только тот, кто прислушивается к самому себе – к своему внутреннему голосу, – способен таким образом постигать высший смысл вещей и событий. Соответственно, антропоцентрическая модель человека, по Сократу, выглядит следующим образом: человек – душа – разум – мысль [2, с. 32–33].

Уместно предположить, что *призыв* Сократа к познанию самого себя достаточно четко накладывается на описанные намного позже такие субъективные мыслительные процессы, направленные на самопознание, как рефлексия и саморефлексия.

Рассуждения о душе и высшем благе для человека нашли отражение и в *Саду Эпикура* – школе и товариществе единомышленников. Описывая внутренний мир человека, Эпикур говорит о том, что душа человека состоит из атомов – «из самых мелких, округлых и гладких частиц», и поясняет, что об этом свидетельствует то, с какой скоростью совершаются намерения, а также насколько подвижен сам дух. Эти самые частицы очень малы и даже в совокупности их вес крайне мал, потому как вес человека «практически не меняется после отделения души в процессе умирания» [3, с. 22]. Тем не менее суть этих частиц не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд, поскольку душа состоит из смеси «ветра, жара и воздуха» и еще одной составляющей, которая скрыта и не подлежит объяснению, но, по предположению, – это «душа души». Эта часть – *душа души* – ответственна за мышление и ощущения, а также приводит в движение *ветер, жар и воздух* и только потом – тело. В зависимости же от того, на что именно повлияет *душа души* (*на ветер, жар или воздух*), человек, соответственно, испытывает гнев, чувствует страх или пребывает в умиротворении. В зависимости от того, какая именно часть из этой триады в человеке преобладает, определяется *природный характер*, который Эпикур сравнивает с характером животных: «рычащих львов, боязливых оленей или равнодушных быков» [3, с. 22–23].

В целом же философия Эпикура заключается в том, что главное в жизни человека – это достижение духовной безмятежности и, соответственно, счастья; а также – избавление от страха. Безмятежный человек – по Эпикуру – это отстраненный человек. Отстраненный и от общества, и от политики. Но отстранение это должно быть исключительно во имя простой жизни в сообществе друзей [3, с. 64–65].

Здесь важно обратить внимание именно на концепцию Эпикура о *простой жизни в сообществе друзей*. Можно предположить, что таким образом в данном сообществе каждый присутствующий схож с другим не только по критерию приверженности определенной философской традиции, но и по критерию субъективного идентификационного процесса, потому как общий призыв к *отстраненности* от всего общественного и политического во имя обретения духовной свободы и, соответственно, счастья векторально объединяет и идентификационную направленность каждого члена *Сада Эпикура*. Безусловно, их идентичности не могли быть одинаковыми (хотя бы по причине невозможности существования таковых или же попросту абсурдности такого предположения), но вот их идентификации – вполне могли быть схожими.

Проявления интереса к сути человека и к его внутреннему миру находят свое отражение и в философии стоицизма. Так, основная задача философии стоиков заключалась в поиске разумного основания для жизни в нравственном направлении. Знание как таковое у стоиков рассматривалось исключительно как средство к добродетельному поведению, а также как возможность достижения блага. Стоики ставили перед человеком задачу стать свободным и счастливым именно благодаря добродетели. Соответственно, их собственную философию они трактовали как практику или же упражнение в добродетели [4, с. 9].

Тем не менее в поисках того самого знания, соответствующего их критериям добродетельного существования, стоики основываются на реалистической составляющей учения Аристотеля, которое заключалось в следующем: «опыт есть единственный источник познания, и мышление наше – восходя от известного к неизвестному, от данных частных случаев к другим предваряемым случаям, к обобщениям – оперирует лишь с материалом ощущений, вызываемых впечатлениями. Все *представления*, составляющие содержание нашего знания, возникают из *ощущений* внутреннего или внешнего чувства, из оттисков или *впечатлений* внешних предметов, производящих внутренние изменения или движения души. Из восприятий такого рода рождается память, из памяти – опыт. *Душа есть чистая хартия, на которую наносятся начертываемые знаки*» [4, с. 11]. Важно отметить, что само учение Аристотеля стоиками было в достаточной мере упрощено, потому как (в отличие от учения Аристотеля) они признавали и *разумность чувств*: основой их учения был принцип, опиравшийся на рассмотрение предмета исключительно как чувственного образа, который, в свою очередь, обратившись к самому естеству предмета, мог его объяснить.

В соответствии с философией стоицизма, телесность наличествовала не только у вещей и их свойств и качеств, но и у самой души. Из этого следует, что стоики не отрицали психические свойства как таковые: да, стоики зачастую дифференцировали понятия *духовного* и *неразумного*, но вот сам *дух* был представлен телесно [4, с. 14–15].

Ключевой философской установкой стоиков было преобладание в человеке господства разума, а именно: «между мудростью и безумием, добродетелью и пороком нет середины. Разум господствует или не господствует – добродетель есть или ее нет, ибо она заключается именно в господстве разума» [4, с. 21–22]. Таким образом, стоики классифицировали человечество на *мудрых и безумных*. Тем не менее стоицизм признавал, что достичь совершенства по части мудрости не представляется возможным, что в то же время не мешало стоикам рассуждать о подобном идеале, *конструируя* идеального мудреца в своих нравственных трактатах. Стоиками признавалось, что лучшие из всех существовавших философов были лишь на пути к тому самому идеалу, и, соответственно, появилась необходимость достижения так называемых компромиссов между несуществующим идеалом и реальным положением вещей: одновременно с абсолютным совершенством признавались определенные уровни нравственного прогресса, которые классифицировались как *неразумные* [4, с. 21–22].

Во всей философии стоицизма прослеживается достаточно двойственное отношение к человеку. С одной стороны, стоиками провозглашалось отречение человека от внешнего мира для утверждения «идеала отвлеченной свободы», поскольку человек в праве совершать выбор, обладая разумом и распоряжаясь как своей жизнью, так и смертью. С другой стороны, стоиками утверждалась и гуманистическая тенденция, включающая в себя связь «человека с человечеством и с мировым целым» [4, с. 23–24]. Из этого следует, что человек должен «жить для целого, человеколюбиво относиться к ближнему» [4, с. 23–24]. И тем не менее следует отметить, что все же «индивидуализм стоиков сочетается с универсализмом, который впервые возвышается до идеи всеобщего братства. <…> все люди братья, как чада отца. В сознании этой истины сглаживаются социальные и национальные различия: раб делается братом, иноплеменник становится ближним, космополитизм провозглашается как место идеалов <…>. Человек сознает себя гражданином “вышнего города” <…>. Он чувствует себя членом вселенского божественного тела <…>» [4, с. 23–24].

Тем не менее, несмотря на подобное разграничение людей (на *мудрых и безумных*), необходимо отметить, что стоики утверждали недостижимость абсолютной мудрости, но это вовсе не означает, что с точки зрения философии стоицизма все люди относятся к *классу безумных*; это означает, что стремлению к мудрости, а соответственно, к идеалу, не существует предела, и лишь в этом самом стремлении люди могут отличаться, а быть схожими они могут лишь в недостижимости того самого идеала.

Вероятно, стоики таким образом идентифицировали самих себя: с одной стороны, с несуществующим идеалом, а с другой – со стремлением к абсолютной мудрости. Недаром ведь Зенон Китийский, когда его спросили, что такое друг, ответил: «*Другой я*».

На основании описанного выше можно смело утверждать, что зачатки философского осмысления таких концепций, как идентификация и идентичность личности можно обнаружить еще в философии античного периода, а это в свою очередь подталкивает к выводу, что проблематизирование идентификационных составляющих человеческого существования хронологически равно всей истории философской мысли.

На смену античной философии со свойственными ей космоцентризмом и сократовским антропоцентризмом приходит философия Средневековья, отличительной чертой которой является главенствующая концепция теоцентризма, а также переход философии из рационально-дискурсивного русла в теологическое.

О пути души к себе самой писал еще Августин Блаженный, но он не основывается на так называемом существовании *эго*, поскольку был твердо убежден в том, что «ум не уверен ни в чем, кроме уверенности в собственном бытии» [5, с. 59]. По Августину Блаженному, концепция *эго* ограничена и может существовать лишь как вопрос о сущности того, что незнакомо самому вопрошаемому: *кто я и каков я?* Причина такого двойственного вопрошания заключается в том, что именно возможность существования не дает найти путь к самому себе или же «идентифицировать себя с какой бы то ни было сущностью», – это значит, что «факт, что *мой* доступ к *моему*

бытию посредством *моей* мысли не подлежит сомнению, вовсе не гарантирует мне в этом бытии посредством мысли доступа ко мне самому в форме познающего себя *эго*» [5, с. 60–61]. Так, можно сделать вывод, что, по Августину Блаженному, мысль и бытие не могут существовать отдельно друг от друга. Важно отметить, что впоследствии эту идею будет продолжать Р. Декарт.

Тем не менее Ж.-Л. Марион отмечает, что Августин Блаженный полагал, что во время мышления человек вынужден отгородиться от себя самого для того, чтобы стать *другим*, не присваивая себе – естественно – никакого другого *я*, которое смогло бы говорить от первого лица. Из этого следует, что чем больше человек мыслит, тем менее он знает, кто он – происходит своего рода самоотчуждение. А это значит, что от объема мысли зависит степень *изгнанности я*: «парадоксальным образом я оказываюсь тем, кто, мысля, знает, что собой не является и себе не принадлежит, пребывает в неведении о своей сущности и никогда не может, строго говоря, сказать от своего лица или сказать о себе самом: *я*» [5, с 62–63].

Фома Аквинский в своих трудах описывает то понятие, которое впоследствии станет приоритетным для европейской культуры, – понятие *личности*.

Так, поясняя утверждения Фомы Аквинского, К. Бандуровский комментирует: «личность – это “то, что является наиболее совершенным во всей природе”, для нее существенно быть господином своих действий, “действовать, а не приводиться в действие”. Достоинство личности обозначает, что она не может использоваться как средство, но сама является целью в себе» [6, с. 14].

Таким образом, под достоинством личности понимается не что иное, как ее разум, под которым подразумевается способность к познанию как окружающего мира, так и себя самого, а также человеку, совершая разумные поступки, дается возможность устремления к Богу [6, с. 15].

Следует отметить, что Фома Аквинский, признавая ценность каждой отдельной личности, был одним из тех, кто заложил фундамент понимания того, что каждая личность индивидуальна по природе. В подтверждение тому он утверждал, что «каждый человек сотворен Богом, и для каждого Христос является Спасителем» [6, с. 11]. Важно уточнить, что таким образом Фома Аквинский выступал против идей монопсихизма (идея того, что все души различаются лишь потому, что у людей различные тела; и если души отделить от тел, то все души станут идентичными друг другу).

Вероятно, таким образом Фома Аквинский, сам того не подозревая, начинает прокладывать сложный путь к тому, что внесет большие изменения в понятие феномена личности в будущем; к тому, что каждая личность индивидуальна и одинаковых личностей попросту не может существовать.

Философия эпохи Возрождения характеризуется в первую очередь обострившимся интересом непосредственно к человеческой личности, но (что принципиально важно) в отрыве от католической религиозности и в том числе от концепции стремления человека к Богу. Так, основным мировоззренческим представлением философии эпохи Возрождения становится антропоцентризм.

М. Монтень сравнивал формирование личности человека с некоторой накопительной функцией – с тем, как пчелы собирают нектар: «пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать нектар, который они целиком претворяют в мед; ведь это уже больше не тимьян или майоран. Точно так же и то, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением. Его воспитание, его труд, его ученье служат лишь одному: *образовать его личность*» [7, с. 94–95]. Таким образом, М. Монтень утверждал, что человек, во-первых, сам формирует свою личность, а во-вторых – данное формирование носит внешний характер: то, что человек впитает в себя из окружающего мира, и будет формировать его личность или же его самого как личность.

М. Монтень отрицал какое-либо божественное участие в формировании личности, утверждая, что «я <…> рассказываю <…> и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творения», а затем и вовсе констатирует, что сформированная личность неизменна: «… будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее, говоря по правде, совсем иною. <…> дело сделано, и теперь поздно думать об этом» [7, с. 519].

В эпоху Нового времени происходит смещение предыдущей философской парадигмы в сторону рационализма, главная идея которого заключалась в том, что основой всех действий человека – в том числе и познания – является разум.

Р. Декарт утверждал, что, помимо рациональности и мыслительных возможностей, человеку присуще обособленное (но в то же время и рациональное) существование. Все то, что существует за пределами человеческого, – по Р. Декарту – необходимо воспринимать скептически. Так, в процессе познания человек может рассчитывать исключительно на *cogito* – саму способность к мышлению. Все то, что находится за пределами *cogito,* нестатично для познания, а посему – не несет в себе познавательной ценности. Из этого следует, что все, находящееся за пределами *cogito,* не имеет никакого ценностного ориентира в контексте познания себя, которое является исключительно индивидуальным самонаблюдательным мыслительным процессом.

Концепцию Р. Декарта относительно личности (и тем более ее самоопределения) можно считать достаточно радикальной. В подтверждение данного предположения можно сослаться на то, как сам Р. Декарт характеризовал самого себя, ссылаясь на сторонние возражения в адрес своего произведения «Рассуждения о методе» [8], которые он прокомментировал следующим образом: «…я хотел сказать, что еще не знаю ничего, принадлежащего моей сущности, за исключением того, что я – мыслящая вещь, или вещь, обладающая способностью мыслить. <…> из того, что я не знаю ничего другого, принадлежащего моей сущности, следует, что и в действительности нет ничего другого, принадлежащего ей» [9, с. 72].

Тем не менее в контексте феномена идентичности можно резюмировать, что, с одной стороны, с концепцией Р. Декарта можно согласится в том, что процесс идентификации личности действительно осуществляется индивидуально, но с другой – отрицание субъектом значимости стороннего и окружающего противоречит самому процессу идентификации.

В теории познания эмпиризм противопоставляет себя рационализму и основывается на методе познания через ощущения, подкрепленные опытным путем.

В противовес всем предыдущим концепциям Д. Юм первым заговорил о том, что человеческое *Я* не остается постоянным и неизменным на протяжении всей жизни: *Я* меняется, но только благодаря опыту и накопленным знаниям. Подобная трансформация практически безгранична, поскольку «нет ничего свободнее воображения человека; пусть оно и не может выйти за пределы первоначального запаса идей, доставляемыми внутренними и внешними чувствами, зато оно обладает безграничной способностью смешивать, соединять, отделять друг от друга и делить эти идеи со всем разнообразием, на какое только способны фантазия и вымысел» [10, с. 93–94].

Д. Юм, задаваясь вопросом «есть ли во всей природе принцип более таинственный, нежели связь души и тела, принцип, благодаря которому предполагаемая духовная субстанция приобретает такое влияние над материальной, что самая утонченная мысль может действовать на самую грубую материю?», приходит к выводу о *тайном единении души и тела*, благодаря которому «одна из них способна во многих случаях действовать на другую» [10, с. 125–126]. Но затем Д. Юм уточняет, что «власть духа над самим собой так же ограничена, как и его власть над телом, и границы эти познаются не с помощью разума и не благодаря знакомству с природой причины и действия, а только с помощью опыта и наблюдения» [10, с. 131–132].

Так, концепция Д. Юма, основанная на опытном процессе наделения понятий их (пусть и субъективным) значением, позволяет предположить, что процесс идентификации может осуществляться только во взаимодействии с накопленным опытом, а также с опорой на него. Это в свою очередь подтверждает идею того, что на процесс идентификации субъекта влияют как личностные составляющие, так и сторонние, обусловленные влиянием на самовосприятие субъекта.

Помимо основной характерной черты немецкой классической философии, которая заключалась в попытках доказать, что философия – это наука, к этому периоду развития философской мысли можно отнести и то, что философы данного периода задавались вопросом: *«Что есть знание?»*, из которого следуют и другие вопросы и понятия – законы мышления, границы человеческого познания и др.

И. Кант, в отличие от философов предыдущих течений, вводит понятие *личности* и рассуждает о ее тождественности – постоянстве при различных условиях. Так, он констатирует: «То, что сознает свое численное тождество в разное время, есть ввиду этого личность. Душа сознает <…>. Следовательно, душа есть личность» [11, с. 524]. Более того, И. Кант четко разграничивает *собственную личность субъекта* от *личности, которой субъекта наделяет наблюдающий* в определенный момент: «…тождество личности неизбежно оказывается в <…> сознании.

Но если я рассматриваю себя с точки зрения другого лица (как предмет его внешнего созерцания), то [я нахожу, что] этот внешний наблюдатель рассматривает *меня* только *во времени*; ведь в апперцепции *время,* собственно, только представляется во мне. Следовательно, <…> *Я* сопутствует в моем сознании всем представлениям во всякое время, сохраняя при этом полное тождество, все же он не может отсюда заключить к объективной постоянности меня самого. <…> в данном случае время, в которое полагает меня этот наблюдатель, есть время не моей чувственности, а его чувственности; поэтому тождество, необходимо связанное с моим сознанием, не связано с сознанием наблюдателя, т. е. с внешним созерцанием моего субъекта» [11, с. 525].

Можно предположить, что подобная формулировка И. Кантом концепции *личности* вполне может претендовать на статус предтечи не только таких понятий, как идентификация и идентичность, но и на сформированное в последующем (в психоанализе) понятие индивидуации личности.

Г. В. Ф. Гегель, определяя человека как форму, утверждает, что эта самая форма по праву считается высшей и истинной, поскольку только внутри этой формы дух может пребывать в своей собственной телесности и, соответственно, иметь свое собственное наглядное выражение.

Так, Г. В. Ф. Гегель пишет о *чувстве самого себя*: «Чувствующая тотальность в качестве индивидуальности состоит <…> во внутреннем саморазличении и пробуждении к различению в самой себе, согласно которому она имеет особые чувства и в качестве субъекта является в отношении к ним их определениями. Субъект <…> полагает эти определения как свои чувства в себе. Он погружен в эту особенность ощущений, и в то же время посредством идеальности особенного он смыкается в этом особенном с самим собой как с субъективным единством. <…> он есть чувство самого себя и в то же время является таковым только в особенном чувстве» [12, с. 118].

Следовательно, основываясь на рассуждении Г. В. Ф. Гегеля, можно сделать вывод, что именно в его определении начинают прослеживаться те самые черты личностного составляющего, которые в современном контексте называются *процессом идентификации*.

Отталкиваясь от рационалистической концепции суждений, иррационализм провозглашает познание мира без участия разума, в то же время опираясь на сенситивное его (мира) описание, при участии таких недоступных разуму средств, как интуиция, предчувствие, чувства и т. д. Более того, иррационалистический взгляд на мир провозглашает окружающую действительность как самую настоящую иррациональность.

А. Шопенгауэр о личности утверждал: «индивид, личность – это не воля как вещь в себе, но уже явление воли, и как таковое личность уже детерминирована и приняла форму явления – закон основания» [13, с. 217]. Но в то же время он отмечал, что «в человеке, таким образом, воля может достигнуть своего полного самосознания, ясного и исчерпывающего знания своей собственной сущности, как она отражается в целом мире» [14, с. 199].

Так, в данном случае под *волей* можно предположить идентификационную направленность личности, потому как описываемый А. Шопенгауэром процесс полностью совпадает с идентификационной концептуальностью.

Экзистенциальная философия утверждает, что само существование человека предваряет его сущность, которую он впоследствии обретает. Эта сущность развивается в нем на протяжении всей его жизни. И в данном случае показательными будут экзистенциальные рассуждения Ф. Ницше.

Для Ф. Ницше личность (а точнее личность как отдельная субстанция) является основой для всего сопутствующего. Так, про *отдельную* личность Ф. Ницше пишет: «…человек стремится к уединению и к своему домашнему углу, где он избавлен от толпы, от многолюдия, от большинства, где он может забыть правило “человека” и быть его исключением, за исключением одного случая, когда более сильный инстинкт прямо наталкивает его на это правило, как человека познающего в обширном и исключительном смысле слова» [15, с. 364].

Таким образом, можно предположить, что, помимо того самого обретения человеком своей сущности, Ф. Ницше акцентировал внимание на том, что *истинным* человек предстает только перед самим собой, а это в свою очередь прямо коррелирует с концепцией не только процесса идентификации, но и обретения идентичности.

Совершенно иной взгляд на феномен идентичности предлагает феноменология. Провозглашая категорический отказ от предшествующих дедуктивных систем, феноменология предлагает обращение к первоначальному опыту, а именно – к трансцендентальному, априорному *Я*.

Э. Гуссерль, акцентируя внимание на концепте личности, сравнивает процессы психики с процессами во время общения, когда «слушающий воспринимает извещение в том же самом смысле, в котором он воспринимает саму извещающую личность – хотя все же психические феномены, которые делают личность личностью, не могут быть даны при созерцании другого как то, что они суть» [16, с. 107]. Это подтверждает индивидуальную составляющую процесса идентификации. Однако сторонним наблюдателем личность воспринимается цельно, несмотря на скрытый концепт идентичности, что никоим образом не влияет на стороннее восприятие наблюдателя.

В целом же Э. Гуссерль отмечает, что *Я* – это и есть то самое единство сознания, которое и формирует личность: «*Я* означает для нас <…> “единство сознания”, “связку” переживаний, или, в эмпирически реальном понимании и более естественно, как непрерывное, вещное единство, которое интенционально конституируется в единстве сознания как личностный субъект переживаний – как *Я*, которое обретает в них свои “психические состояния”, которые осуществляет соответствующая интенция, соответствующее восприятие, суждение» [16, с. 162].

Следовательно, можно констатировать, что феноменологическое описание Э. Гуссерлем *Я*-концепции заключается в том, что, с одной стороны, феномен личности не отделим от психических процессов субъекта, а с другой – личность формируется сознанием (что в свою очередь указывает на индивидуализированный процесс идентификации).

Опорой на контекстуальность и объективность характеризуется подход герменевтики к *Я*-концепции. Но, что немаловажно, герменевтический подход зачастую связан с текстом, для своего рода *личностного транскрибирования* которого и важны контекст и объективность. Необходимо отметить, что существует и *культурный текст*, внутри которого формируется нарративная идентичность – идентичность, которую формирует сам субъект, основываясь на знаках и символах, которые только сам способен расшифровать.

Так, П. Рикёр трактует понятие личности как *позицию*, которая ведет к обретению идентичности: «личность находит руководящую нить своей деятельности в верности выбранному направлению; в свою очередь благодаря верности делу личность сосредоточивается и обретает собственную идентичность» [17, с. 11]. Более того, основываясь на особенностях социального контекста современности, П. Рикёр резюмирует: «для меня самого мое собственное существование на деле зависит от <…> конституирования моего “Я” во мнении “другого”; мое “Я” <…> есть результат мнения “другого”; но такое конституирование субъектов, то есть конституирование друг друга как субъектов посредством мнения, руководствуется новыми образами, о которых в новом же смысле можно сказать, что они “объективны”: они нисколько не институированы, и тем не менее их надлежит искать в произведениях литературы и искусства» [17, с. 175–176]. В целом же П. Рикёр определяет личность как субъективное действие: «личность выявляет себя исключительно в практическом акте, в понимании себя как цели, а не только как средства» [17, с. 556].

Таким образом, данная трактовка *Я*-концепции обосновывает, во-первых, субъективную продолжительность идентификационного процесса и его контекстуальную зависимость, а во-вторых, то, что общекультурное составляющее современности побуждает личность к поиску идентификационной направленности не только в таких феноменах культуры, как литература и искусство, но и при участии *Другого*, поскольку, вероятно, установка современного общества на значимость стороннего мнения превалирует над значимостью собственной рефлексивной состоятельности.

Заключение. Следует отметить, что на данном этапе философия личности как таковая не ограничивается перечисленными представлениями об идентичности: проблема идентичности является ключевой как в психоаналитической теории личности (фрейдизм, неофрейдизм, постфрейдизм и др.), так и в постмодернистской философии (постмодернизм, пост-постмодернизм и др.), но уже с весомым категориальным изменением – отныне описывается не ее номинальная сущность, а статус (например – кризис), в котором она пребывает.

Таким образом, можно считать доказанным следующее: с одной стороны, интерес философов к концепциям идентификации и идентичности личности проявлялся на протяжении формирования и развития всей философской мысли, а с другой – во время смены философских парадигм интерес к общей концепции личности только увеличивался.

Список использованных источников

1. Лосев, А. Ф. Античная литература: учебник / А. Ф. Лосев; под ред. А. А. Тахо-Годи. – [5-е изд., дораб.]. – М.: ЧеРо, 1997. – 543 с.

2. Марков, А. В. Сократ. Я ничего не знаю: с коммент. и ил. / А. В. Марков. – М.: АСТ, 2022. – 320 с.

3. Эпикур. Главные мысли: с коммент. и ил. / Эпикур; пер. [с древнегреч.] М. Л. Гаспарова; сост., предисл. и коммент. К. В. Бандуровского. – М.: АСТ, 2022. – 221 с.

4. Стоики и эпикурейцы. Нравственный образ жизни / пер. с англ. Д. Хвостова. – М.: АСТ, 2022. – 192 с.

5. Марион, Ж.-Л. Эго, или Наделенный собой / Ж.-Л. Марион; пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: РИПОЛ классик: Панглосс, 2019. – 159 с.

6. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский; пер., сост., коммент. К. Бандуровского. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

7. Монтень, М. Опыты / М. Монтень; пер. с фр. А. С. Бобовича, Ф. А. Коган-Бернштейн, Н. Я. Рыковой. – М.: АСТ, 2020. – 768 с.

8. Декарт, Р. Рассуждения о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках / Р. Декарт; пер. с фр. М. Скиада. – М.: Эксмо, 2020. – 128 с.

9. Декарт, Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии / Р. Декарт; пер. с фр. – Луцк: Вежа, 1998. – 320 с.

10. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении / Д. Юм; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.

11. Кант, И. Критика чистого разума: [пер. с нем.] / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с. – (Философское наследие; т. 118).

12. Гегель, Г. В. Ф. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. – М.: АСТ, 2018. – 192 с.

13. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление: в 2 т. / А. Шопенгауэр; пер. с нем. – М.: Эксмо, 2021. – Т. 1: Воля там, где ее озаряет познание. – 384 с.

14. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление: в 2 т. / А. Шопенгауэр; пер. с нем. – М.: Эксмо, 2021. – Т. 2: Мир – такой, каким его видит человек, – существует лишь в его представлении. – 432 с.

15. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше; пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020. – 544 с.

16. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль; сост. В. А. Куренной. – М.: Территория будущего, 2005. – 464 с.

17. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр; пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.: Академ. проект, 2008. – 695 с.

References

1. Losev A. F. *Antique literature*. Moscow, CheRo Publ., 1997. 543 p. (in Russian).

2. Markov A. V. *Socrates. I know nothing*. Moscow, AST Publ., 2022. 320 p. (in Russian).

3. Epicurus. *Main thoughts*. Moscow, AST Publ., 2022. 221 p. (in Russian).

4. *Stoics and Epicureans. Moral way of life*. Moscow, AST Publ., 2022. 192 p. (in Russian).

5. Marion J.-L. *Ego, or self-endowed*. Moscow, RIPOL classic: Pangloss Publ., 2019. 159 p. (in Russian).

6. Thomas Aquinas. *Summa theologiae*. Moscow, AST Publ., 2019. 320 p. (in Russian).

7. Montaigne M. *The essays*. Moscow, AST Publ., 2020. 768 p. (in Russian).

8. Descartes R. *Discourse on the method of rightly conducting the reason, and seeking truth in the sciences*. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 128 p. (in Russian).

9. Descartes R. *Discourse on the method. Meditations on first philosophy. Principles of philosophy.* Lutsk, Vezha Publ., 1998. 302 p. (in Russian).

10. Hume D. *An inquiry concerning human understanding*. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 320 p. (in Russian).

11. Kant I. *Critique of pure reason*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (in Russian).

12. Hegel G. W. F. *The philosophy of spirit*. Moscow, AST Publ., 2018. 192 p. (in Russian).

13. Schopenhauer A. *The world as will and representation. Vol. 1.* Moscow, Eksmo Publ., 2021. 384 p. (in Russian).

14. Schopenhauer A. *The world as will and representation. Vol. 2.* Moscow, Eksmo Publ., 2021. 432 p. (in Russian).

15. Nietzsche F. *Beyond good and evil*. St. Petersburg, Azbuka: Azbuka-Attikus Publ., 2020. 544 p. (in Russian).

16. Husserl E. *Selected works*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 464 p. (in Russian).

17. Ricoeur P. *The conflict of interpretations: essays in hermeneutics*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 695 p. (in Russian).

Информация об авторе

Севастов Кирилл Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии литературы и эстетики. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kirillsevastov@gmail.com. https://orcid.org/0000-0001-6093-7274

Information about the author

Kirill V. Sevastov – Ph. D. (Philos.), Senior researcher at the Department of philosophy of literature and aesthetics of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: kirillsevastov@gmail.com. https://orcid.org/0000-0001-6093-7274

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.74:[796.06-053.6:615.2/.3]:303.4(476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-104-115

Поступила в редакцию 28.01.2026
Received 28.01.2026

А. М. Бельский

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

АНТИДОПИНГОВЫЕ ЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ РОДИТЕЛЕЙ КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЗАПРЕЩЕННЫХ ВЕЩЕСТВ В МОЛОДЕЖНОМ СПОРТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. Профилактика допинга в молодежном спорте является приоритетом международной и национальной политики, где роль родителей как ключевого элемента окружения спортсмена требует изучения. Целью исследования является оценка уровня знаний родителей юных спортсменов Республики Беларусь об антидопинговых правилах и их влиянии на установки детей. В декабре 2024 г. был проведен онлайн-опрос 2018 родителей обучающихся 7–11-х классов училищ олимпийского резерва. Репрезентативная выборка позволила провести дескриптивный анализ с учетом гендерных различий. По результатам анализа можно констатировать, что большинство родителей осведомлены о правилах и признают их важность, однако лишь половина из них считают свои знания достаточными, семь из десяти опрошенных выразили потребность в дополнительном обучении. Основными источниками информации в области допинга для родительского сообщества выступают электронные и традиционные СМИ, что отражает низкую востребованность на данный момент образовательных семинаров. Отцы чаще указывают на достаточность знаний и активнее вовлечены в обсуждение темы. Большинство родителей обсуждают допинг с детьми, не испытывая при этом дискомфорта. Главные опасения применения допинга связаны со здоровьем, дисквалификацией и непредсказуемостью препаратов. Таким образом, исследование выявило высокую значимость темы допинга для родителей при одновременном дефиците структурированных знаний и низкой вовлеченности в формальное антидопинговое образование. Существует запрос на системную просветительскую работу, что актуально к реализации в условиях критической роли семьи в формировании нетерпимого отношения юных спортсменов к допингу через доверительное общение. Исследование осуществлено в рамках научного сопровождения деятельности базового субъекта обеспечения антидопинговой кампании в Республике Беларусь – Национального антидопингового агентства, учредителем которого выступает Министерство спорта и туризма Республики Беларусь.

Ключевые слова: допинг, антидопинговые правила, училище олимпийского резерва, спортсмены-учащиеся, родители, источник информации

Для цитирования: Бельский, А. М. Антидопинговые знания и практики родителей как значимый фактор профилактики запрещенных веществ в молодежном спорте (по материалам эмпирического исследования) / А. М. Бельский // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 104–115. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-104-115

Alexander M. Belski

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ANTIDOPING KNOWLEDGE AND PRACTICES OF PARENTS AS A SIGNIFICANT FACTOR IN PROHIBITED SUBSTANCES PREVENTION IN YOUTH SPORTS (BASED ON AN EMPIRICAL RESEARCH)

Abstract. Doping prevention in youth sports is a priority for international and national policy, and the role of parents as a key element in an athlete's environment requires study. The aim of the study was to assess the level of knowledge of antidoping rules among parents of young athletes in the Republic of Belarus and their influence on their children's attitudes. An online survey of 2,018 parents of students in grades 7–11 at Olympic reserve schools was conducted in December 2024. A representative sample allowed for a descriptive analysis, taking into account gender differences. The analysis revealed that most parents are aware of the rules and recognize their importance. However, only half consider their knowledge sufficient, and seven out of ten respondents expressed a need for additional training. The primary sources of information for the parent community are electronic and traditional media, reflecting the low demand for educational seminars. Fathers are more likely to report sufficient knowledge and are more actively involved in discussions. Most parents discuss doping with their children without experiencing discomfort. The main concerns regarding doping are related to health, disqualification, and the unpredictability of drugs. Thus, the study revealed the high importance of doping for parents, coupled with a lack of structured know-ledge and low engagement in formal anti-doping education. There is a need for systematic educational efforts, which are particularly

© Бельский А. М., 2026

relevant given the critical role of families in fostering intolerant attitudes toward doping in young athletes through trusting communication. The study was conducted as part of the scientific support for the activities of the National Anti-Doping Agency, the primary agency supporting the anti-doping campaign in the Republic of Belarus, founded by the Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus.

Keywords: doping, anti-doping rules, Olympic reserve school, student athletes, parents, source of information

For citation: Belski A. M. Antidoping knowledge and practices of parents as a significant factor in prohibited substances prevention in youth sports (based on an empirical research). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 2, pp. 104–115 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-104-115

Введение. Основной целью международной политики в области физического воспитания и спорта является содействие предотвращению применения допинга. Основными мерами антидопинговой кампании являются ограничение доступности запрещенных субстанций и методов, а также ограничение их использования в спорте, регулирование деятельности вспомогательного персонала, внедрение передовой практики в области локализации сбыта и распределения пищевых добавок, включая предоставление информации об их химическом составе и гарантии качества, принятие финансовых мер и мер по содействию допинг-контролю.

Вопрос эффективности реализации мер политики в области физического воспитания и спорта требует всесторонней оценки рисков, связанных со спортивными достижениями и поведением спортсменов [1]. Изучение социальных рисков в спорте объективно предполагает анализ факторов, их детерминирующих. Было бы не вполне корректным в качестве источника риска в спорте рассматривать только спортсмена [2; 3]. Причиной возможных неблагоприятных ситуаций может являться и его внешнее окружение.

Основные субъекты спортивной деятельности в стране (органы государственного управления, спортивные организации, спортивная общественность, сами спортсмены) ответственно относятся к реализации мер международной и государственной политики по противодействию распространения допинга в спорте. Базовым субъектом обеспечения антидопинговой кампании в Республике Беларусь является Национальное антидопинговое агентство, учредителем которого выступает Министерство спорта и туризма Республики Беларусь.

Особую актуальность имеет изучение восприятия допинга среди молодых спортсменов. В современном спорте использование запрещенных веществ и методов для улучшения спортивных результатов стало распространенным явлением, что может поспособствовать формированию у нового поколения спортсменов искаженной ценностной системы, где допинг может восприниматься как допустимый и даже необходимый вспомогательный элемент [4]. Основными причинами, по которым молодые спортсмены могут потенциально прибегать к допингу, являются стремление к высоким достижениям, давление со стороны тренеров и сверстников, а также недостаток информированности о последствиях использования допинга [5].

Проблемы, связанные с допингом, включают не только нарушение принципов честной игры, но и серьезные медицинские и социальные последствия для молодых спортсменов [6]. Использование допинга может привести к ухудшению здоровья, преждевременному завершению спортивной карьеры и потере доверия со стороны болельщиков, ухудшению взаимоотношений с членами команды.

Знание антидопинговых правил родителями молодых спортсменов играет важную роль в профилактике использования запрещенных веществ [7]. Установление доверительных отношений с ребенком по поводу этого вопроса является единственным эффективным ключом к достижению позитивных результатов. Открытое обсуждение вопросов допинга с родителями представляет собой важный элемент антидопинговой пропаганды, формирует атмосферу психологического благополучия и мотивирует на чистые спортивные достижения.

Для борьбы с допингом необходимо проводить образовательные программы для молодых спортсменов, усиливать контроль за соблюдением антидопинговых правил и развивать методы выявления запрещенных веществ. Важно также создавать условия, при которых спортсмены смогут достигать высоких результатов без использования допинга, поддерживая их здоровье и благополучие. Осуществление социологической диагностики указанного проблемного поля

выступает действенным инструментом учета мнений и оценок заинтересованных сторон с целью выработки обоснованных решений по нивелированию выявленных противоречий.

Цель исследования – оценка уровня знаний родителей спортсменов –учащихся 7–11-х классов училищ олимпийского резерва Республики Беларусь (далее – родителей) о существующих антидопинговых правилах и нарушениях, а также то, как родительские убеждения формируют установки и поведение молодых спортсменов относительно приема допинга, выявления роли родителей в формировании нетерпимости спортсменов к применению допинга. *Объект исследования* – родители спортсменов – учащихся 7–11-х классов училищ олимпийского резерва Республики Беларусь (целевая группа). *Предмет исследования* – уровень осведомленности родителей о существующих антидопинговых правилах, его влиянии на принятие решений молодых спортсменов относительно употребления допинга. *Метод исследования* – опрос родителей посредством заполнения онлайн-формы. Проведению опроса предшествовал пилотаж инструментария, который включал в себя интервью с родителями, имеющими детей, занимающихся спортом. Реализация оперативного пилотного исследования позволила провести тщательную проверку инструментария на понимание вопросов респондентами, адекватность перечня ответов. После пилотажа инструментарий был доработан для полного соответствия специфике темы исследовательского проекта.

Опрос был проведен 2–11 декабря 2024 г. В нем приняли участие 2024 родителя спортсменов – учащихся училищ олимпийского резерва Республики Беларусь. В ходе статистического контроля первичной социологической информации по причине неполноты / некорректности заполнения были отклонены анкеты 6 участников исследования. Таким образом, при анализе учитывались мнения и оценки 2018 респондентов. В выборочную совокупность, пропорционально количеству обучающихся, вошли родители и законные представители спортсменов 14 училищ олимпийского резерва Республики Беларусь.

Достигнутый объем выборочной совокупности является достаточным для обеспечения репрезентативности полученных эмпирических данных в области мнений и оценок родителей / законных представителей обучающихся училищ олимпийского резерва Республики Беларусь. Однако следует отметить, что такие социально-демографические характеристики, как гендерная принадлежность и уровень образования участников опроса могут выступить жесткими квотируемыми признаками в будущих исследованиях для повышения четкости выявления закономерностей ответов в соответствии с ними в качестве предикторов.

Результаты и их обсуждение. Значимой мерой для повышения эффективности мероприятий, направленных на предотвращение применения допинга в спорте и борьбу с ним, а также проведение антидопинговой пропаганды, является повышение уровня осведомленности о вреде употребления стимулирующих веществ.

Результаты проведенного исследования показали, что абсолютное большинство родителей спортсменов – учащихся училищ олимпийского резерва Республики Беларусь знают о существовании антидопинговых правил в спорте: об этом заявили 94,8 % респондентов (среди мужчин данный показатель составил 99,6 %, среди женщин – 94,1 %). Только 2,1 % участников опроса отметили, что не осведомлены об антидопинговых правилах, 3,1 % затруднились с ответом.

Практически все участники опроса (96,8 %) подтвердили, что для родителей молодых спортсменов важно знать антидопинговые правила. Только 1,2 % респондентов не считают подобные знания значимыми, 2,0 % затруднились с ответом.

По вопросу оценки собственной осведомленности об антидопинговых правилах мнения участников исследования разделились: свои знания о них называют достаточными 47,1 % опрошенных родителей, 44,5 % указали обратное. Затруднения при ответе на вопрос возникли у 8,4 % респондентов.

Заметны отличия в ответах на вопрос у участников исследования в зависимости от гендерной принадлежности. Так, мужчины чаще, чем женщины указывают, что их знания об антидопинговых правилах являются удовлетворительными (62,4 и 44,8 % соответственно) (рис. 1).

Результаты опроса показали, что самым популярным источником информации о допинге среди родителей спортсменов училищ олимпийского резерва выступают электронные средства массовой информации – интернет-порталы, социальные сети, мессенджеры (64,4 %). Также важным информационным ресурсом для респондентов являются традиционные средства массовой

информации – телевидение, радио, газеты / журналы (53,6 %). Тренерский состав в качестве источника информации о допинге указали 44,4 % опрошенных, врачей спортивной медицины – 29,3 %. Реже участниками опроса отмечалась актуальность получения информации от членов семей (11,3 %), из профильных образовательных семинаров (9,2 %), от членов команд, одноклубников (8,6 %), от друзей и близких (8,4 %), от спортивных психологов (5,2 %). Затруднились с указанием источника 5,4 % участников опроса.

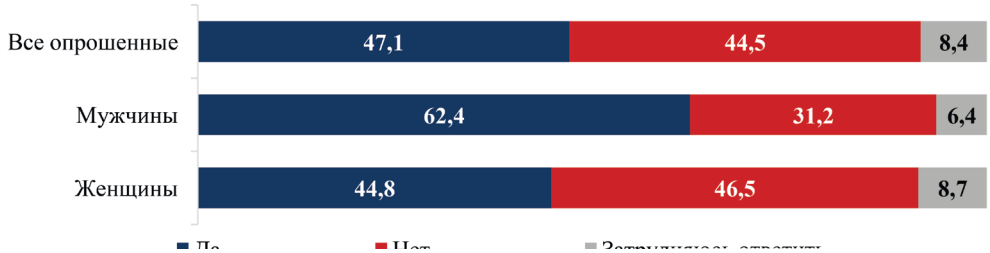

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваши знания об антидопинговых правилах достаточны?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question: "Do you think that your knowledge of anti-doping rules is sufficient?", % depending on gender

Следует отметить, что мужчины чаще, чем женщины в качестве источников информации о допинге указывают тренеров (на 12,1 %), членов команд, одноклубников (на 8,7 %), врачей спортивной медицины (на 8,7 %), профильные образовательные семинары (на 8,4 %), а также электронные средства массовой информации (на 5,5 %) (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие источники информации о допинге Вам известны?», % в зависимости от гендерной принадлежности**

Table 1. **Distribution of respondents' answers to the question: "What sources of information about doping are you aware of?", % depending on gender**

Источники информации о допинге	Мужчины	Женщины
Традиционные СМИ	56,8	53,1
Электронные СМИ	**69,2**	**63,7**
Профильные образовательные семинары	**16,5**	**8,1**
Тренеры	**54,9**	**42,8**
Члены команды, одноклубники	**16,2**	**7,5**
Друзья, близкие	10,9	8,0
Члены семьи	11,7	11,3
Врачи спортивной медицины	**36,8**	**28,2**
Спортивные психологи	7,5	4,8

Результаты проведенного опроса показали, что 82,2 % респондентов не принимали участия в семинарах и других образовательных мероприятиях, посвященных теме допинга в спорте, тогда как подтвердили свое участие в них только 15,8 % опрошенных родителей, причем мужчины об этом заявляют чаще, чем женщины (26,7 и 14,1 % соответственно) (рис. 2).

Схожая картина наблюдается и при обсуждении антидопинговых вопросов с другими родителями или в спортивных группах. Согласно полученным данным, 79,5 % респондентов не принимали в них участия. Только 15,9 % опрошенных заявили о своем участии в обсуждении антидопинговых вопросов в данном кругу (среди мужчин – 27,1 %, среди женщин – 14,2 %) (рис. 3).

При этом 68,8 % опрошенных родителей молодых спортсменов заявили, что хотели бы получить дополнительное обучение или информацию по вопросам допинга и его влияния. Не хотят участвовать в подобных мероприятиях 21,7 % респондентов, 9,5 % затруднились ответить.

Наиболее актуальными для родителей темами, связанными с допингом, прежде всего являются следующие: особенности применения спортивного питания и биологически активных добавок (57,8 %), опасность допинга для здоровья спортсменов (54,6 %), список запрещенных

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие темы, связанные с допингом, Вам интересны?», % в зависимости от гендерной принадлежности**

Table 2. **Distribution of respondents' answers to the question: "What topics related to doping are you interested in?", % depending on gender**

Темы, связанные с допингом	Мужчины	Женщины
Особенности применения спортивного питания и БАД	***51,1***	***58,8***
Антидопинговые правила, санкции за их нарушение	**49,6**	**35,3**
Опасность допинга для здоровья спортсменов	56,8	54,2
Допинг в детском и юношеском спорте	**49,6**	**39,3**
Список запрещенных субстанций и методов	49,6	45,5
Разрешение на терапевтическое использование запрещенных препаратов или методов	**30,1**	**23,1**
Развитие законодательной базы Республики Беларусь в отношении допинга	**23,7**	**16,2**
Характеристика запрещенных в спорте препаратов или методов	28,2	26,5
Особенности организации допинг-контроля	**26,7**	**19,2**
Используемые стратегии в борьбе с допингом	**21,8**	**12,7**
Причины и мотивы использования допинга	**22,2**	**15,9**

По мнению 73,3 % опрошенных родителей молодых спортсменов, количество информации по вопросам допинга оказывает влияние на принятие их детьми тех или иных решений в спорте. Противоположную точку зрения отметили 11,2 % респондентов, 15,5 % затруднились с ответом.

Проводили беседы со своими детьми о допинге и антидопинговых правилах 76,8 % родителей, принявших участие в исследовании. Однако практически каждый пятый опрошенный (19,3 %) не участвовал в обсуждении таких тем со своим ребенком. Затруднились ответить на вопрос 3,9 % респондентов.

Примечательно, что абсолютному большинству опрошенных родителей (91,7 %) комфортно обсуждать тему допинга со своими детьми. Только 2,5 % респондентов заявили, что испытывают при этом какой-либо дискомфорт, 5,8 % затруднились с ответом.

Среди опасений по поводу использования допинга в виде спорта, которым занимается ребенок, более половины родителей, принявших участие в исследовании, указали прежде всего ухудшение состояния здоровья (55,2 %), дисквалификацию / снятие с соревнований (54,5 %), а также непредсказуемое действие препаратов на организм (54,0 %). Треть респондентов озабочены возможными психологическими переживаниями ребенка (35,5 %), а также вероятностью возникновения зависимости от препаратов (32,2 %). Реже родители опасаются осуждения тренеров (10,7 %) и членов команды (7,7 %). При этом почти каждый пятый участник опроса затруднился с ответом на данный вопрос (19,1 %). Примечательно, что отцы молодых спортсменов чаще, чем матери указывают опасения по поводу допинга практически по всем перечисленным позициям (рис. 4).

Оценивая распространенность допинга среди молодых спортсменов, 42,2 % родителей затруднились высказать свое мнение. Однако каждый четвертый участник исследования (25,1 %) указал, что применение допинга является распространенным явлением среди молодых спортсменов, тогда как треть респондентов (32,7 %) заявили об обратном (среди мужчин данный показатель находится на уровне 44,7 %, среди женщин – 30,9 %) (рис. 5).

Большинство участников исследования (77,0 %) считают, что тренеры уделяют достаточное внимание вопросам допинга в своих программах тренировок. Только 5,7 % респондентов заявили, что этого не происходит, 17,3 % затруднились дать свою оценку.

Серьезное внимание проблеме допинга уделяется и спортивными организациями: так считают 88,0 % опрошенных родителей, обратного мнения придерживаются только 2,7 % респондентов. При этом почти каждый десятый затруднился с ответом (9,3 %).

Среди мер, которые должны предприниматься для предотвращения использования допинга, родителями молодых спортсменов прежде всего было обозначено более интенсивное обсуждение темы допинга в спортивной среде – на это указали 71,6 % опрошенных. Также важными аспектами профилактики называются широкое использование как положительных, так и отрицательных примеров из жизни известных спортсменов (48,3 %), психологическая поддержка и консультации спортсменов (42,9 %). Немного реже участники опроса указывают на необходимость проведения более активной информационной работы в средствах массовой информации (28,3 %), осуществления более прозрачной деятельности антидопинговых организаций (24,2 %),

увеличения количества антидопинговых проверок (22,8 %). Затруднились высказать свое мнение по данному вопросу 7,4 % респондентов.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие опасения у Вас есть по поводу допинга в виде спорта, которым занимается Ваш ребенок?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: "What concerns do you have about doping in the sport your child plays?", % depending on gender

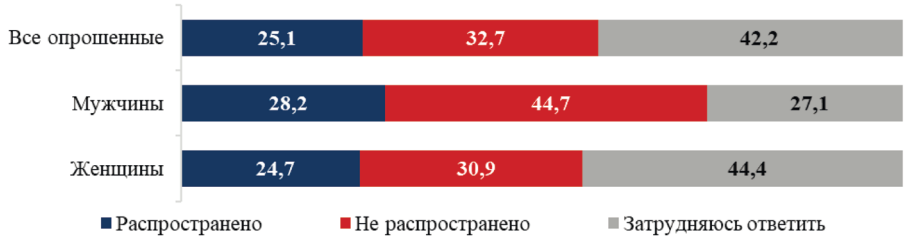

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, применение допинга является распространенным явлением среди молодых спортсменов?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 5. Distribution of respondents' responses to the question: "In your opinion, how widespread is doping among young athletes?", % by gender

Результаты исследования показали, что женщинами чаще, чем мужчинами указывается важность более частого обсуждения темы допинга в спортивной среде (на 5,0 %). При этом отцы молодых спортсменов чаще матерей указывают на необходимость более прозрачной деятельности антидопинговых организаций (на 15,0 %), увеличения частоты антидопинговых проверок (на 10,6 %), проведения более активной информационной работы в СМИ (на 9,5 %), широкого использования положительных и отрицательных примеров из жизни известных спортсменов (на 6,7 %) (табл. 3).

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие меры, по Вашему мнению, должны предприниматься для предотвращения использования допинга среди спортсменов?», % в зависимости от гендерной принадлежности**

Table 3. **Distribution of respondents' answers to the question: "What measures, in your opinion, should be taken to prevent the use of doping among athletes?", % depending on gender**

Меры для предотвращения использования допинга	Мужчины	Женщины
Увеличить частоту антидопинговых проверок	**32,0**	**21,4**
Чаще обсуждать тему допинга в спортивной среде	***67,3***	***72,3***
Сделать деятельность антидопинговых организаций более прозрачной	**37,2**	**22,2**
Шире использовать примеры из жизни известных спортсменов (положительные и отрицательные)	**54,1**	**47,4**
Проводить более активную информационную работу в СМИ	**36,5**	**27,0**
Психологическая поддержка и консультации спортсменов	42,9	42,9

Согласно полученным данным, более половины родителей (57,0 %) считают, что допинг отрицательно влияет на спортивные достижения. Положительное воздействие применения допинга отмечают только 10,9 % участников опроса, причем мужчины придерживаются такой точки зрения чаще, чем женщины (19,5 и 9,6 % соответственно). Следует отметить, что затруднились с ответом на данный вопрос 32,1 % респондентов (рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, каким образом допинг влияет на спортивные достижения спортсменов?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 6. Distribution of respondents' responses to the question: "How do you think doping affects athletes' athletic performance?", % by gender

Большинство родителей, принявших участие в исследовании (83,5 %), придерживаются мнения, что использование допинга может отрицательно отразиться на состоянии здоровья спортсменов. Положительный эффект от применения допинга отмечают только 2,3 % респондентов. Затруднились с оценкой 14,2 % опрошенных.

Вместе с тем 77,3 % участников исследования считают, что при приеме запрещенных препаратов *в соревновательный период* вероятность обмануть антидопинговый тест отсутствует. Только 3,4 % респондентов допускают такую возможность. При этом каждый пятый опрошенный (19,3 %) затруднился ответить на данный вопрос.

Оценивая вероятность обмануть допинг-тест при приеме запрещенных препаратов задолго *до начала соревнований*, более половины опрошенных (57,6 %) считают ее низкой. Только 8,9 % родителей называют подобную вероятность высокой, треть респондентов (33,5 %) затруднились с оценкой.

В случае поступления предложения под медицинским наблюдением бесплатно или без больших финансовых затрат принять ребенку запрещенное вещество, которое существенно повысило бы его спортивный уровень, от него отказалось бы абсолютное большинство родителей (94,4 %), принявших участие в исследовании. Лишь 1,2 % заинтересовались бы такого рода предложением, 4,4 % затруднились с ответом.

Полученные в ходе исследования данные показали, что 71,9 % родителей положительно относятся к санкциям для спортсменов за использование допинга, причем мужчины говорят об этом чаще, чем женщины (81,6 и 70,4 % соответственно). Отрицательно относятся к санкциям 9,5 % респондентов, 18,6 % опрошенных родителей затруднились высказать свое отношение к ним (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к санкциям для спортсменов за использование допинга?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 7. Distribution of respondents' answers to the question: "How do you feel about sanctions for athletes for using doping?", % depending on gender

Существующие санкции в отношении использования допинга называют эффективными для снижения мотивации его использования более половины (57,2 %) участников исследования, среди мужчин данный показатель находится на уровне 63,9 %, среди женщин – 56,2 %. Не считают их оптимальными только 7,6 % респондентов, тогда как более трети (35,2 %) затруднились высказать свое мнение по данному вопросу (рис. 8).

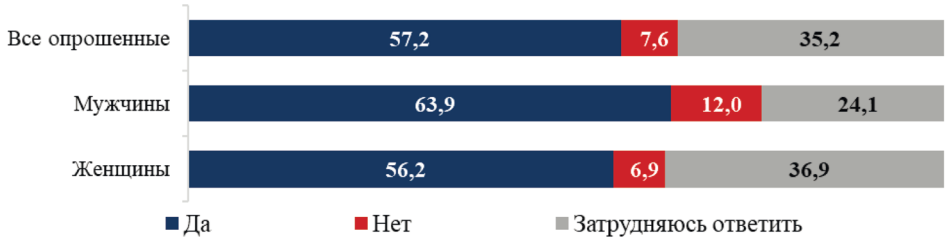

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы существующие санкции в отношении использования допинга оптимальными для снижения мотивации его использования?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 8. Distribution of respondents' responses to the question: "Do you consider the current sanctions against doping to be optimal for reducing the motivation for its use?", % by gender

По мнению 53,0 % опрошенных родителей, на решение спортсменов о том, использовать допинг или нет, оказывает влияние общественное мнение. При этом 27,3 % участников исследования отрицают это, 19,7 % респондентов затруднились с ответом.

Среди профилактических мер, которые могут предпринимать школы и спортивные клубы, родители спортсменов отмечают в первую очередь организацию диалоговых площадок со спортсменами о недопустимости использования допинга (64,4 %). Немного реже респондентами указывается необходимость проведения образовательных семинаров для родителей (34,3 %), взаимодействие со средствами массовой информации по вопросам антидопинговой пропаганды (29,5 %), реализация информационных кампаний по противодействию допингу в спортивной среде (29,0 %), проведение образовательных мероприятий в области нулевой терпимости к допингу среди тренеров (25,8 %), а также проектирование методических рекомендаций для заинтересованных лиц (21,7 %). При этом затруднились ответить на вопрос 16,1 % участников исследования.

Следует отметить, что мужчины чаще женщин указывают важность проведения образовательных мероприятий в области нулевой терпимости к допингу среди тренеров (на 16,2 %), взаимодействия со средствами массовой информации по вопросам антидопинговой пропаганды (на 8,0 %), а также проектирования методических рекомендаций для заинтересованных лиц (на 6,2 %) (рис. 9).

Основным ожиданием от программы антидопинга в училище олимпийского резерва опрошенные родители называют получение необходимой информации о запрещенных веществах и последствиях их приема (76,9 %). Почти каждый второй респондент (49,4 %) отмечает значимость создания позитивного имиджа отечественного спорта как «спорта чистых спортивных результатов». В качестве ожиданий от программы антидопинга участники опроса также отметили повышение компетенций тренеров в вопросах допинга – 37,5 % (среди мужчин данный показатель находится на уровне 45,1 %, среди женщин – 36,3 %), а также формирование у обучающихся нулевой терпимости в отношении использования допинга – 32,4 % (среди мужчин – 46,6 %, среди женщин – 30,2 %). Каждый десятый опрошенный родитель (10,7 %) затруднился с ответом на данный вопрос (рис. 10).

Отвечая в свободной форме на открытый вопрос *о рекомендациях*, которые могли бы дать участники исследования *другим родителям* по поводу обсуждения темы допинга со своими детьми, было обозначено следующее:

чаще обсуждать тему допинга с детьми в целом;

более глубоко изучать вопрос допинга;

отмечать последствия применения допинга, вред для здоровья;

интересоваться жизнью ребенка, проявлять любовь и поддержку;

контролировать прием лекарственных препаратов, проверять на наличие допинга;
формировать доверительные отношения между родителями и детьми;
посещать курсы, семинары в целях расширения знаний, консультации со специалистами;
быть открытыми и честными во время беседы с детьми.

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какую роль в профилактике допинга могут играть школы и спортивные клубы?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 9. Distribution of respondents' answers to the question: "What role can schools and sports clubs play in doping prevention?", % depending on gender

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие ожидания у Вас есть от программы антидопинга в училище олимпийского резерва?», % в зависимости от гендерной принадлежности

Fig. 10. Distribution of respondents' answers to the question: "What expectations do you have from the anti-doping program at the Olympic Reserve School?", % depending on gender

Выводы. Абсолютное большинство опрошенных родителей спортсменов – учащихся училищ олимпийского резерва Республики Беларусь осведомлены о существовании антидопинговых правил в спорте и подчеркивают важность ознакомления с ними для всех родителей молодых спортсменов. Однако собственные знания об антидопинговых правилах оценивают как достаточные только менее половины участников исследования. При этом две трети респондентов хотели бы получить дополнительное обучение или информацию по вопросам допинга и его влияния.

Среди источников информации о допинге опрошенные родители отмечают прежде всего электронные (интернет-порталы, социальные сети, мессенджеры), а также традиционные (телевидение, радио, газеты / журналы) средства массовой информации. Профильные образовательные семинары также выступают для родителей важным информационным ресурсом о допинге, однако свое участие в подобных мероприятиях подтвердили только 15,8 % участников исследования. В то же время подчеркивается важность работы в направлении информирования о допинге тренерского состава и врачей спортивной медицины.

Среди интересующих тем, связанных с допингом, опрошенными родителями молодых спортсменов были отмечены прежде всего особенности применения спортивного питания и биологически активных добавок, конкретная опасность допинга для здоровья спортсменов, перечень запрещенных субстанций и методов, их характеристика и разрешение на терапевтическое использование, ситуация с допингом в детском и юношеском спорте, антидопинговые правила и санкции за их нарушение.

Более 70 % участников исследования заявили, что их дети на регулярной основе получают информацию о допинге. Практически столько же опрошенных указали, что проводили со своими детьми беседы о допинге и антидопинговых правилах, при этом абсолютное большинство респондентов заявили, что им комфортно обсуждать данный вопрос с детьми. При этом уровень осведомленности своих детей по вопросам допинга смогли назвать в той или иной мере высоким только 63,5 % родителей, принявших участие в опросе.

В топ-3 опасений по поводу приема допинга вошли ухудшение состояния здоровья, дисквалификация / снятие с соревнований, а также непредсказуемое действие препаратов на организм. Заслуживает внимания тот факт, что отцы молодых спортсменов чаще, чем матери опасаются возможных последствий применения допинга.

Около 90 % участников опроса считают, что спортивными организациями уделяется достаточное внимание проблеме допинга, почти 80 % респондентов отмечают, что этот вопрос затрагивают тренеры в своих программах тренировок.

Ключевой мерой для предотвращения использования допинга родители молодых спортсменов называют более интенсивное обсуждение этой темы в спортивной среде. Существенными мерами воздействия также указываются широкое использование положительных и отрицательных примеров из жизни известных спортсменов, а также психологическая поддержка и консультации спортсменов.

Восемь из десяти родителей, принявших участие в исследовании, считают, что использование допинга может отрицательно отразиться на состоянии здоровья спортсменов. О положительном воздействии применения допинга говорит только каждый десятый участник опроса, причем мужчины придерживаются такой точки зрения чаще, чем женщины. Следует отметить, что практически все участники исследования отказались бы от предложения принять ребенку запрещенное вещество, которое существенно повысило бы его спортивный уровень, даже под контролем врачей и при невысокой его стоимости.

Более 70 % родителей положительно относятся к санкциям для спортсменов за использование допинга, причем среди мужчин данный показатель выше, чем среди женщин. Оценивая действующие санкции в отношении использования допинга, практически 60 % респондентов считают их оптимальными.

Родители спортсменов указали, что ключевой профилактической мерой, которую могут предпринимать школы и спортивные клубы, выступает организация диалоговых площадок

со спортсменами о недопустимости использования допинга, а основным ожиданием от антидопинговой программы в училище олимпийского резерва – получение необходимой информации о запрещенных веществах и последствиях их приема.

Список использованных источников

1. Рейн, В. А. История проблемы допинга в спорте, его влияние на организм и профилактика применения / В. А. Рейн // Актуальные исследования. – 2023. – № 23 (153), ч. 2. – С. 121–123.

2. Нилова, К. А. Проблемы допинга в современном спорте / К. А. Нилова, П. А. Мигунов, А. С. Ярцева // Гуманитарный трактат. – 2019. – № 50. – С. 23–26.

3. Бабаева, Ю. П. Допинг в спорте как социальная проблема / Ю. П. Бабаева, М. Н. Налимова // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 57-8. – С. 13–15. https://doi.org/10.18411/lj-12-2019-150

4. Субботин, А. М. Проблемы реализации ответственности за допинг в спорте / А. М. Субботин // Актуальные проблемы управления здоровьем населения: темат. сб. науч. тр. по результатам II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Медицина и право в современных условиях» / Приволж. исслед. мед. ун-т; под общ. ред. И. А. Камаева, В. М. Леванова. – Н. Новгород, 2019. – Вып. 12, т. 2. – С. 208–214.

5. Гаптарь, В. М. Допинг в спорте как социальная проблема / В. М. Гаптарь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 111–116.

6. Брусникина, О. А. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов / О. А. Брусникина, А. Н. Песков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10, № 31 (268). – С. 41–54.

7. Абдурахмонов, М. М. Проблема нарушения правил в спорте, связанная с применением допинга / М. М. Абдурахмонов // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., сост. 20 окт. 2024 г. в г. Пенза / Междунар. центр науч. сотрудничества «Наука и Просвещение»; отв. ред. Г. Ю. Гуляев. – Пенза, 2024. – С. 122–124.

References

1. Rein V. A. The history of the problem of doping in sports, its effect on the body and prevention of use. *Aktual'nyye issledovaniya* [Current Research], 2023, no. 23 (153), pt. 2, pp. 121–123 (in Russian).

2. Nilova K. A., Migunov P. A., Yartseva A. S. Doping problems in modern sports. *Gumanitarnyi traktat* [Humanitarian Treatise], 2019, no. 50, pp. 23–26 (in Russian).

3. Babaeva Yu. P., Nalimova M. N. Doping in sports as a social problem. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2019, no. 57-8, pp. 13–15 (in Russian). https://doi.org/10.18411/lj-12-2019-150

4. Subbotin A. M. Problems of implementing responsibility for doping in sports. *Aktual'nye problemy upravleniya zdorov'em naseleniya: tematicheskii sbornik nauchnykh trudov po rezul'tatam II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Meditsina i pravo v sovremennykh usloviyakh»* [Current issues of population health management: a thematic collection of scientific papers based on the results of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation "Medicine and law in modern conditions"]. Nizhny Novgorod, 2019, iss. 12, vol. 2, pp. 208–214 (in Russian).

5. Gaptar V. M. The doping in sports as the social problem. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaunaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 5, Ekanomika. Satsyyalogiya. Biyalogiya* [Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology], 2020, vol. 10, no. 1, pp. 111–116 (in Russian).

6. Brusnikina O. A., Peskov A. N. The practice of doping in professional sports and the consequences for the health of athletes. *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2014, vol. 10, no. 31 (268), pp. 41–54 (in Russian).

7. Abdurahmonov M. M. The problem of violation of the rules in sports related to the use of doping. *Nauka segodnya: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, sostoyavsheisya 20 oktyabrya 2024g. v g. Penza* [Science today: current issues of theory and practice: collection of articles from the III International scientific and practical conference, Penza, October 20, 2024]. Penza, 2024, pp. 122–124 (in Russian).

Информация об авторе

Бельский Александр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий Центром оперативных исследований. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alexanderbelski@ya.ru. https://orcid.org/0000-0002-1414-9864

Information about the author

Alexander M. Belski – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Center of Operative Research. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alexanderbelski@ya.ru. https://orcid.org/0000-0002-1414-9864

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 745.51.048.034:27-526.2-9(476)«16»
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-116-132

Поступила в редакцию 30.01.2026
Received 30.01.2026

Ж. М. Жихарко

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

АЛТАРНАЯ ПЛАСТИКА БЕЛАРУСИ XVII в.: ИКОНОГРАФИЯ И АТРИБУЦИЯ (БУДСЛАВ И ПОРПЛИЩЕ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию памятников алтарной резьбы XVII в., а именно будславскому алтарю и группе киотов-алтарей Спасо-Преображенского храма в д. Порплище. На основе архивных источников, монастырских хроник, визитационных описаний и сравнительно-искусствоведческого анализа рассматриваются вопросы авторства, датировки и происхождения киотов-алтарей св. Анны, св. Троицы и Богоматери Одигитрии, находящихся в Порплище. Особое внимание уделено выявлению стилистических и морфологических параллелей между декоративными элементами порплищанских памятников и будславского алтаря, созданного в 1649 г.

В результате исследования установлено, что группа алтарей-киотов и связанных с ними резных элементов была создана в середине XVII в. и, вероятнее всего, принадлежит мастеру Петру Грамелю – автору будславского алтаря. Архивные документы подтверждают гипотезу о переносе части алтарей из Будслава в Порплище в 1787 г. после завершения строительства нового костёла. Реконструируется история формирования интерьера Порплищанского храма и уточняется хронология его сакрального убранства.

Полученные выводы дают представление о путях распространения художественных форм раннего барокко и маньеризма на территории Великого Княжества Литовского, а также о взаимодействии католической и униатской художественных традиций.

Ключевые слова: алтарная пластика, сакральное искусство XVII в., будславский алтарь, Порплище, Пётр Грамель, маньеризм, раннее барокко, атрибуция памятников, резной декор, униатское и католическое искусство

Для цитирования: Жихарко, Ж. М. Алтарная пластика Беларуси XVII в.: иконография и атрибуция (Будслав и Порплище) / Ж. М. Жихарко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 116–132. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-116-132

Zhanna M. Zhykharka

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ALTAR PLASTIC MONUMENTS OF BELARUS OF THE 17th CENTURY: ICONOGRAPHY AND ATTRIBUTION (BUDSLAV AND PORPLISCHE)

Abstract. This article examines seventeenth-century altar woodcarving, focusing on the Budslav high altar and a group of altar-kiots from the Church of the Transfiguration in the village of Porplishche. Drawing on archival sources, monastic chronicles, visitation records, and comparative art-historical analysis, it addresses questions of authorship, dating, and provenance of the altar-kiots dedicated to St Anne, the Holy Trinity, and the Virgin Hodegetria preserved in Porplishche.

Special attention is given to identifying stylistic and morphological parallels between the decorative carving of the Porplishche monuments and the Budslav altar, completed in 1649. The study demonstrates that the group of altar-kiots and their associated carved elements was produced in the mid-seventeenth century and can most plausibly be attributed to the master Peter Gramel, the creator of the Budslav altar. Archival evidence supports the hypothesis that parts of these altars were transferred from Budslav to Porplishche in 1787, following the construction of a new church.

© Жихарко Ж. М., 2026

The article also reconstructs the formation of the Porplishche church interior and clarifies the chronology of its sacred furnishings. The findings refine current understanding of the dissemination of early Baroque and Mannerist artistic forms in the Grand Duchy of Lithuania, as well as the interplay between Catholic and Uniate artistic traditions.

Keywords: altar sculpture, seventeenth-century sacred art, Budslav altar, Porplishche, Peter Gramel, early Baroque, Mannerism, artistic attribution, carved decoration, Uniate and Catholic art

For citation: Zhykharka Zh. M. Altar plastic monuments of Belarus of the 17th century: iconography and attribution (Budslav and Porplische). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 2, pp. 116–132 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-116-132

Введение. Будславский алтарь – признанный шедевр белорусской алтарной скульптуры XVII в. Его новаторская архитектурная композиция не имеет аналогов не только в Беларуси, но и на территории всей Речи Посполитой, в состав которой в то время входили белорусские земли.

Уникальная архитектура будславского алтаря с применением иллюзорной перспективы, высокий уровень резчицкого мастерства, новаторское для того времени использование «флемованных дорожников» – всё это свидетельствует о том, что над алтарём работали профессионалы, знакомые с новейшими достижениями западноевропейского искусства (рис. 1). Как сам алтарь, сохранившийся до наших дней, так и его создатели внесли значительный вклад в развитие белорусской резьбы и монументальной скульптурной пластики.

Первая половина – середина XVII в. в истории белорусского искусства по праву считается плодотворным и прогрессивным периодом [1, с. 15–19]. Тем не менее специфика отечественного искусства заключается в том, что многие произведения, созданные в это время, к сожалению, утрачены вследствие их физического уничтожения, а большинство из немногих сохранившихся не имеют подтверждённых датировок и остаются анонимными.

Выдающимися памятниками декоративной резьбы признаны также киоты-алтари XVII в., находящиеся в Спасо-Преображенском храме д. Порплище.

Цель данного исследования – установление авторства произведений алтарной пластики, находящихся в Спасо-Преображенском храме в д. Порплище (на основании установленного подобия деталей их резного декора с элементами будславского алтаря), а также уточнение времени их создания в соответствии с историческими документами. В процессе исследования изучались археографические источники, содержащие объективные данные для атрибуции, а также применялся метод сравнительно-искусствоведческого анализа.

Будслав: историография. В 1983 г. памятник был введён в научный оборот как «главный алтарь старого костёла» Н. Ф. Высоцкой, опубликовавшей фотографии алтаря в альбоме «Пластика Беларуси XII–XVIII вв.» в качестве яркого примера раннебарочного ансамбля. Предполагаемое ею время создания – 1643–1651 гг. – основано на дате окончания строительства и освещения старого костёла (1643 г.) и находящейся в часовне доски-эпитафии с указанием на захоронение в 1951 г. в костёле ошмянского шляхтича [2, ил. 73–78, с. 5–7].

В 1984 г. была опубликована статья А. А. Ярошевича «Манументальна-дэкаратыўнае мастацтва Беларусі стылю ранняга барока (на прыкладзе аднаго помніка)», посвящённая будславскому алтарю. Основываясь на архивных документах, а именно на хронике монастыря бернардинцев, автор определяет точное время строительства первого мурованного костёла (1633–1643 гг.), а также делает вывод о том, что строителем Будславского костёла XVII в. был Андреас Кромер из Полоцка. А. А. Ярошевич проанализировал архитектурную конструкцию алтаря и впервые относительно её структуры применил понятие «оптический эффект искусственной перспективы», в связи с чем упоминается «Скала Реджия» Бернини. Автор, хотя и отмечает в деталях алтаря следы ренессанса и маньеризма, признаёт его выдающимся памятником раннего барокко с ярко выраженными формальными чертами этого стиля [3].

Автор монографии «Древнебелорусская скульптура» (1991 г.) А. К. Леонова кратко рассматривает скульптуры будславского алтаря и, как и А. А. Ярошевич, сравнивает их с сарматским портретом [4, с. 67–74].

Рис. 1. Будславский алтарь. Пётр Грамель. 1649. Фото из открытых источников

Fig. 1. Budslav Altar. Peter Gramel, 1649. Photo from public sources

Важным этапом в изучении памятника стала статья польского исследователя М. Каламайской-Саид «Ołtaż w Budsławiu» («Алтарь в Будславе», 1995). Автор главной целью исследования видит попытку доказать прототипность проекта триумфальной арки с портиком 12 императоров[1]. Но наиболее значимым в этой публикации является введение в научный оборот надписи на доске, на которую был натянут холст и которая была открыта при реставрации иконы Божьей Матери Будславской[2]. Впрочем, М. Каламайская-Саид указывает, что «располагала только лишь документами и фотографией на обороте доски». На основании надписи она констатирует дату создания алтаря – 1649 г. Автор ставит вопрос об истоках оптической иллюзии в архитектуре алтаря. Сославшись на «Скала Реджиа» как образец барочных перспективных иллюзий, М. Каламайская-Саид справедливо отмечает, что будславский алтарь был создан за 14 лет до появления знаменитой лестницы Бернини, и приходит к выводу, что в поисках инспираций необходимо обратиться к более ранней эпохе – маньеризму, а голландский вариант этого стиля, доминировавший в архитектуре Речи Посполитой, даёт основания, по мнению автора, высказать гипотезу о связи алтаря с вышеупомянутой гравюрой Рубенса [5].

Польский исследователь Е. Ковальчик в статье «Ołtarz perspektywistyczny w Budsławiu i jego włoska geneza» («Перспективный алтарь в Будславе и его итальянское происхождение», 1998), проанализировав исследование М. Каламайской-Саид, а также композиционное строение алтаря, предположил, что автором проекта был придворный архитектор Владислава IV Джованни Батиста Гислени (также Джизлени), а источником для проектирования стали гравюры итальянского архитектора Дж. Б. Монтано [6]. Видимо, мнение профессора Е. Ковальчика было весомым, поскольку версия об авторстве Гислени прижилась и до сих пор периодически встречается в различных источниках как основная [1, с. 87].

[1] Чертёж был сделан в 1635 г. П. П. Рубенсом по случаю приезда в Антверпен инфанта Фердинанда.

[2] Реставрация проводилась в г. Минске в начале 1990-х гг. Виктором Лукашевичем.

Рис. 2. Будславский алтарь. Фрагмент. Пётр Грамель. 1649. Фото из открытых источников

Fig. 2. Budslav Altar, detail. Peter Gramel, 1649. Photo from public sources

В 2013 г. была опубликована статья литовского искусствоведа Р. Яноniене, посвящённая иконе Матери Божьей Будславской [7]. Несмотря на то что цель исследования связана в основном с иконой и её культом, автор рассматривает также вопросы авторства и датировки первого мурованного храма и резного алтаря. Во-первых, на основании исторических документов Р. Яноniене доказывает, что все авторы, писавшие ранее, неверно истолковывали исходные данные о храме, построенном в 1643 г., ошибочно оценивали его размеры и характер архитектуры: костёл, построенный в XVII в., был значительно больше и наряднее, чем считалось ранее. Во-вторых, автор высказывает предположение, что создатели старого Будславского костёла и резного алтаря могли быть связаны с художественной средой полоцких иезуитов и новаторством театральной культуры. Кроме того, исследование Р. Яноniене выявило не освещавшееся ранее в публикациях значение иконы Будславской Богоматери в униатской среде Великого Княжества Литовского. На примерах, описанных в архивных документах, автор указывает на тесные связи между католиками и униатами региона через общий культ почитания иконы, копии которой находились в церквях обеих конфессий на территории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

В 2023 г. белорусский художник Игорь Сурмачевский опубликовал материал, в котором, вслед за профессором Яноniене, сообщает, что костёл XVII в. в Будславе был втрое больше, чем деревянный [8]. Кроме того, исследователь вводит интересное название памятника – «чёрный алтарь».

Будславская святыня. Будславский костёл, или Национальный санктуарий Божьей Матери Будславской, имеет статус «Малой Базилики». Здание костёла – памятник позднего барокко – представляет собой трёхнефную двухбашенную крестово-купольную базилику внушительных размеров (1767–1783), внутреннее убранство которой оформлено оптическими росписями в виде иллюзорной архитектуры[1]. Деревянный алтарь XVII в. (рис. 2) находится в часовне св. Варвары, являющейся частью старого костёла и присоединённой к нефу прямоугольным объёмом. В составе комплекса бывшего монастыря бернардинцев «чёрный» алтарь включён в Государственный список историко-культурных ценностей [9] и охраняется государством как памятник архитектуры

[1] Автор росписей – художник Казимир Антошевский, росписи выполнены в 1782–1783 гг. [7, с. 141].

1-й категории[1]. В советское время костёл был закрыт, здание не использовалось. Как католический храм возобновил деятельность в начале 1990-х гг.

История монастыря бернардинцев в Буде (историческое название Будслава до XVIII в.) известна из архивных хроник обители [11] и связана с почитанием Богоматери, которое монахи-бернардинцы лелеяли с момента поселения здесь в 1530 г. и которое укрепилось её чудесным явлением, произошедшим около 1588 г. Несмотря на то что это явление не было официально подтверждено католической церковью, вера и народное предание стали мощным фактором укрепления культа Богоматери в Буде. В 1591 г. здесь освещают первый деревянный костёл. В память о чудесном явлении Матери Божьей для храма было выбрано название «Явление Пресвятой Девы Марии», а в главном алтаре помещена одноимённая картина [12, с. 7]. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что культ Богоматери начал формироваться в Буде ещё до появления здесь прославившейся иконы, что соответствует деятельности бернардинцев, направленной на борьбу с протестантизмом и распространением католицизма (как известно, в XVI в. в Виленской епархии проживало преимущественно православное население) [7, с. 127–128].

В 1613 г. в Буде появляется икона Божьей Матери итальянского письма (рис. 3а). С этого момента история развития храма неразрывно связана с чудотворной иконой Богоматери и распространением традиции её почитания. Икона сразу прославилась многократными зафиксированными чудесами и исцелениями, что вызвало увеличение количества паломников, и недавно построенный деревянный костёл по своим размерам стал недостаточным, чтобы вместить всех желающих участвовать в богослужениях, особенно в праздничные дни [12, с. 8]. В 1633 г. был заложен, а в 1643 г. освящён первый мурованный храм. Затем для хранения Чудотворной иконы Царицы Небесной в новом костёле был сооружён алтарь-реликварий, сохранившийся до наших дней.

Во второй половине XVIII в. был построен новый грандиозный костёл. В монастырской летописи сохранилось интересное описание торжеств, связанных с освящением костёла в честь Успения Пресвятой Девы Марии и переноса Чудотворной иконы Будславской Богоматери из старого костёла в новый (5–6 сентября 1783 г.), где она находится до настоящего времени [13].

Ранняя история Будславской иконы Божьей Матери наиболее подробно описана в книге тогдашнего настоятеля Будского монастыря Элевтерия Зелеевича «Небесный зверинец на земле…»[2], которая вышла в Вильно в 1651 г. на польском языке [12]. Следует отметить, что отец Элевтерий позаботился не только о прославлении иконы и её чудес, но и о сохранении памяти об истории создания первого кирпичного храма и алтаря XVII в. В 1649 г., перед помещением иконы в только что выстроенный «чёрный» алтарь, холст натянули на новую доску, на которой Элевтерий Зелеевич сделал надпись на латыни (рис. 3б):

«Скрываюсь в этой Твоей скинии, чудотворной Скинии Божией, недостойный грешный брат отец Элевтерий, недостойный нынешний старейшина Будский, который во славу Бога, рождённого от Тебя во веки веков, и ради вечной славы и чести Тебя, на которую я надеюсь от самого чрева матери моей, устроил этот алтарь, чтобы он возвышался как Твой престол. Молю Тебя через Иисуса, Сына Твоего, в день моих скорбей защитить меня, скрывающегося в сокровенной Твоей скинии.

Для вечной памяти дела необходимо знать, что этот чудесный образ Славной Богоматери привезён из Рима, дан как залог любви от Верховного Понтифика Климента VIII славнейшему господину воеводе Минскому Иоанну Пацу; позже в Буде он был дарован высокочтимым господином Исааком Салакаем, тогдашним настоятелем Долгиновского костёла, около года Господня 1613. Украшен этими серебряными украшениями отцом Флорианом Колецким из нашего Ордена, большим любителем этого места, чья забота и средства родителей в значительной степени были использованы для возведения стен этого храма около года Господня 1637.

---

[1] Шифр 611Г000422, решения Белорусского республиканского научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия от 18.07.1996 г. № 37, 28.08.2003 г. № 88, 22.02.2005 г. № 04-01-02/1, постановление Совета Министров от 14.05.2007 г. № 578, постановление Министерства культуры от 10.02.2022 г. № 6 [10].

[2] Полное название книги – «Zwierzyniec na ziemi niebieski, to jest Puszcza Budzka łaskami Boskiemi oplywaiąca, ktorych ludzie przy cudownym Obrazie Nas. Panny w kościelie o. Bernardynów będocym doznawaią. W druk podana 1650» («Небесный зверинец на земле – это Будская пуща, переполненная божественной благодатью, которую люди ощущают у чудотворного образа Пресвятой Богородицы в Бернардинском костёле. Отдана в печать в 1650»).

Рис. 3а. Икона Божьей Матери Будславской. Состояние после реставрации. Фото из открытых источников

Fig. 3a. Icon of the Mother of God of Budslav. Condition after restoration. Photo from public sources

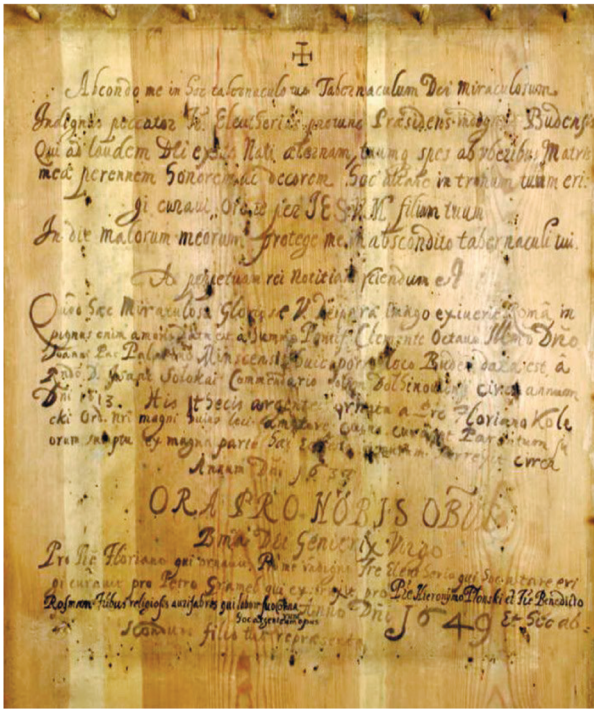

Рис. 3б. Надпись на доске под иконой на латыни. 1649. Фото предоставлено кс. Дмитрием Дубовиком

Fig. 3b. Inscription on the panel beneath the icon, in Latin, 1649. Photo courtesy of Fr. Dmitry Dubovik

Молись о нас всех, святая Дева Богоматерь, за отца Флориана который украсил её, за меня, недостойного брата Элевтерия, который заботился о строительстве этого алтаря, за Петра Грамеля, который построил его, за отца Иеронима Плонского и брата Бенедикта Росмана, монахов-ювелиров, которые завершили эту серебряную работу в год господень 1649, и таким образом представь нас, сокрытых здесь, Твоему Сыну».

Текст надписи дважды опубликован в научной литературе – на польском и литовском языках [5; 7]. Перевод текста на белорусский язык был предпринят А. А. Ярошевичем [14].

Важным моментом является тот факт, что надпись находилась не на обороте, а именно под холстом. Суть этой надписи – молитва Царице Небесной о тех, кто позаботился о прославлении её иконы и потрудился над созданием храма и алтаря для неё. Наиболее ценная информация для целей данного исследования представлена в последнем абзаце, на основании которого установлено точное время создания алтаря – 1649 г., а также имя его создателя – Пётр Грамель.

Поскольку текст этот обращён не к людям, а к Божьей Матери, нет оснований сомневаться в его достоверности, тем более, что факты, изложенные здесь, не противоречат историческим событиям и соответствуют данным из архивных документов. В тексте по именам перечислены люди, связанные с историей иконы и созданием алтаря:

Отец Элевтерий [Зелеевич]	настоятель Будской обители, «устроил этот алтарь», «заботился о строительстве алтаря»
Понтифик Климент VIII	подарил икону Иоанну Пацу
Иоанн (Ян) Пац	привёз икону в ВКЛ
Исаак Салакай	передал икону Будскому монастырю
Флориан Колецкий	украсил серебряным окладом (упоминается дважды), жертвовал средства на строительство костёла
Пётр Грамель	«построил алтарь»
Отец Иероним Плонский, брат Бенедикт Росман	монахи-ювелиры, создавшие серебряный оклад для иконы

Если бы над проектом алтаря трудился, например, Джованни Гислени, как предполагал профессор Е. Ковальчик [6], очевидно, и его имя также присутствовало бы здесь. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в тексте надписи не упомянут и архитектор Андреас Кромер, информация о котором содержится в хронике Будславского монастыря: «приглашённый из Полоцка архитектор немецкого происхождения» (буквально: *Faber murarius Natione Germanus Fide Ruthenus de Polocia*), руководивший строительством храма в 1633–1643 гг. [15]. Профессор Яноniene не исключает, что именно Кромер является проектировщиком «чёрного» алтаря[1] [7, с. 133]. В архивных документах содержится несколько интересных фактов его биографии. Например, в 1619–1622 гг. мастер-каменщик Андреас Кромер по заказу Иосафата Кунцевича перестроил Софийский собор в Полоцке [16, с. 146]. Тот факт, что ему было поручено работать над столь значимым объектом, указывает не только на его высокую профессиональную квалификацию, но и тесные связи архитектора с униатскими священниками. Также следует отметить, что большинство исследователей, основываясь на приведённой выше записи, утверждают, что Кромер был православным, или «русской веры» [1, с. 88]. Однако более вероятной представляется версия о том, что Кромер являлся униатом, поскольку именно униатская вера (в западноевропейской традиции) называлась в то время Рутенской («Ruthenus»), а православных чаще называли «греческими» верующими [16, с. 167].

Что же касается мастера, создавшего алтарь, – резчика и плотника Петра Грамеля (также Граммеля), то, судя по немногим известным фактам его биографии, он был тесно связан с орденом иезуитов. Грамель был активистом немецкого католического братства Святого Мартина, действовавшего в Вильно под покровительством иезуитов при костёле св. Игнатия, а в 1672–1673 гг. возглавлял это братство и за свой счёт обустроил его часовню, а именно позолотил резную роспись, заказал картину св. Петра. Другие известные нам из архивных документов его работы – антепендиум (передняя стенка) алтаря братства св. Мартина, алтарь Скапулярной Богоматери в Виленском костёле Всех Святых – к сожалению, утрачены. Будславский алтарь, созданный для бернардинского костёла Успения Пресвятой Девы Марии, считается единственным сохранившимся творением Петра Грамеля [18, с. 115–116].

Таким образом, надпись, нанесённая на доску под иконой, даёт твёрдое основание полагать, что создатель алтаря (автор резьбы) – Пётр Грамель. Тем не менее на основании анализа художественного исполнения элементов резьбы, моделирования фигур, ликов, проработки складок одеяний можно было бы предположить, что над алтарём работали как минимум два резчика: один занимался скульптурами, отличающимися как будто более высоким уровнем резчицкого мастерства, другой – декоративными элементами[2]. Однако тут следует отметить, что архитектурный замысел строения алтаря, маньеристический по своей сути, коррелирует именно с элементами декора – такими, как вытянутые фигурки львов, 8-образные личики ангелочков. Да и сам факт использования образов ангелов в виде кариатид, поддерживающих капители, восходит к античной и, соответственно, ренессансной эстетике. На основании этих фактов можно предположить, что именно автор идеи алтаря являлся одновременно и резчиком, создавшим указанные элементы декора.

Алтарь имеет характерные формы маньеризма и раннего барокко, а его важнейшей особенностью является эффект иллюзорной (искусственной) перспективы, который достигается с помощью приёма трансформации визуальной глубины. Сокращение пространства между колоннами, постепенное уменьшение размера как самих колонн, так и всех остальных деталей, искусственно созданные сходящиеся к центру линии – всё это визуально расширяет пространство, создавая эффект большей протяжённости, чем есть на самом деле.

Приём трансформации визуальной глубины, как и оптические иллюзии в целом, не являлся абсолютной новинкой в XVII в. и, очевидно, был известен создателям будславского алтаря.

---

[1] В 1647–1649 гг. Андреас Кромер жил и работал в г. Минске [17, с. 167].

[2] Подобное предположение высказал Е. Ковальчик: *«белорус Громель резал декор, итальянец Гислени – скульптуры»*. Тем не менее оно, как уже отмечалось выше, не нашло подтверждения: Грамель, как известно, был немцем по национальности, а об авторстве Гислени не говорится ни в одном историческом документе. Кроме того, Е. Ковальчик ошибочно считает Андреаса Кромера скульптором и резчиком (и ошибочно называет его Александром) и даже не рассматривает возможность его авторства как архитектора алтаря [6, с. 268].

Подобные приёмы визуальной трансформации глубины применяли Бернардо Росселини в Пиенце (1450–1463 гг.), Микеланджело Буонаротти в Капитолии (1536 г.). Ярким примером подобной иллюзии служит оформление сцены театра «Олимпико» в Виченце (А. Палладио, В. Скамоцци, 1584) [19]. В ВКЛ эффекты иллюзорной перспективы также использовались на театральных сценах, например, в опере «Похищение Елены», поставленной в Вильно в 1636 г. [7, с. 133].

Следует отметить, что чёрный фон алтаря и золотой цвет в окраске скульптур и декора – это не дань барокко, как принято считать, а, скорее, вынужденная мера, призванная акцентировать небольшую по размеру икону Божьей Матери, для которой алтарь создавался. Цель использования тёмного фона и контрастного оформления, скорее всего, – не дать сложной многофигурной композиции перевесить и принять на себя основное внимание зрителя, а, наоборот, устремить его к чудотворному образу. Этой же мотивацией объясняется и перспективная иллюзорность алтаря. Очевидно, перед творцами алтаря стояла нелёгкая задача – создать богатое, экстраординарное обрамление для драгоценной иконы, которое бы соответствовало её статусу, развитому культу и многократным зафиксированным чудесам, но при этом имело бы вторичную роль и не мешало восприятию самой иконы. Такие приёмы были обусловлены теологической концепцией художественного решения алтаря – как Дарохранительницы Марии, несущей в себе Христа.

Необходимо подчеркнуть, что достоверные данные о том, кто является автором архитектурного решения алтаря, отсутствуют. Можно лишь предполагать, что автором проекта был резчик Пётр Грамель, или, что менее вероятно, но возможно, Андреас Кромер – архитектор Будславского костёла.

Храм в Порплище и киоты-алтари. В тридцати километрах северо-восточнее Будслава (в сторону Полоцка) находится аг. Порплище Докшицкого района Витебской области. Расположенная здесь Спасо-Преображенская церковь является одним из старейших культовых деревянных строений Беларуси. Храм был сооружён как униатский в 1627 г. и значительно перестроен в 1794 г., приобретя элементы классицизма [20, с. 403]. В 1864 г. церковь стала православной [21]; после капитального перестроения освящена 18 октября 1881 г. В 1884 г. пристроена колокольня [22, с. 254–255]. В годы советской власти храм не закрывался. В 1988 и 2009–2011 гг. проводился ремонт, в том числе связанный и с укреплением накренившегося купола.

Храм и находящаяся в нём монументально-декоративная скульптура состоят на государственном учёте как памятник архитектуры национального значения 2-й категории: «Спасо-Преображенская церковь. Алтари-киоты Спасо-Преображенской церкви»[1].

Памятники монументально-декоративного искусства XVII в., находящиеся в храме в Порплище, имеют менее обширную историю изучения, нежели будславские. Парные киоты-алтари св. Анны и св. Троицы также были введены в научный оборот Н. Ф. Высоцкой в 1983 г., когда их красочные фотографии были опубликованы в том же самом альбоме, что и будславский алтарь, и датированы автором второй четвертью – серединой XVII в. [2, с. 108–111, ил. 80–82].

Эти же два алтаря упомянуты в монографии А. А. Ярошевича «От ренессанса к барокко», здесь также размещены их фотографии [1, с. 170].

Пожалуй, наиболее системной работой, касающейся алтарной пластики из Порплища, является монография Г. А. Фликоп-Свиты «Іканастасы і алтары грэка-каталіцкіх храмаў Беларусі XVII – першай трэці XIX ст.». Алтари св. Анны и св. Троицы автор обоснованно признаёт не только уникальными памятниками сакрального искусства, но и самыми древними из сохранившихся до наших дней алтарей-киотов униатских храмов. Г. А. Фликоп-Свита вводит в научный оборот все киоты-алтари, находящиеся в Спасо-Преображенской церкви д. Порплище, рассматривает их строение и иконографическую программу, излагает результаты своей исследовательской работы по изучению архивных документов [23, с. 210–213].

И. Н. Ожешковская в статье «Особенности сохранившегося греко-католического интерьера Спасо-Преображенской церкви в деревне Порплище Витебской области» предпринимает попытку датировки находящихся в храме киотов-алтарей и иконостаса [24].

[1] Шифр 212Г000447, инв. № 232/С-14555, решения Белорусского республиканского научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия от 28.02.2002 г. № 71, 28.08.2003 г. № 88, 22.05.2023 г. № 04-01-02/4, постановление Совета Министров от 14.05.2007 г. № 578, постановление Министерства культуры от 30.05.2023 г. № 8 [9; 10].

В 2024 г., по просьбе настоятеля Порплищанского храма протоиерея Виктора Гмира, государственным научным учреждением «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» была организована экспедиция, в ходе которой были обследованы произведения, предположительно датируемые XVII–XVIII вв. [25].

Киоты-алтари св. Анны и св. Троицы (рис. 4) являются парными и аналогичны по своему строению и декоративному оформлению. Композиционно каждый из них представляет собой двухъярусную вертикальную композицию ордерного построения с разорванным треугольным фронтоном в завершении. Нижний ярус обрамлён двумя колоннами коринфского ордера с оригинальным резным декором в виде опоясывающей колонну по спирали виноградной лозы с фигурками ангелочков. Почти все плоскости киота-алтаря декорированы резным растительно-орнаментальным декором, розетками в виде фруктовых букетов и однотипными горельефными херувимами. Ажурная «флемская» резьба обрамляет все ярусы киота-алтаря, а также рамы икон. Пышность и насыщенность художественного решения киотов, а также их архитектурное строение дают основание исследователям отнести их к стилистике барокко. При этом причудливые формы и позы фигурок ангелочков, стоящих на виноградной лозе, а также своеобразная трактовка головок горельефных херувимов восходят к эстетике маньеризма.

Киот с иконой Божией Матери «Одигитрия» в деревянном окладе – одноярусный и имеет, в сравнении с предыдущими примерами, более сдержанную и лаконичную композицию, однако отличается оригинальным декором: боковые крылья здесь выполнены в виде горельефных антропоморфных фигур, одной рукой подпирающих капители, а в другой руке держащих фруктовый букет (рис. 5). Нижние части фигур переходят в крупный растительный орнамент, оканчивающийся волютой (сохранилась с одной стороны). Именно эти элементы наиболее близки и даже аналогичны фигурам, обрамляющим центральную икону будславского «чёрного» алтаря (рис. 7).

Рис. 4. Киоты-алтари в Спасо-Преображенском храме в Порплище: киот-алтарь св. Анны (слева) и св. Троицы (справа). Середина XVII в. Фото Н. П. Мельникова, 2024

Fig. 4. Altar-kiots in the Church of the Transfiguration in Porplishche: Altar-Kiot of St. Anne (left) and of the Holy Trinity (right), mid-17th century. Photo by N. P. Melnikov, 2024

Рис. 5. Киот с иконой Богородицы Одигитрии в Порплище. Середина XVII в. Фото Н. П. Мельникова, 2024 (слева), В. Г. Карелина, 1977 (справа)

Fig. 5. Kiot with the Icon of the Virgin Hodegetria in Porplishche. Mid-17th century. Photo by N. P. Melnikov, 2024 (left) and V. G. Karelin, 1977 (right)

Не менее ценным является образ Богородицы с младенцем, расположенный в данном киоте. Икона относится к типу «Одигитрия»; фигуры Богородицы и Младенца закрыты резным деревянным окладом, в котором традиционно сделаны прорези для ликов Христа и Марии, правой руки Богородицы и ступней Младенца. Фон иконы (как и ступни Младенца Христа) закрашен многочисленными слоями краски, верхний из которых – белый. Из-за массива поздних наслоений практически не читается резной фон иконы, характерный для XVII в. [26]. Это самая старая икона храма и, вероятно, именно она упоминается в визите 1737 г. как «Богоматерь в окладе с коронами и вотами в главном алтаре», а также в визите 1784 г. как «Матерь Божья в деревянном позолоченном окладе в главном алтаре» [27; 28].

Короны и вотивные приношения свидетельствуют о локальном культе Божьей Матери и идентификации иконы как чудотворной. Учитывая тесные связи между униатами и католиками региона, их регулярное участие в богослужениях в Будславе, где для униатских паломников организовывалось как исповедание, так и причастие [7, с. 136], можно предположить, что местный культ в Порплище был в определённой степени связан с почитанием Чудотворной иконы Будславской Богоматери, что вполне укладывается в хронологические рамки (вторая четверть – середина XVII в.).

Кроме того, нахождение иконы Богородицы, почитаемой в качестве чудотворной, в главном алтаре (теперь – киот Иисуса Назорея), за алтарной преградой, отождествляемой с первоначальным иконостасом храма, соответствует утверждению И. Н. Ожешковской о том, что «если униатский храм обладал чудотворной иконой, она размещалась не в киотах около иконостаса, а в ретабло за ним и воспринималась на расстоянии» [24, с. 100].

Киот-алтарь Иисуса Назорея находится в правом приделе храма, примыкает к северо-восточной стене и имеет двухъярусное пирамидальное композиционное решение. Четыре витые колонны, покрытые резьбой в виде лозы с виноградными гроздьями и листьями, разделяют нижний ярус на три части. Верхний ярус обрамлён двумя витыми колоннами меньшего размера без резного декора; колонны обоих ярусов имеют коринфские капители. Горизонтальное членение решено в виде ломаного антаблемента, верхний ярус завершён полукруглым фронтоном. Обрамления икон нижнего яруса, а также декоративные накладки на карнизах и фронтоне выполнены сквозной ажурной «флемской» резьбой. Внимания заслуживают декоративные элементы с изо-

Рис. 6. Киот-алтарь Иисуса Назорея в Порплище. Справа: фрагмент декора. Фото Н. П. Мельникова, 2024

Fig. 6. Altar-Kiot of Jesus of Nazareth in Porplishche. Right: detail of the decoration. Photo by N. P. Melnikov, 2024

бражениями маскаронов, обрамляющие нижний ярус алтаря по бокам, не имеющие аналогов среди подобных памятников, сохранившихся в Беларуси (рис. 6).

В центральной нише нижнего яруса размещена скульптура «Иисус Назорей» (1788), которая по праздникам открывается с помощью специального механизма, сдвигающего вниз икону «Распятие», за которой скрыта скульптура.

Алтарная преграда бокового алтаря (правого придела) представляет собой перегородку, отделяющую правый придел от общего объёма. Несмотря на лаконичное оформление (в сравнении с богато декорированными боковыми киотами) и отсутствие икон в современном варианте, существует версия, что именно эта перегородка и была первоначальным иконостасом храма в XVII в. [24].

Существующий **иконостас храма** был возведён в XIX в., однако содержит в себе фрагменты прежнего убранства. В завершении иконостаса присутствуют элементы, повторяющие нижние части обрамлений центральной иконы будславского алтаря и киота Порплищанской Богородицы, однако расположены они горизонтально (рис. 7). Также в завершении иконостаса возвышаются две полихромные скульптуры ангелов. Горизонтальное членение иконостаса задаётся четырьмя полуколоннами, декором которых служат коринфские капители, цветочные розетки, фруктовые букеты и барельефные херувимы. Все эти резные декоративные элементы, очевидно, являлись фрагментами «старого» иконостаса. Следует отметить, что подобные объединяющие резные элементы присутствуют в оформлении практически всех описанных выше киотов, а также в качестве архитектурного декора внутреннего убранства.

Ещё один повторяющийся в разных местах Спасо-Преображенского храма сюжет – горельефная фигурка коленопреклонённого ангела. В общей сложности таких фигурок в храме насчитывается шесть[1]: три пары в зеркальном отображении, расположенные друг напротив друга. Скульптуры эти небольшого размера, около 40 см, все они в одинаковых складчатых туниках, а головки и волосы имеют визуальное решение, очень схожее с многочисленными горельефными

[1] Ещё одна пара фигур коленопреклонённых ангелов, происходящих из Порплища, находится в экспозиции Национального исторического музея Республики Беларусь [25].

Рис. 7. Элементы резного декора в Будславе и Порплище: антропоморфные фигуры, держащие капители, флористические розетки, фрагмент навершия иконостаса

Fig. 7. Elements of carved decoration in Budslav and Porplishche: anthropomorphic figures supporting capitals, floral rosettes, and a fragment of the iconostasis finial

херувимами и двумя антропоморфными фигурами, обрамляющими киот Богородицы «Одигитрия», что позволяет объединить все эти предметы в одну группу и датировать их XVII в.

Кроме общего визуального сходства антропоморфных фигур, держащих капители, было установлено подобие ряда описываемых деталей с элементами резного декора в Будславе (рис. 7 и 8). На основании сравнительного анализа фрагментов будславского алтаря и порплищанских памятников выявлен ряд похожих и даже идентичных мотивов и сюжетов в резных элементах декора:

букет в руке ангела в Будславе имеет центральный плод в виде полураскрывшегося бутона, тогда как в нижнем букете мы видим только фрукты (яблоки, груши) и листья. Такой же полураскрывшийся бутон встречается в розетках в Порплище (на иконостасе). Однако в Порплище в этих флористических розетках кроме груш и яблок присутствует виноград;

капители колонн порплищанских киотов св. Анны и св. Троицы композиционно очень схожи с капителями колонн будславского алтаря – по своему строению, размещению волют, трактовке листьев аканта и их количеству, а также фигурной верхней плоскости капители[1];

ангелы на колоннах порплищанских киотов имеют вычурные, неестественно изогнутые тела, восходящие к маньеристической манере искажения пропорций, и перекликаются с изогнутыми

[1] Для выявления самобытности и подобия капителей было проведено их сравнение с аналогичными деталями в алтарях, близких по стилистике и времени создания (Волпа, Новая Мышь). Коринфская капитель оперирует одним и тем же набором элементов, однако компоновка и композиционное решение в других примерах значительно отличаются.

фигурами львов на престоле перед будславским алтарём. На этом же орнаментальном поясе размещены 8-образные головки херувимов с характерными причёсками, что повторяется практически во всех изображениях ангелов и херувимов из Порплища: такие мотивы можно увидеть и на более объёмных скульптурах, и на более плоских. Ангелы, держащие капители (как в Будславе, так и в Порплище), имеют подобные трактовки и формы голов. В этот ряд визуального сходства можно также добавить объёмных херувимов, размещённых над капителями внешних колонн (первой, второй и четвёртой, по три херувима с каждой стороны) алтаря в Будславе, и херувимов, расположенных на трёх киотах в Порплище (св. Анны, св. Троицы и Богоматери);

на одеяниях фигур, держащих капители, как в Будславе, так и в Порплище, листья аканта вверху (в районе пояса) соединяются между собой характерным полукруглым завершением. Такие же элементы соединения мы видим на базах колонн киотов св. Анны и св. Троицы.

Таким образом, парные киоты св. Анны и св. Троицы, киот Богородицы (во всяком случае, его боковые обрамляющие части и детали декора), горизонтально расположенные элементы в завершении иконостаса, а также многочисленные ангелочки и декоративные флористические розетки в Порплище созданы тем же мастером, что и элементы декоративной резьбы в Будславе, вероятнее всего, Петром Грамелем.

Формирование интерьера Порплищанского храма. Историческим подтверждением будславского происхождения порплищанских алтарей-киотов служит визит 1784 г. в Порплище, имеющий более поздние приписки о поступлении новых предметов: «прибыла икона св. Троицы» (1785), «прибыли три алтаря, привезённые из Буды» (1787) [28].

Прямых данных об этом факте в истории будславского костёла не обнаружено. Однако косвенным доказательством может служить упоминание в монастырской хронике девяти алтарей, которые находились в Будславском храме до его перестройки в XVIII в., в том числе алтарь св. Анны [29]. Как считает профессор Р. Янониене, алтарь св. Анны существовал уже в середине XVII в., причём в 1656 г. в хронике монастыря упоминается братство Святой Анны, действовав-

Рис. 8. Элементы резного декора в Будславе и Порплище: фрагменты алтаря и менсы, колонны и капители, ангелочки и херувимы

Fig. 8. Elements of carved decoration in Budslav and Porplishche: fragments of the altar and mensa, columns and capitals, angels and cherubs

шее при костёле [7, с. 137]. Возможно, старый алтарь св. Анны в числе трёх как раз и прибыл в Порплище из Буды в 1787 г.[1]

Неверно датировать алтари из Порплища в привязке к 1627 г. – году постройки первоначального храма [2], что не находит подтверждения и в исторических документах, например, в самом раннем визите 1680 г., где нет упоминания о боковых алтарях [30, с. 66]. Порплищанские киоты св. Троицы и св. Анны, вероятно, не заслуживают почётного звания самых старых из сохранившихся униатских алтарей[2]. Скорее всего, эти алтари не создавались как униатские, а изначально были католическими, что немаловажно для изучения истории униатского искусства. Передача богато декорированных алтарей из Будслава объясняет вопрос, возникающий у некоторых исследователей относительно происхождения средств на столь шикарные произведения в небогатой народной униатской церкви [1, с. 170]. Кроме того, резчик Пётр Грамель, создатель будславского алтаря и предположительный автор порплищанских киотов, как мы помним, был униатом. Следовательно, он успешно работал как на католиков (бернардинцев, иезуитов), так и на униатскую церковь, что вполне соответствовало духу и историческим реалиям того времени.

На основе открывшихся фактов и анализа исторических документов можно сформулировать выводы относительно истории оформления интерьера Порплищанской церкви. Во-первых, находит подтверждение тот факт, что правый придел, отгороженный «алтарной перегородкой», ранее являлся пресбитерием (алтарной частью) и, соответственно, находящийся там резной двухъярусный киот был главным алтарём. Во-вторых, этот факт подтверждается системой его присоединения к стене храма – он явно строился изначально и именно для этой церкви, а не был привезён позже, как отмечается в научной литературе [23, с. 268–269]. Как с художественно-стилистической точки зрения, так и по технике и характеру резных элементов его можно отнести к этому периоду [24, с. 98].

Первоначально в главном алтаре размещалась икона Божьей Матери в деревянном окладе, почитаемая как Чудотворная (находится сейчас в боковом киоте). Вероятнее всего, привезённая в 1788 г. в Порплище скульптура Иисуса Назорея[3] заняла место Чудотворной иконы Богородицы, которую перенесли в алтарь, прибывший из Буды годом ранее и ставший для неё киотом. Еще через год, в 1789 г., в Порплище поступила икона «Распятия», служащая завесой для скульптуры, и короны для алтаря св. Анны [28].

Сам же главный алтарь стал боковым киотом Иисуса Назорея в 1794 г., после перестроения и переориентации храма на 90 градусов. Тогда же бывший вход был закрыт деревянным щитом, оформленным в иллюзорный киот-алтарь Николая Чудотворца.

На основании архивных документов можно выстроить следующую хронологию событий:

1627 г. – дата первоначального строительства церкви в Порплище. Скорее всего, именно тогда и был создан главный алтарь (теперь – боковой киот Иисуса Назорея). В это же время, очевидно, создавалась алтарная преграда, служившая первоначальным униатским иконостасом;

1643 г. – окончание строительства и освящение старого Будславского костёла. В 1649 г. был окончен главный алтарь, в который поместили чудотворную икону, автор резьбы – Питер Грамель;

1680 г. – визит в Порплище, самый ранний из известных, в котором упоминается главный алтарь («Oltarz Wielki» – большой алтарь);

1737 г. – визит в Порплище, в котором указано, что в главном алтаре находится икона Богородицы в окладе, с коронами и вотами;

1739 г. – в документах Будславского монастыря упоминаются девять алтарей, находящихся в костёле;

1767 г. – закладка краеугольного камня в Будславе, т. е. начало строительства нового костёла; 1782 г. – контракт на оптические росписи, что означает окончание строительных работ и переход к внутренней отделке; 7 сентября 1783 г. – освящение костёла (завершение всех работ), а накануне, 6 сентября 1783 г., чудотворную икону перенесли в новый главный алтарь;

---

[1] При оформлении Будславского костёла был создан новый алтарь св. Анны (1782–1783): согласно контракту, художнику К. Антошевскому, в числе прочих, оплатили его роспись [31].

[2] Чего нельзя сказать о киоте Иисуса Назорея и алтарной преграде.

[3] Во второй половине XVIII в., под влиянием культа скульптуры Иисуса из виленского костёла тринитариев, распространившегося не только в католической, но и униатской среде, в храмах обеих конфессий появляются резные скульптуры «Иисус Назорей» и «Иисус в золотой одежде» [1, с. 170].

1784 г. – визит в Порплище, в котором указано, что в главном алтаре находится икона Богородицы в деревянном позолоченном окладе;

1785 г. – в Порплище привезена икона св. Троицы, очевидно, та самая, которая сейчас находится в одном из двух парных киотов-алтарей;

1787 г. – в Порплище прибыли три алтаря из Буды. Можно предположить, что окончание строительства и оформления нового Будславского костёла повлекло переделку здания старого храма в часовню св. Варвары. Помещение часовни было в три раза меньше и уже не могло вместить всех имеющихся алтарей. Учитывая тесные связи бернардинцев с униатами, логичной представляется передача части алтарей в соседний униатский приход;

1789 г. – поступление трёх больших серебряных корон для иконы св. Анны. Это первое упоминание алтаря и иконы св. Анны в Порплище, и оно происходит как раз вскоре после передачи алтарей из Будслава;

1794 г. – реконструкция храма в Порплище. Возможно, перестроение (в том числе увеличение его площади) было связано как раз с поступлением новых резных алтарей;

1799 г. – визит, в котором описаны известные нам алтари, в том числе и алтарь Николая Чудотворца иллюзорной живописи [32]. Следовательно, в это время церковь уже была перестроена, и алтарь в виде щита перекрыл бывший вход.

Заключение. На основе подобия резных декоративных элементов установлено, что в Спасо-Преображенском храме д. Порплище находится группа предметов резной алтарной пластики, созданной в середине XVII в., авторство которых принадлежит создателю будславского алтаря Петру Грамелю. Будславское происхождение киотов (бывших алтарей) св. Анны, св. Троицы и Богоматери Одигитрии подтверждается архивными документами. Эти алтари создавались в середине XVII в. как католические и были переданы в Порплище в 1787 г., спустя четыре года после постройки нового будславского костёла и перенесения в него Чудотворной иконы Матери Божьей Будславской.

На основе изучения архивных документов определено, что произведения сакрального искусства, монументально-декоративной архитектуры и элементы резной пластики, находящиеся в Порплище, датируются следующим образом:

киоты-алтари св. Анны, св. Троицы и Богоматери Одигитрии, а также группа предметов, включающая фруктово-флористические розетки, херувимов, коленопреклонённых ангелов, капители колонн иконостаса и горизонтальные элементы с волютами в его завершении, – середина XVII в. (вероятнее всего, 1643–1649 гг., автор – П. Грамель);

икона Божьей Матери с резным фоном в деревянном окладе – вероятнее всего, середина XVII в.;

алтарная преграда (первоначальный иконостас), киот-алтарь Иисуса Назорея – вторая четверть XVII в., вскоре после 1627 г. – предположительно, их датировка связана со строительством храма;

киот свт. Николая Чудотворца – около 1794 г.

Список использованных источников

1. Ярошевич, А. А. От ренессанса к барокко: мемориальная и алтарная пластика Беларуси XVII–XVIII веков / А. А. Ярошевич. – Мн.: Беларусь, 2019. – 191 с.

2. Пластыка Беларусі XII–XVIII стагоддзяў: [дробная пластыка, скульптура, разьба, лепка, мемарыяльная пластыка: альбом] / аўт. і склад. Н. Ф. Высоцкая. – Мн.: Беларусь, 1983. – 230 с.

3. Ярашэвіч, А. А. Манументальна-дэкаратыўнае мастацтва Беларусі стылю ранняга барока (на прыкладзе аднаго помніка) / А. А. Ярашэвіч // Помнікі старажытнабеларускай культуры: новыя адкрыцці: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. С. В. Марцэлеў. – Мн., 1984. – С. 66–70.

4. Лявонава, А. К. Старажытнабеларуская скульптура / А. К. Лявонава. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 206 с.

5. Kałamajska-Saeed, M. Ołtarz w Budsławiu / M. Kałamajska-Saeed // Niderlandyzm w sztuce polskiej: materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Toruń, grudzień 1992 / red. T. Hrankowska. – Warszawa, 1995. – S. 437–450.

6. Kowalczyk, J. Ołtarz perspektywistyczny w Budsławiu i jego włoska geneza / J. Kowalczyk // Artes atque humaniora. Studia Stanislao Mossakowski sexagenario dicata: [zbiór tekstów] / Inst. Sztuki PAN. – Warszawa, 1998. – S. 257–269.

7. Janonienė, R. Budslavo Dievo Motinos paveikslo istorija ir kultas iki XIX a. vidurio / R. Janonienė // Acta Academiae Artium Vilnensis. – 2013. – № 69. – P. 117–154.

8. Сурмачэўскі, І. Юнацтва будслаўскага касцёла. Сувязь Будслава з Вільняй / І. Сурмачэўскі // Часопіс «Ave Maria». – URL: https://ave-maria.by/events/3200-yunatstva-budsla-skaga-kastsjola-suvyaz-budslava-z-vilnyaj (дата звароту: 29.10.2025).

9. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь: [сайт]. – Мн.: М-ва культуры Рэсп. Беларусь, 2026. – URL: http://gosspisok.gov.by/Home/Index (дата звароту: 21.01.2026).

10. Комплекс былога кляштара бернардзінцаў: касцёл Унебаўзяцця Найсвяцейшай Дзевы Марыі; дэкаратыўнае аздабленне касцёла: галоўны і бакавыя алтары, роспісы; драўляны алтар капліцы св. Барбары; амвон, арган, каваная рашотка прэсбітэрыя; флігель; фрагменты мураванай агароджы; падмуркі кляштара // Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Беларусі. – URL: https://heritage.gov.by/catalog/kompleks-byloga-kliashtara-bernardzintcau-dekaratyunae-azdablenne-kastcela-galouny-i-bakavyia-altary-rospisy (дата звароту: 21.01.2026).

11. Сборник документов Будского монастыря // Библиотека Академии наук Литвы. Рукописный отдел (MAB RS). – Ф. 18–170.

12. Zielejevičius, E. Zwierziniec na ziemi niebieski, to iest Puszcza Budzka łaskami Boskiemi oplywaiąca, ktorych ludzie przy cudownym Obrazie Nas. Panny w kościelie o. Bernardynów będocym doznawaią w druk podana [w] 1650 / E. Zielejevičius. – [W Wilnie [Vilnius]: s. n.], 1650. – [20], 39 p.

13. Библиотека Академии наук Литвы. Рукописный отдел (MAB RS). – Ф. 18–170. Л. 38–40.

14. Ярашэвіч, А. А. Цудатворны абраз Маці Божай Будслаўскай / А. А. Ярашэвіч // Будслаў. – URL: https://budslau.by/historyja?view= article&id=84&catid=11 (дата звароту: 12.12.2025).

15. Библиотека Академии наук Литвы. Рукописный отдел (MAB RS). – Ф. 18–170. Л. 34.

16. Janonienė, R. Eleuterijaus Zielejeviciaus knygos «Dangiškasis žvėrynas žemėje» iliustracijos vidurio / R. Janonienė // Acta Academiae Artium Vilnensis. – 2013. – № 69. – P. 155–171.

17. Вялікае Княства Літоўскае: ВКЛ: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мн.: БелЭн, 2007. – Т. 2. – 792 с. – URL: https://orda.of.by/.lib/vkl/t2 (дата звароту: 26.01.2026).

18. Lietuvos dailininkų žodynas = Dictionary of Lithuanian artists. – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2005. – T. 1: XVI–XVIII a. / red. A. Paliušytė. – 391 p.

19. Савельева, Л. В. Оптические иллюзии в организации архитектурного пространства. Эпоха Ренессанса и барокко / Л. В. Савельева // Архитектура и современные информационные технологии. – 2013. – № 1 (22). – URL: http://www.marhi.ru/AMIT/2013/1kvart13/savelieva/abstract.php (дата обращения: 23.01.2026).

20. Архітэктура Беларусі: энцыкл. давед. / Бел. Энцыкл.; рэдкал.: А. А. Воінаў [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1993. – 620 с.

21. Порплищская церковь // Виленский уезд – генеалогия и краеведение. – URL: http://vilejski-uezd.by/threads/porplischskaja-cerkov.1384/ (дата обращения: 23.01.2026).

22. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Бел. Савец. Энкцыкл.; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Бел. Савец. Энцыкл., 1985. – 496 с.

23. Флікоп-Світа, Г. А. Іканастасы і алтары грэка-каталіцкіх храмаў Беларусі XVII – першай трэці XIX ст. / Г. А. Флікоп-Світа. – Мн.: Бел. навука, 2021. – 347 с.

24. Ожешковская, И. Н. Особенности сохранившегося греко-католического интерьера Спасо-Преображенской церкви в деревне Порплище Витебской области (XVIII – первая половина XIX в.) / И. Н. Ожешковская // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і літ. – Мн., 2016. – Вып. 20. – С. 96–102.

25. Жихарко, Ж. М. О состоянии произведений сакрального искусства, находящихся в Спасо-Преображенском храме аг. Порплище Докшицкого района Витебской области / Ж. М. Жихарко, Н. П. Мельнікаў, Ю. В. Дранец // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. бел. культуры, мовы і літ. – Мн., 2025. – Вып. 37. – С. 271–285.

26. Быцева, І. М. Разьба на фонах абразоў як датуючая прыкмета (датаванне групы абразоў XVI–XVII стст. на падставе аналізу малюнкаў фонаў) / І. М. Быцева, Ю. В. Хадыка // Помнікі культуры: новыя адкрыцці: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. С. В. Марцэлеў. – Мн., 1985. – С. 44–49.

27. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 823. Оп. 3. Д. 529.

28. Библиотека Вильнюсского университета. Рукописный отдел (VUB RS). – Ф. 4. Д. (А-4527) 37742.

29. Библиотека Академии наук Литвы. Рукописный отдел (MAB RS). – Ф. 18–170. Л. 41.

30. Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: зб. дак. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; склад. Д. В. Лісейчыкаў. – Мн.: І. П. Логвінаў, 2009. – 268 с. – URL: https://pawet.net/files/wizity.pdf (дата звароту: 22.01.2026).

31. Библиотека Академии наук Литвы. Рукописный отдел (MAB RS). – Ф. 18–170. Л. 36–38.

32. Библиотека Академии наук Литвы. Рукописный отдел (MAB RS). – Ф. 41. Д. 107–212. Л. 132–133.

References

1. Yaroshevich A. A. *From the Renaissance to the Baroque: memorial and altar sculpture of Belarus in the 17th–18th centuries.* Minsk, Belarus' Publ., 2019. 191 p. (in Russian).

2. Vysotskaya N. F. *Sculpture of Belarus of the 12th–18th centuries: small-scale sculpture, statuary, carving, modeling, memorial sculpture.* Minsk, Belarus' Publ., 1983. 230 p. (in Belarusian).

3. Yarashevich A. A. Monumental and decorative art of Belarus in the style of the early baroque (on the example of a single monument). *Pomniki starazhytnabelaruskai kul'tury: novyya adkrytstsi: zbornik artykulau* [Monuments of old Belarusian culture: new discoveries: collection of articles]. Minsk, 1984, pp. 66–70 (in Belarusian).

4. Lyavonava A. K. *Old Belarusian sculpture.* Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 206 p. (in Belarusian).

5. Kałamajska-Saeed M. Ołtarz w Budsławiu. *Niderlandyzm w sztuce polskiej: materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Toruń, grudzień 1992*. Warszawa, 1995, pp. 437–450 (in Polish).

6. Kowalczyk J. Ołtarz perspektywistyczny w Budsławiu i jego włoska geneza. *Artes atque humaniora. Studia Stanislao Mossakowski sexagenario dicata*. Warszawa, 1998, pp. 257–269 (in Polish).

7. Janonienė R. Budslavo Dievo Motinos paveikslo istorija ir kultas iki XIX a. vidurio. *Acta Academiae artium Vilnensis*, 2013, no. 69, pp. 117–154 (in Lithuanian).

8. Surmacheuski I. The youth of the Budslau Church. The connection between Budslau and Vilnius. *Ave Maria Journal*. Available at: https://ave-maria.by/events/3200-yunatstva-budsla-skaga-kastsjola-suvyaz-budslava-z-vilnyaj (accessed 29.10.2025) (in Belarusian).

9. *State List of Historical and Cultural Values of the Republic of Belarus*. Available at: http://gosspisok.gov.by/Home/Index (accessed 21.01.2026) (in Belarusian).

10. The complex of the former Bernardine monastery: the church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary; decorative decoration of the church: the main and side altars, frescoes; the wooden altar of the chapel of St. Barbara; pulpit, organ, wrought iron lattice of the presbytery; outbuilding; fragments of the masonry fence; foundations of the monastery. *Database of the historical and cultural heritage of Belarus.* Available at: https://heritage.gov.by/catalog/kompleks-byloga-kliashtara-bernardzintcau-dekaratyunae-azdablenne-kastcela-galouny-i-bakavyia-altary-rospisy (accessed 21.01.2026) (in Belarusian).

11. Collection of documents of the Budslau Monastery. *Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscript Department (MAB RS),* coll. 18–170 (in Russian).

12. Zielejevičius E. *Zwierziniec na ziemi niebieski, to iest Puszcza Budzka łaskami Boskiemi oplywaiąca, ktorych ludzie przy cudownym Obrazie Nas. Panny w kościelie o. Bernardynów będocym doznawaią w druk podana [w] 1650.* Wilno, 1650. [20], 39 p. (in Polish).

13. *Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscript Department (MAB RS),* coll. 18–170, pp. 38–40 (in Russian).

14. Yarashevich A. A. *The Miraculous Icon of Our Lady of Budslau. Budslav*. Available at: https://budslau.by/history-ja?view=article&id=84&catid=11 (accessed 12.12.2025) (in Belarusian).

15. *Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscript Department (MAB RS),* coll. 18–170, p. 34 (in Russian).

16. Janonienė R. Eleuterijaus Zielejeviciaus knygos «Dangiškasis žvėrynas žemėje» iliustracijos vidurio = Illustrations of Eleutery Zielejewicz's book "A heavenly menagerie on earth". *Acta Academiae Artium Vilnensis,* 2013, no. 69, pp. 155–171 (in Lithuanian).

17. *Grand Duchy of Lithuania: encyclopedia. Vol. 2*. 2nd ed. Minsk, Belaruskaya Etsyklapedyya Publ., 2007. 792 p. Available at: https://orda.of.by/.lib/vkl/t2 (accessed 26.01.2026) (in Belarusian).

18. Paliušytė A. (ed.). *Lietuvos dailininkų žodynas. T. XVI–XVIII a. = Dictionary of Lithuanian artists. Vol. 1. 16th–18th centuries.* Vilnius, Kultūros, Filosofijos ir Meno Institutas, 2005. 391 p. (in Lithuanian).

19. Savelieva L. V. Optical illusions in the architectural space. Renaissance and Baroque. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii = Architecture and Modern Information Technologies*, 2013, no. 1 (22). Available at: http://www.marhi.ru/AMIT/2013/1kvart13/savelieva/abstract.php (accessed 23.01.2026) (in Russian).

20. Voinau A. A. (ed.) [et al.]. *Architecture of Belarus: encyclopedia-reference.* Minsk, Belaruskaya Etsyklapedyya Publ., 1993. 620 p. (in Belarusian).

21. *Porplich Church. Vilejsk district – genealogy and local history.* Available at: http://vilejski-uezd.by/threads/porplischskaja-cerkov.1384/ (accessed 23.01.2026) (in Russian).

22. Martseleu S. V. (ed.) [et al.]. *Collection of monuments of history and culture of Belarus. Vitebsk region*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Etsyklapedyya Publ., 1985. 496 p. (in Belarusian).

23. Flikop-Svita H. A. *Iconostases and altars of the Greek-Catholic Churches of Belarus in the 17th – early 19th century.* Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2021. 347 p. (in Belarusian).

24. Ozheshkovskaya I. N. *Features of the preserved Greek-Catholic Interior of the Church of the transfiguration in the Village of Porplich, Vitebsk Region (18th – early 19th century. Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of Art History, Ethnology, and Folklore Studie]. *Minsk,* 2016, iss. 20, pp. 96–102 (in Russian).

25. Zhikharko Zh. M., Mel'nikau N. P., Dranets Yu. V. *On the condition of the sacred artworks in the church of the transfiguration in Porplich, Dokshitsy district, Vitebsk region. Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of Art History, Ethnology, and Folklore Studie]. Minsk, 2025, iss. 37, pp. 271–285 (in Russian).

26. Bytseva I. M., Khadyka Yu. V. *Carving on the backgrounds of icons as a dating sign: dating a group of icons from the 16th–17th centuries based on the analysis of background designs. Pomniki kul'tury: novyya adkrytstsi: zbornik artykulau* [Monuments of culture: new discoveries: collection of articles]. Minsk, 1985, pp. 44–49 (in Belarusian).

27. *Russian State Historical Archive (RGIA),* coll. 823, aids 3, fol. 529 (in Russian).

28. *Library of Vilnius University. Manuscript Department (VUB RS),* coll. 4, fol. (A-4527) 37742 (in Russian).

29. *Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscript Department (MAB RS),* coll. 18–170, p. 41 (in Russian).

30. *Visits of the Uniate Churches of the Minsk and Novogrudok Cathedrals in 1680–1682: a collection of documents.* Minsk, I. P. Logvinau Publ., 2009. 268 p. Available at: https://pawet.net/files/wizity.pdf (accessed 22.01.2026) (in Belarusian).

31. *Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscript Department (MAB RS),* coll. 18–170, pp. 36–38 (in Russian).

32. *Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscript Department (MAB RS),* coll. 41, fol. 107–212, pp. 132–133 (in Russian).

Информация об авторе

Жихарко Жанна Михайловна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, Республика Беларусь). E-mail: zhyharka@yandex.ru

Information about the author

Zhanna M. Zhykharka – Ph. D. (Art History), Senior Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: zhyharka@yandex.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.162.3
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-133-141

Паступіў у рэдакцыю 26.07.2024
Received 26.07.2024

Ю. А. Шлемен

Цэнтральная навуковая бібліятэка
імя Я. Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ГАРАДСКАЯ ТЭМА Ў ПРАЛЕТАРСКАЙ ПАЭЗІІ ЧЭШСКАГА ПАЭТА Ё. ГОРЫ

Аннотация. Исследуются основные принципы изображения городской темы в пролетарской поэзии чешского писателя Й. Горы. Для анализа выбраны четыре сборника, написанные в русле пролетарского направления: «Дерево в цветении», «Рабочий день», «Сердце и хаос мира», «Бурная весна». Отмечаются особенности показа образа города в каждом сборнике. В стихотворениях наблюдаются одинаковые мотивы (военные и революционные), которые переплетаются с городской темой в творчестве поэта. Сравнение четырех сборников пролетарской поэзии позволило проследить эволюцию в показе городского пространства и очертить изменения в отношении автора к городу: в начале творчества Й. Гора восхищается крупным развитием городов, однако в конце пролетарского периода писатель чувствует уничтожение и поглощение человеческой личности городским пространством.

Ключевые слова: Йозеф Гора, городская тема, пролетарская поэзия, революционные мотивы, военная тема, научно-технический прогресс

Для цитирования: Шлемен, Ю. А. Гарадская тэма ў пралетарскай паэзіі чэшскага паэта Ё. Горы / Ю. А. Шлемен // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 133–141. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-133-141

Yuliya A. Shlemen

Central Scientific Library of J. Kolas of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

URBAN THEME IN THE PROLETARIAN POETRY OF THE CZECH POET J. HORY

Abstract. The article examines the basic principles of depicting the urban theme in the proletarian poetry of the Czech writer J. Hory. Four collections were selected for analysis, written in line with the proletarian trend: “A Tree in bloom”, “Working Day”, “The Heart and Chaos of the world”, “Stormy Spring”. The peculiarities of showing the image of the city in each collection are noted. The poems show the same motives (military and revolutionary), which are intertwined with the urban theme in the poet’s work. A comparison of four collections of proletarian poetry made it possible to trace the evolution in the display of urban space and outline changes in the author’s attitude to the city: at the beginning of his work J. Hora admires the large-scale development of cities, but at the end of the proletarian period, the writer feels the destruction and absorption of the human personality by urban space.

Keywords: Joseph Hora, urban theme, proletarian poetry, revolutionary motifs, military theme, scientific and technological progress

For citation: Shlemen Yu. A. The urban theme in the proletarian poetry of Czech poet J. Hory. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 2, pp. 133–141 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-133-141

© Шлемен Ю. А., 2026

Уводзіны. Пралетарская паэзія становіцца важнай часткай чэшскай літаратуры першай паловы XX ст. Яе асноўныя ідэі былі ўвасоблены ў творах многіх пісьменнікаў пачатку XX ст.: Я. Сэйферт, І. Волькер, С. К. Нэйман і інш. Некаторыя прадстаўнікі нацыянальнай літаратуры адмовіліся ад паказу рэвалюцыйных ідэй у сваіх творах (А. Сова, Ф. Шрамек). Аднак большая частка маладых пісьменнікаў падтрымала новы кірунак у паэзіі. Далей яны зоймуць галоўныя пазіцыі ў літаратуры: І. Волькер, Ю. Фучэк, В. Ванчура, Я. Сэйферт, В. Нэзвал, К. Бібл. Руская багемістка С. А. Шэрлаімава апісвае дадзены перыяд так: «*У 1918–1922 гг. фарміруецца канцэпцыя пралетарскага мастацтва, якая была самым цесным чынам звязана з развіццём рэвалюцыйнай паэзіі, у тым ліку і таму, што галоўнымі тэарэтыкамі новага кірунку выступілі паэты Ё. Гора, С. К. Нэйман, І. Волькер*» [1, с. 66].

Творчасць Ё. Горы (1891–1945) увабрала многія рысы паэтаў памежжа стагоддзяў: віталісцкія настроі, як у С. К. Нэймана, прысутнічаюць у першых зборніках; далей у вершах прасочваюцца «*пафасныя выразы*» А. Совы і «*метафізічнае бачанне свету*» О. Бржэзіны [2, с. 66]. Аднак амаль адразу ў Ё. Горы адчуваецца ўплыў пралетарскай паэзіі. «*Пачуццё рэвалюцыйнай сітуацыі ў Чэхіі з'явіцца і вызначыць сабой характар наступнага зборніка – "Працоўны дзень", які выйшаў у свет, як і "Дрэва ў цвіценні", у 1920 г., але адкрываў ужо новы пралетарскі перыяд у творчасці Горы. Да гэтага перыяду адносяцца таксама зборнікі "Сэрца і тлум свету" і "Бурлівая вясна"*», – адзначае С. А. Шэрлаімава [1, с. 98]. Руская даследчыца называе зборнік «Дрэва ў цвіценні» прадвесцем пралетарскай паэзіі Ё. Горы. Мы будзем прытрымлівацца пазіцыі чэшскіх літаратуразнаўцаў, якія лічаць пралетарскімі чатыры зборнікі: «Дрэва ў цвіценні» («Strom v květu», 1920), у якім пралетарскія матывы спалучаюцца з віталісцкім настроем; «Працоўны дзень» («Pracující den», 1920), дзе выкарыстаны асноўныя прынцыпы пралетарскай літаратуры; «Сэрца і тлум свету» («Srdce a vřava světa», 1922), які падкрэслівае неабходнасць паступовых сацыяльных змен у грамадстве; «Бурлівая вясна» («Bouřlivé jaro», 1923), творы якога спалучаюць у сабе ваенныя і рэвалюцыйныя матывы.

Паэт зрабіў значны ўнёсак у развіццё пралетарскага кірунку, але паступова адмовіўся ад яго ідэй. Пісьменнік быў выключаны з КПЧ у 1929 г. Пасля гэтага ён адчуў мастацкую і ідэйную свабоду ў паэзіі, а таму далучыўся да суполкі «Дэветсіл» і пачаў пісаць у рэчышчы паэтызму. У 1930-х гг. Ё. Гора стаў актыўным удзельнікам дыскусіі пра аднаўленне пралетарскай літаратуры. Ён адзначыў, што паэт павінен адлюстроўваць у літаратуры ўласнае бачанне навакольнага свету, а таксама выказаўся супраць хуткіх сацыяльных змен у грамадстве. Пазней ён актыўна выступіць супраць фашызму ў зборніках «Італія» («Itálie», 1925), «Махаўскія варыяцыі» («Máchovské variace», 1936). Напрыканцы творчасці пісьменнік задумваецца аб сваім месцы ў свеце, што прыводзіць яго да вершаў са спірытуалісцкай тэматыкай: «Дзве хвіліны цішыні» («Dvě minuty ticha», 1934), «Запіскі ў немачы» («Zápisky z nemoci», 1945), «Плынь» («Proud», 1945). Такія істотныя змены ў светапоглядзе паэта невыпадковыя: «*Крэн у філасофскую праблематыку, медытатыўнасць і некаторая адцягненасць сталі адрознымі якасцямі ўсёй творчасці Горы ўвогуле*» [1, с. 101].

У спадчыне Ё. Горы ўвасобіліся разнастайныя плыні чэшскай літаратуры XX ст. Пралетарская паэзія, у сваю чаргу, стала адным з яскравых перыядаў творчасці маладога паэта. Вершы са зборніка «Працоўны дзень» лічацца аднымі з першых твораў у чэшскай паэзіі, напісаных у рэчышчы пралетарскай літаратуры. Многія з іх («Усход і Захад», «Чаму») яскрава дэманструюць ідэйныя і палітычныя пазіцыі пісьменніка. Пад уплывам пралетарскай паэзіі Ё. Гора звяртаецца да рэвалюцыйнай і гарадской тэмы ў вершах. Чэшскі літаратуразнаўца І. Свобада адзначае наступнае: «*Адтуль [з публіцыстыкі] творчасць эвалюцыянавала да пралетарскай паэзіі, ішла гаворка пра вельмі хуткае развіццё, мы маглі б нават сказаць імклі-вае. Гора поўнасцю адкрыўся рэвалюцыйным тэорыям і ў іх духу стараўся пісаць свае тво-ры*» [2, s. 34].

Аналіз апошніх даследаванняў і публікацый. Даследаванне пралетарскага перыяду творчасці Ё. Горы ў пэўных аспектах закранута ў навуковых працах расійскіх і замежных даследчыкаў.

Вывучэнню гэтага пытання прысвечана манаграфія А. М. Пішы «Ё. Гора». У 2008 г. выйшаў артыкул І. Свобады «Барацьба паэзіі з ідэалогіяй (да паэтычнай эвалюцыі Ё. Горы)», прысвечаны

аналізу паэтычнай спадчыны Ё. Горы. Творчасць дадзенага творцы актыўна вывучаецца на філалагічных факультэтах чэшскіх універсітэтаў, а таксама ў вышэйшых навучальных установах іншых краін на дысцыплінах, прысвечаных славістыцы. Значны ўнёсак у развіццё пралетарскай літаратуры і вызначэнне ролі Ё. Горы ў рэчышчы пралетарскай паэзіі зрабіла расійская даследчыца С. А. Шэрлаімава, якая ў сваёй навуковай працы «Чэшская паэзія XX стагоддзя 20–30-х гг.» акрэсліла грамадскі і літаратурны кантэкст у чэшскай паэзіі таго перыяду. Гэта дазволіла зразумець ролю Ё. Горы ў станаўленні пралетарскай літаратуры ў Чэхіі. У айчынным літаратуразнаўстве намі ўпершыню зроблена спроба сістэматызацыі і абагульнення ўсёй творчай спадчыны пралетарскага перыяду праз прызму гарадской тэматыкі. Аб'яднанне поглядаў чэшскіх і расійскіх літаратуразнаўцаў дазволіла па-новаму паглядзець на класіфікацыю пралетарскіх зборнікаў паэта.

Асноўныя вынікі даследавання. «Дрэва ў цвіценні» стаў першым зборнікам, напісаным у рэчышчы пралетарскай паэзіі. У ім змешчаны творы 1915–1918 гг. У сувязі з гэтым тэма вайны і пераасэнсавання яе наступстваў прысутнічае ў значнай частцы вершаў («Заходні вецер», «Рэвалюцыя», «1917»). Многія з іх напісаны верлібрам, адсутнічаюць сродкі мастацкай выразнасці, паколькі аўтар звяртае ўвагу на сэнс, а не на мастацкае аздабленне. Нягледзячы на дамінаванне ваеннай тэматыкі, у зборніку змешчаны творы з віталісцкімі матывамі («Красавік», «Дзень як свята»). Гэта дазваляе аўтару знайсці свой спосаб пазбегнуць цяжкасці і пакуты ў навакольным свеце. У вершах пераважае імпрэсіяністычнае бачанне свету праз увядзенне сінестычных метафар: *Večerem předjarním bílý dým, // mlha to nebo kouř na střechách* (*Вечарам перадвеснавым белы дым, // туман – гэта неба дым на стрэхах*[1]) [3, s. 23].

У зборніку «Працоўны дзень» закрануты розныя тэмы, паколькі туды ўвайшлі вершы, напісаныя паміж 1917 і 1920 гг. У многіх творах зноў сустракаюцца віталісцкія матывы: «Зялёная раніца», «Сад», «Песня» і г. д. Чэшскі літаратурны крытык А. М. Піша адзначае наступнае: «*"Працоўны дзень" арганічна працягвае яго [Ё. Горы] віталісцкую ноту. Аднак менавіта сустрэча з сацыяльнай несправядлівасцю і бядой руйнавала яго згоду са светам і кідала цень на жаданае ўяўленне пра жыццёвую напоўненасць і прыгажосць*» [4, s. 24].

Зборнік «Сэрца і тлум свету» выйшаў у той перыяд, калі з'явіліся праграмныя маніфесты пралетарскай паэзіі. У вершах адчуваецца жаданне Ё. Горы пераканаць грамадства ў неабходнасці змен з дапамогай гуманістычнага і маральнага ўздзеяння на людзей. У назве зборніка можна прасачыць адсылкі на барочны раман Я. А. Коменскага «Лабірынт свету і рай сэрца». І гэта невыпадкова, паколькі ў гэты час чалавек адчувае сябе заблытана ў свеце. Адбываліся паспяховыя палітычныя змены, у сувязі з чым 20-я гг. XX ст. былі звязаны з віталісцкімі настроямі ў многіх славянскіх літаратурах. Аднак у грамадстве панавалі і змрочныя настроі. Тлумачыцца гэта тым, што ніжэйшыя слаі хацелі палепшыць сваё становішча, аднак надыход сацыяльных змен праз жорсткія рэвалюцыйныя падзеі пужаў мірнае чэшскае насельніцтва. Асноўны акцэнт у зборніку «Сэрца і тлум свету» зроблены на справядлівасці для ўсіх прадстаўнікоў грамадства. Асноўным матывам вершаў становіцца супрацьстаянне розуму і пачуццяў звычайнага чалавека («Я больш, я менш», «Раніца»). Аўтар падкрэслівае неабходнасць людзей вызначыцца, у якім кірунку яны будуць рухацца далей («Усход і Захад», «Чаму»). У зборніку прысутнічаюць лірычныя вершы, дзе ўзнімаюцца філасофскія пытанні, апісваецца прыгажосць прыроды, а таксама багацце чалавечых пачуццяў («Размова», «Жанчына», «Луна», «На вакзале»).

У 1923 г. выходзіць зборнік «Бурлівая вясна», у якім пераважаюць рэвалюцыйныя матывы, уласцівыя пралетарскай паэзіі. У некаторых далейшых зборніках зноў узнімаецца тэма рэвалюцыі, аднак яна не такая частотная, як у папярэдніх зборніках. Выклікана гэта тым, што змяняюцца настроі грамадства і ў чэшскай літаратуры з'яўляецца новы кірунак – паэтызм. Гэта абумовіла паступовы адыход пісьменніка ад пралетарскай паэзіі. Апошні з названых зборнікаў мае некаторыя асаблівасці: паэт дэманструе зварот да такіх форм твораў, як балада і песня, што сведчыць пра жаданне наблізіцца да народнай паэзіі. У іх адлюстроўваюцца падзеі Першай сусветнай вайны («Песня пра вайну»).

[1] Тут і далей пераклад наш. – *Ю. Ш.*

Усе чатыры зборнікі аб'яднаныя тым, што ў іх увасоблены рэвалюцыйныя матывы. У некаторых вершах асноўны акцэнт зроблены на паказе сацыяльнага прыгнёту ніжэйшых слаёў насельніцтва, а таксама на веру лірычнага героя ў перамогу рэвалюцыі. Варта адзначыць, што пасля заканчэння Першай сусветнай вайны і ўзнікнення Чэхаславакіі бедныя не адчулі змен свайго становішча. Ё. Гора быў выхадцам з небагатай сям'і, таму верыў у паляпшэнне матэрыяльнага палажэння беднякоў з дапамогай рэвалюцыйных падзей. Разуменне рэвалюцыі ў яго вершах не прадстаўляе сабой барацьбы са зброяй у руках. Аўтар імкнецца да сацыяльных змен, якія прывядуць да роўнага палажэння ўсіх прадстаўнікоў грамадства. Вершы са зборніка «Працоўны дзень» дазваляюць пераканацца ў тым, што жаданне змен носіць у творчасці чэшскага паэта мірны характар, паколькі аўтар піша пра сацыяльную справядлівасць для ўсяго насельніцтва: *Pojďme spolu s nimi, // s těmi hladovějícími, // je v nich víc světa než v sytých* (*Хадзем разам з імі, // з тымі галоднымі, // у іх свята больш, чым у сытых*) [5, s. 15]; *Ach kadidlo! Viděl bys kouřící kamna, // zápach chudého oběda bys pocítil // hromádku dětí, jež zazpívaly by ti koledu bídy* (*Ах кадзіла! Бачыла б ты, // пах беднага абеду адчула б // чародку дзяцей, якія заспявалі б табе каляду галечы*) [5, s. 23]. Верш «Чаму» ў перадапошнім зборніку «Сэрца і тлум свету» падкрэслівае жудасныя наступствы гвалтоўных змен у грамадстве. Аўтар апісвае сапраўдную гістарычную падзею – Снежаньскую палітычную стачку, што адбылася ў Народным доме ў Празе ў снежні 1920 г.: *Ulice dýchala krví. (...) // Na dvoře Lidového domu // kde Rudý prapor zněl, // špalírem bajonetů // Antonín Němec šel // po tvé, ještě neuschlé krvi, // ty prvý!* (*Вуліца дыхала крывёй. (...) // На дварэ Народнага дома, дзе Чырвоны сцяг гучаў, // калонай штыкоў // Антанін Немец ішоў // па тваёй, яшчэ не высахлай крыві, // ты першы!*) [6, s. 49]. З дапамогай адухаўлення, эпітэта і ўвядзення рэальнай гістарычнай асобы, а таксама звароту ў форме 2-й асобы адзіночнага ліку аўтар аднаўляе тыя падзеі і стварае адчуванне прыстунасці чытачоў у апісаным моманце. У творах апошняга пралетарскага зборніка рэвалюцыйныя матывы таксама сустракаюцца. Ё. Гора паказвае галечу і беднасць ніжэйшых слаёў насельніцтва ўжо ў назвах твораў: «Малітва рабочага», «Гнеў», «Для каго?», «Ідучаму наперад», «Жабрак» і г. д. Аўтар верыць, што з надыходам рэвалюцыі прыйдзе аднолькава шчаслівае жыццё для ўсіх гараджан: *Z hlubiny bídy pnu své ruce // nad křivdy bahna odvěká. // Svět obnov, zroď nám, Revoluce, // spravedlivého člověka!* (*З глыбіні галечы цягну свае рукі // над несправядлівасцю багны адвечнай. // Святло аднаўленняў пакажы нам, Рэвалюцыя, // справядлівага чалавека!*) [7, s. 30].

У цеснай сувязі з рэвалюцыйнымі матывамі ў творчасці ўзнікае гарадская тэма. У кожным зборніку прысутнічаюць свае асаблівасці ў апісанні і паказе горада ў адносінах да чалавека. У першым пралетарскім зборніку чэшскі пісьменнік звяртае ўвагу на актыўную ўзаемазалежнасць і ўзаемапранікненне горада і чалавека: *Jdu ulicemi a ulice mnou, hlasy, myšlenky, dění* (*Іду па вуліцах а вуліцы па мне галасамі, думкамі, падзеямі*) [3, s. 9]. Паэт падкрэслівае, што лірычны герой у гарадскім асяроддзі шукае толькі лепшага жыцця і спадзяецца на станоўчыя змены: *Po tvrdém dláždění valí se proud // sta lidí, sta vůlí, sta chtíčů, // jež hledají štěstí a přišli je skout // do výhně zlata a bídy. Sta bičů, // jež tvrdě a rvavě se rozezpívaly, // je žene a práská a líbá, až přechází zrak* (*Па цвёрдай маставой коціцца плынь // сотні людзей, сотні жаданняў, сотні юрлівасцей, // якія шукаюць шчасце і прыйшлі яго ўхапіць // у гарніле золата і бяды. Сотня бізуноў, // якія цвёрда і драпежна расспяваліся, // іх гоніць, і пляскае, і цалуе, аж балюча вачам*) [3, s. 9]. У зборніку праяўляецца неадназначнае стаўленне да горада. Нягледзячы на актыўнае забудаванне і развіццё гарадоў, апісанае ў вершы «Настальгія», лірычны герой адчувае адзіноту. Гэтым і выкліканы такія адносіны да гарадской прасторы: *Jindy však na sever toužím, kde člověk si vystavěl města, // hráze a doky a majáky na březích moří. // Vedou tam železné dráhy, a penězi dlážděná cesta, // představa milionů v mozcích tam nezmarně hoří – // Tam na sever toužím, kde člověk si vystavěl města* (*У іншым месцы аднак па поўначы сумую, дзе чалавек пабудаваў гарады, // плацiны, і верфі, і маякі на берагах марэй. // Вядуць туды жалезныя дарогі і грашыма брукаваная дарога, // ідэя мільёнаў у мазгах там недарэмна гарыць – // Там па поўначы сумую, дзе чалавек пабудаваў гарады*) [3, s. 38]. Гарадская прастора паглынае асобу чалавека, не заўважаючы яе памірання, што адлюстравана ў творы «Смерць»: *A město, jehož ulice, knihovny, laboratoře // družně šuměly ti moz-*

kem, // běží dál, běží dál, // přes tvou mrtvolu, přes náš smutek (*І горад, вуліцы, кнігарні, лабараторыі якога // дружна шумелі ў галаве, // бяжыць далей, бяжыць далей, // праз твой труп, праз наш смутак*) [3, s. 35].

У вершы «Прага», цалкам прысвечаным чэшскай сталіцы, адчуваецца паважлівае стаўленне да горада і яго мінулага. Гэта падкрэсліваецца на пачатку твора, паколькі лірычны герой паказвае разнастайнасць горада, выкарыстоўваючы антытэзу, у якой адзначае старажытнасць Прагі, а таксама хуткае развіццё горада: *Hradčany za mnou, zeď hradu, o niž se opírám, // vše mohutné, staleté, pevné* (*Градчаны за мной, сцяна замка, аб якую апіраюся, // усё магутнае, стогадовае, моцнае*) [5, s. 36]. *Jak je moje, // tato měkká, mléčná sedlina střech a parků, // vody, cihel, železa, skla, // vláčných látek, vonící pleti!* (*Як мая, // тая мяккая, малочная сівізна стрэх і паркаў, // вады, цаглiны, жалеза, шкла, // мяккіх матэрыялаў, скуры, што пахне*) [5, s. 36]. Эпітэты і ўвасабленні дазваляюць аўтару перадаць багатую гісторыю чэшскай сталіцы, якая перакрыжоўваецца з асабістымі ўспамінамі лірычнага героя, выкліканымі знаходжаннем у знакамітых раёнах Прагі: *od starých, hubených, upřímných uliček, // kde se pívalo z korbele, chodilo na frej, // kde zadumaný kazatel četl evangelium, // s tancem hladomor procházel se, // šustil pergamen, tekla vzdorovitá krev, // dýchala plíseň katolicismu, // tajemná, sladká, jed slabých* (*ад старых, вузкіх, прамых вулічак, // дзе піў са жбана, хадзіў на спатканні, // дзе задуменны прапаведнік чытаў евангелле, // з танцам галадамор праходзіў, // шамацеў пергамент, цякла няскораная кроў // дыхала цвіль каталіцызму, // таемная, салодкая, атрута слабых*) [5, s. 36–37].

Паляпшэнне ўмоў жыцця бачыцца лірычнаму герою ў надыходзе рэвалюцыі: *tvrdý život na ramenou, pod čelem jasný sen, // třídní vědomí v krvi, // křik žaludku, piana potěšení, // dva konce řetězu, jímž probíhá // jiskra revoluce…* (*цяжкае жыццё на плячах, пад ілбом ясны сон, // класавая свядомасць у крыві, // крык страўніка, піяніна асалоды, // два канцы ланцуга, па якіх прабягае // іскра рэвалюцыі…*) [5, s. 37]. Пасля ўвядзення рэвалюцыйнай тэмы ўзнікае персаніфікаваны вобраз горада, які прымае чалавека ў сваё асяроддзе: *Pojď! volá město. I vracím se, // hlavy nepovznášeje…* (*Ідзі! Кліча горад. І я вярнуся, // галавы не ўздымаючы…*) [5, s. 37]. Аўтар падкрэслівае неабходнасць руплівай працы, якая дазволіць чалавеку адчуваць сябе гарманічна ў гарадской прасторы: *co za mnou svírá se města hranatá dlaň, // tunely ulic jdu, kameny prokusuji se // blíž a blíž ke své práci* (*што за мной сціскаецца горада гранёная далонь, // лабірынтамі вуліцы іду, каменні вылучаюцца // бліжэй і бліжэй да сваёй працы*) [5, s. 37]. Паэт ставіць у адным шэрагу, ужываючы клічныя назоўныя сказы, важныя для асобы паняцці, сярод якіх горад займае першае месца: *město! práce! výboji! lásko!* (*горад! праца! стрэлы! каханне!*) [5, s. 37]. У канцы верша лірычны герой прыходзіць да высновы, што рэвалюцыйныя змены і добрасумленная праца здольны паяднаць чалавека і гарадскую прастору: *Nejsi moje [město]. Jsem tvůj* (*Ты не мой [горад]. Я твой*) [5, s. 37]. Паэт прызнае ўладу горада над сабой.

Верш «Ноч у мегаполісе» з перадапошняга зборніка прыцягвае ўвагу тым, што ў ім падаецца апісанне існавання ў буйным горадзе. Аўтар апісвае бурлівае і актыўнае жыццё ў такіх гарадах: *Já viděl jsem ulice plný, // v kavárnách kapely hrály // a života divoké vlny // se na mě valily odevšad* (*Я бачыў вуліцы напоўненыя, // у кафэ аркестры гралі // і жыцця дзікія хвалі // на мяне каціліся адусюль*) [6, s. 36]. Далейшае апісанне гарадскога насельніцтва пададзена ў якасці антытэзы да першага ўражання, якое ўзнікла пры знаёмстве з горадам: *Opilé nervy a smyslů hlad, // nárazy duší zvichřených // planými demonstracemi* (*П'яныя нервы і пачуццё голаду, // ударамі душ узбуджаных // дзікімі дэманстрацыямі*) [6, s. 36]. У вобразе горада акцэнтуецца адмоўнае ўражанне ад маральнага разлажэння людзей. Аўтар супрацьпастаўляе беднасць чалавечых душ і ўяўную раскошу, створаную з дапамогай адзення: *Stesk a smích, // necudná nahota lidských niter // svítila na mě v kročejích // hedvábí, na těla napjatého* (*Сум і смех, // бессаромная аголенасць чалавечых душ // свяціла мне ў кроках // шоўка, на целы нацягнутага*) [6, s. 36]. Апісанне вуліц пададзена праз параўнанне з насельніцтвам буйных гарадоў. Гэта дазваляе паэту зрабіць акцэнт на маральным збядненні гарадскіх жыхароў, таму гарадская прастора параўноўваецца з жанчынамі лёгкіх паводзін: *a ulice jako rozlitý stůl vína, // nad nímž se věží sepjetí mdle spíná // k prázdným nebesům, // byla jako hmat ruky s briliantem // po nevěstce. Veřejný dům* (*і вуліца, як разліты стол віна, // над якім вежамі спляценне млява знітоўваецца // да пустых нябёсаў, // была як хватка рукі з брыльян-*

там // пасля прастытуткі. Публічны дом) [6, s. 36–37]. Аўтар адзначае, што, нягледзячы на навуковае і тэхнічнае развіццё, грамадства працягвае пакутаваць ад разнастайных маральных і фізічных хвароб: *Viděl jsem pavilon nemoci, // těla zhroucená horečkami* (*Бачыў павільён хвароб, // целы пабітыя ліхаманкай*) [6, s. 37]. Падобнае знішчэнне маральнага вобліку гарадскога насельніцтва бачыцца Ё. Гору ў адсутнасці сацыяльных змен праз рэвалюцыйныя падзеі, апісаныя адным неразвітым сказам напрыканцы верша: *I revoluce spí a nepřichází* (*І рэвалюцыя спіць і не прыходзіць*) [6, s. 37]. У вершы «Ноч у мегаполісе» прасочваецца відавочны ўплыў чэшскага паэта А. Совы. Ё. Гора спалучае апісанне прыроднага асяроддзя з паказам горада, выкарыстоўваючы клічныя сказы: *Blědý, modravý měsíci! // Nad zahradami hvězdy skvělé!* (*Бледны, сіняваты месяц! // Над садамі зоркі цудоўныя!*) [6, s. 37]. Такі прыём з'яўляецца частотным і ў паэзіі чэшскага сімваліста А. Совы: *Poslední ráz tu podniknu cestu, // budu se blížit k rodnému městu. // Ke vsi, již nejraději jsem měl, // červen když zářil, hlas kukačky zněl* (*Апошні раз тут пабуду, // Буду набліжацца да свайго роднага горада. // У вёску, якая больш за ўсё мне падабалася, // чэрвень калі блішчэў, голас зязюлі гучаў*) [8, s. 20]. Адначасовае апісанне горада і параўнанне з прыроднымі прасторамі заўважаецца і ў вершы Ё. Горы «На трамваі»: *A toho dne jsem šel po městě kamenném, // jako bych loukou brouzdal se a do skříní nahlížel, // jako bych smrky, traviny a hvězdy před očima měl // z dob, kdy mé srdce, plno jich, hořelo plamenem...* (*І гэтым днём я ішоў па горадзе каменным, // як быццам па лузе блукаў і як ў скрыні зазіраў, // як быццам елкі, травінкі і зоркі перад вачыма меў // з часоў, калі маё сэрца, напоўненае імі, гарэла пламенем...*) [6, s. 25].

Напрыканцы перыяду пралетарскай паэзіі Ё. Гора стварае вобраз усёпаглынальнага і знішчальнага горада, у якім не знаходзіцца месца людзям, незалежна ад іх сацыяльнага становішча: *Město // netrpělivě sršelo // ubohé myšlenek zlomky, kalafunové blesky // svých sensací // do vytřeštěných očí pouštělo* (*Горад // нецярпліва сыпаў // убогія думкі аскепкамі, // каніфольныя бляскі // сваіх сенсацый // у вылупленыя вочы кідаў*) [7, s. 19]. У вершы «Горад» аўтар паказвае руйнаванне асобы чалавека гарадскім асяроддзем, а таму лірычны герой заклікае пайсці з грозных гарадоў: *a den co den // na špalku nízkosti mechanické // krvací tu lidská hlava. // Z města ven!* (*і дзень за днём // на пласе нізасці механічнай // крываточыць тут чалавечая галава. // З горада прэч!*) [7, s. 20]. Адзінае выйсце аўтару бачыцца ў рэвалюцыі, якая здолее вызваліць чалавека ад знішчальнай працы: *chci revoluci. // Blázni šilenci staňte se, // dynamitem vy v továrnách udušení, // bůh nicoty nechať svět roznese // a začnem znova, znova* (*хачу рэвалюцыю. Шалёныя вар'яты стойце, дынамітам вы на заводах узарваныя, // бог нікчэмнасці святло разнясе // і пачнём зноў, зноў*) [7, s. 20].

Варта адзначыць, што ўжо ў пралетарскай паэзіі праяўляюцца рысы, якія стануць асноўнымі ў паэтычнай творчасці Ё. Горы: пры апісанні горада акцэнтуецца ўвага на прамысловым развіцці. Усхваленне тэхнічнага прагрэсу адбываецца ў чатырох зборніках. У «Дрэве ў цвіценні» аўтар, адзначаючы значны ўнёсак людзей, апісвае з'яўленне цягнікоў, якія палепшылі ўмовы жыцця гарадскіх жыхароў: *Když odjíždím vlakem, jenž těžce se prodírá dnem, // nesmírné lidské to pole, // oseté rukama práce i lsti v hrubém zbrázdění svém, // točí se rychleji a rychleji // v závratném kole* (*Калі еду на цягніку, які цяжка прадзіраецца ўдзень, // бязмежнае чалавечае гэта поле, // засеянае рукамі чалавека і хітрасцю ў грубым зразанні сваім, // круціцца хутчэй і хутчэй // у зачараваным коле*) [3, s. 9]. Параўнанне цягніка з чалавечым целам дазваляе падкрэсліць ролю працоўнага гарадскога насельніцтва ў развіцці тэхнічнага прагрэсу: *přemáhá tíhu // papíru, uhlí a zlata // a v útočném zdvihu // lehčej a lehčeji // rozpíná ulic svých svaly // v zelený tančící jas, // jenž slunečné vlny své valí // v čtyrhrany domů a v nás* (*перасільвае цяжар // паперы, вугля і золата // і ў агрэсіўным пад'ёме // лягчэй і лягчэй // распраўляе вуліц сваіх мышцы // у зялёным танцавальным бляску, // які сонечныя хвалі свае коціць // у квадратныя дамы і ў нас*) [3, s. 9–10]. Паэт у многіх сваіх творах захапляўся ўвядзеннем новых сродкаў прагрэсу, але выступаў супраць знішчальнай працы: «*Пралетарская паэзія Горы з'яўляецца сапраўдным праслаўленнем працы. Усхваляе яе ўрадлівасць і прыгажосць, але скардзіцца на праклён працы прыгнятальнай, эксплуататарскай, а таксама выступае супраць празмернага захаплення тэхнічнай цывілізацыяй, развіцця механізаванай працы, якая пераўтварае чалавека ў частку вытворчых машын*» [2, s. 24]. У вершы, прысвечаным Празе,

са зборніка «Працоўны дзень» аўтар выбірае ў якасці мастацкай дэталі рукі працоўных людзей, з чыёй дапамогай адбываецца прамысловае развіццё. Выкарыстанне сінекдахі, параўнання і шматлікіх эпітэтаў узмацняе створаны вобраз: *ruce, // hrubé, červené, šlachovité, hbité, přesné, // robí stroje, anděle, ďábly to pokroku // jako bůh* (*рукі, // грубыя, чырвоныя, жылістыя, жвавыя, дакладныя, // робяць машыны, анёлаў, д'яблаў гэтаму прагрэсу, // як бог*) [5, s. 29]. У гэтым вобразе бачыцца пераемнасць з паэзіяй О. Бржэзіны, які ў сваім зборніку «Рукі» («Ruce», 1901) праз сінекдаху і вобраз рук падкрэслівае звязанасць людзей і іх здольнасць перамагчы навалы новага стагоддзя: *Hle, v této chvíli ruce miliónů potkávají se, magický řetěz, // jenž obmyká všechny pevniny, pralesy, horstva // a přes mlčenlivé říše všech moří vzpíná se k bratřím* (*Глядзі, у гэтае імгненне рукі мільёнаў сустракаюцца, магічны ланцуг, // які акружае ўсе мацерыкі, нерушы, горы, // і праз маўклівае царства ўсіх марэй падымаецца да братоў*) [9, s. 16]; *A ruce naše, zapjaté v magický řetěz rukou nesčíslných, // chvějí se proudem bratrské síly, jenž do nich naráží z dálek, // stále mocnější tlakem věků* (*І рукі нашыя, сплеценыя ў магічны ланцуг рук незлічоных, // дрыжаць плынню братэрскай сілы, якая да іх прыходзіць здалёк, // становячыся мацнейшай пад ціскам стагоддзя*) [9, s. 18].

Вершы зборніка «Сэрца і тлум свету» падкрэсліваюць знітаванасць навукова-тэхнічнага прагрэсу і гарадской тэмы. У творы «На трамваі» аўтар адзначае, што паэты неаднаразова звярталіся да падобнага спалучэння ў сваёй творчасці: *Z předměstí přeprůmyslového, které opěval // můj přítel S. K. Neumann, tamtéž bydlící, // mě vezl mototorový vůz ponurou ulicí, // jak vor, jenž praskaje, se žene průrvou skal* (*З прыгарада прамысловага, які апяваў // мой прыяцель С. К. Нэйман, там жа жывучы, // мяне вёз маторны воз па цёмнай вуліцы, // як плыт, які трышчыць, імчыцца праз цясніну скал*) [6, s. 24]. Жыццё людзей з прыгарада, а таксама актыўнае тэхнічнае развіццё апісваў у перыяд пралетарскай паэзіі Я. Сэйферт, які быў выхадцам з беднай сям'і на ўскраіне Прагі. Адрознасць у паказе жыцця людзей з прыгарадаў бачыцца ў наступным: Нобелеўскі лаўрэат звяртае ўвагу на беднасць і галечу працоўных людзей, адчуваючы паратунак у рэвалюцыі і навуковым развіцці грамадства. Ё. Гора, у сваю чаргу, спрабуе папярэдзіць людзей пра неабходнасць памятаць аб унутраным стане чалавека, а не толькі захапляцца паскораным развіццём навакольнага свету. У вершы «Месяц» падкрэсліваецца асноўная ідэя, акрэсленая ў назве ўсяго зборніка, у супрацьстаянні пачуццяў людзей і тэхнічнага прагрэсу: *básníku, jenž na mě zapomněl // pro měsíce elektrické, // divy světa mechanické. // Vzpomínáš, vzpomínáš // tisiny času, křehké příliš, // hlubiny lásky, jemné příliš?* (*паэт, які пра мяне забыўся // праз месяцы электрычныя, // дзівосы свету механічныя. // Успамінаеш, успамінаеш // ціхія месцы часу, крохкія занадта, // глыбіні кахання, мяккія занадата?*) [6, s. 19]. У вершы «Душна» паэт з дапамогай эпітэтаў з адмоўнай канатацыяй перадае знішчальны ўплыў тэхнічнага развіцця: *stotisíc lidí vytrhne ruce // z ohromujícího plamene // surových strojů a bojů* (*сто тысяч людзей выцягне рукі // з ашаламляльнага полымя // жорсткіх машын і боек*) [6, s. 45]. У зборніку «Сэрца і тлум свету» праявілася яскравая асаблівасць паэзіі Ё. Горы пралетарскага перыяду: пісьменнік можа апісваць грозны і страшны горад, які паглынае чалавечую асобу, аднак разам з тым не пакідаць надзеі на станоўчыя змены. Даследчыца С. А. Шэрлаімава падагульняе паэзію пралетарскага перыяду пісьменніка наступным чынам: «*Гора з вялікай эмацыянальнай выразнасцю ўмеў перадаць гора, адчай, скруху і ў той жа час – надзею, веру*» [1, с. 99]. Выразна гэта праявілася ў вершы «Душна», дзе аўтар спадзяецца на рэвалюцыйныя падзеі, якія зменшаць згубныя наступствы прамысловага прагрэсу: *a slyšíš? slyšíš? divočina světa, // zvířené zlato, pot a prach // v postupných oblacích nad města vzlétá // a je to lítost, je to naděje, strach, // je to hrůza, zmar, krev revoluce* (*і чуеш? чуеш? дзікі край свету, // узвітыя золата, пот і пыл // у паслядоўных аблоках над горадам узлятаюць // і гэта літасць, гэта надзея, страх, // гэта цяжар, крах, кроў рэвалюцыі*) [6, s. 45].

У апошнім пралетарскім зборніку аўтар апісвае актыўны тэхнічны прагрэс, але з дапамогай рытарычных звароткаў і клічных сказаў з загадным ладам распавядае пра жахлівыя наступствы жыцця ў гарадскім асяроддзі: *Lokomotivy, strojírny, odepřete // třeštiti lidstvo! // Telefony, rotačky, umlkněte, // pracujte tiše!* (*Лакаматывы, заводы, перастаньце // страшыць чалавецтва! // Тэлефоны, ратацыйныя машыны, замаўчыце, // працуйце цішэй!*) [7, s. 19]. Гэта прыводзіць да поўнай

адсутнасці міжчалавечых адносін і немагчымасці цывілізацыйнага развіцця грамадства: *Člověk člověka neslyší, // jen vraždou a pošklebkem mluví* (*Чалавек чалавека не чуе, // толькі забойствам і грымасамі размаўляе*) [7, s. 19].

Высновы. Ё. Гора стаў адным з яскравых прадстаўнікоў пралетарскай паэзіі ў чэшскай літаратуры. Напачатку ў паэзіі аўтара прасочваюцца ўплывы яго папярэднікаў (С. К. Нэймана, А. Совы, О. Бржэзіны). Увогуле трэба адзначыць даволі цесную сувязь творчасці паэта з нацыянальнай літаратурнай традыцыяй. Аднак паступова ў Ё. Горы фарміруецца свой уласны паэтычны стыль: спалучаюцца рэвалюцыйныя і ваенныя матывы, тэма навукова-тэхнічнага прагрэсу з гарадской тэматыкай.

Вобраз горада становіцца важным складнікам чатырох зборнікаў, напісаных у рэчышчы пралетарскай паэзіі. Ужо ў першым зборніку фарміруецца асаблівасць мастацкага почырку перыяду, якая будзе праяўляцца і ў наступных творах: горад становіцца важнай часткай развіцця тэхнічнага прагрэсу і цывілізацыйнага развіцця. Менавіта ў гарадскім асяроддзі адбываюцца тэхнічныя адкрыцці, якія паляпшаюць палажэнне ніжэйшых слаёў насельніцтва. Далей гэты матыў будзе выкарыстаны ў паэтычнай плыні, адным з прадстаўнікоў якой пазней стане Ё. Гора.

У кожным зборніку прысутнічае адметнасць, якая дазваляе казаць пра эвалюцыю гарадской тэмы ў пралетарскай паэзіі: станоўчыя адносіны да горада змяняюцца ў аўтара на адмоўнае стаўленне з-за палажэння жыхароў у зменлівым гарадскім асяроддзі. У апошнім зборніку пралетарскай скіраванасці паказана знішчэнне чалавечай асобы. Лірычны герой адчувае сябе адчужана, што гіпербалізуецца праз увядзенне змрочных матываў, звязаных з ваеннай тэматыкай. У паэтыцы дадзеная асаблівасць відавочная: напачатку аўтар выкарыстоўвае клічныя сказы, сінестычныя метафары, персаніфікацыі і некаторыя іншыя сродкі мастацкай выразнасці. Паступова адбываецца пераход да вольнага верша, у якім практычна адсутнічаюць мастацкія тропы. Ё. Гора бачыць адзіны спосаб палепшыць сацыяльнае становішча бедных слаёў насельніцтва – рэвалюцыйныя змены.

Аналіз чатырох пралетарскіх зборнікаў Ё. Горы дазволіў пераканацца ў тым, што ў творчасці гэтага перыяду ствараецца абстрактны вобраз горада і мегаполіса, які паглынае чалавека ў сваім асяроддзі. Апісанне ўласна Прагі сустракаецца толькі аднойчы. Параўнанне паэзіі Ё. Горы з творчасцю іншых прадстаўнікоў чэшскай літаратуры памежжа XIX і пачатку XX стст. дапамагло вызначыць частотнасць гарадской тэмы ў гэты перыяд: у чэшскай пралетарскай паэзіі яна сустракаецца пераважна ў творчасці Я. Сэйферта і Ё. Гора; у паэзіі А. Совы тэма горада звязана з тэмай вёскі, а ў творах С. К. Нэймана і І. Волькера гарадская тэма становіцца другараднай і амаль не закранута ў галоўных зборніках.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шерлаимова, С. А. Чешская поэзия 20–30-х гг. XX века / С. А. Шерлаимова; Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1973. – 463 с.

2. Svoboda, J. Svár poezie s ideologií (k básnickému vývoji Josefa Hory) / J. Svoboda // Bohemistyka. – 2008. – № 8. – S. 73–80.

3. Hora, J. Strom v květu / J. Hora; František Borový. – Praha, 1920. – 64 s.

4. Píša, A. M. Josef Hora / A. M. Píša; Vydavatelství ministerstva informací. – Praha, 1947. – 62 s.

5. Hora, J. Pracující den / J. Hora; František Borový. – Praha, 1922. – 61 s.

6. Hora, J. Srdce a vrava sveta / J. Hora; František Borový. – Praha, 1929. – 66 s.

7. Hora, J. Bouřlivé jaro / J. Hora; František Borový. – Praha, 1923. – 66 s.

8. Sova, A. Básníkovo jaro / A. Sova; Aventinum. – Praha, 1921. – 90 s.

9. Březina, O. Ruce / O. Březina; Spolek výtvarných umělců Mánes. – Praha, 1929. – 58 s.

References

1. Sherlaimova S. A. *Cheshskaya poeziya XX veka 20–30 gg.* In-t slavyanovedeniya i balkanistiki. Moscow, Nauka Publ., 1973. 463 s. (in Czech).

2. Svoboda J. Svár poezie s ideologií (k básnickému vývoji Josefa Hory). *Bohemistyka,* 2008, no. 8, pp. 73–80. (in Czech).

3. Hora J. *Strom v květu. František Borový.* Praha, 1920. 64 p. (in Czech).
4. Píša A. M. *Josef Hora. Vydavatelství ministerstva informací.* Praha, 1947. 62 p. (in Czech).
5. Hora J. *Pracující den. František Borový.* Praha, 1922. 61 p. (in Czech).
6. Hora J. *Srdce a vrava sveta. František Borový.* Praha, 1929. 66 p. (in Czech).
7. Hora J. *Bouřlivé jaro. František Borový.* Praha, 1923. 66 p. (in Czech).
8. Sova A. *Básníkovo jaro. Aventinum.* Praha, 1921. 90 p. (in Czech).
9. Březina O. *Ruce. Spolek výtvarných umělců Mánes.* Praha, 1929. 58 p. (in Czech).

Информация об авторе

Шлемен Юлия Александровна – аспирант, младший научный сотрудник Центра исследования старопечатных изданий и рукописей. Центральная научная библиотека им. Я. Колоса Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 15, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: yulenka.shlemen@mail.ru.

Information about the author

Yulia A. Shlemen – Postgraduate student, Junior researcher at the Center for the Study of Old Printed Publications and Manuscripts of the Central Scientific Library named after J. Kolos of the National Academy of Sciences of Belarus (15 Surganov Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: yulenka.shlemen@mail.ru.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 340; 342
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-142-154

Поступила в редакцию 31.12.2025
Received 31.12.2025

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗВИТИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена доктринальным и практическим аспектам такой конституционной категории, как социальная ответственность. Отмечен вклад белорусских и российских ученых в развитие концепции социальной ответственности. Обосновывается вывод, согласно которому положение о социальной ответственности, зафиксированное в Основном Законе Беларуси, трансформируется из морально-этического принципа в конституционный императив. Это предопределяет вектор и содержание развития нормотворческой деятельности и правоприменительной практики. Подчеркивается значение созидательной роли права, его эффективности. Автор полагает, что в каждой отрасли права следует провести дополнительный анализ статуса субъектов правовых отношений, объекта правового регулирования и, исходя из его итогов, совершенствовать нормотворческую и правоприменительную сферу. Внесены предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: социальная ответственность, посильный вклад, долг, обязанность, нормотворчество

Для цитирования: Василевич, Г. А. Социальная ответственность как фактор, определяющий развитие нормотворческой и правоприменительной деятельности / Г. А. Василевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 142–154. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-142-154

Grigoriy A. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

SOCIAL RESPONSIBILITY AS A FACTOR DETERMINING THE DEVELOPMENT OF NORMATIVE AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Abstract. The article is devoted to the doctrinal and practical aspects of such a constitutional category as social responsibility. The contribution of Belarusian and Russian scientists to the development of the concept of social responsibility was noted. The conclusion is substantiated, according to which the provision on social responsibility, fixed in the Basic Law of Belarus, is transformed from a moral and ethical principle into a constitutional imperative. This determines the vector and content of the development of normative activity and law enforcement practice. The importance of the problem of the creative role of law and its effectiveness is emphasized. We believe that in each branch of law it is necessary to conduct an additional analysis of the status of subjects of legal relations, the object of legal regulation and, based on its results, to improve the rule-making and law enforcement sphere. Proposals have been made to improve the current legislation.

Keywords: social responsibility, feasible contribution, duty, obligation, rulemaking

For citation: Vasilevich G. A. Social responsibility as a factor determining the development of normative and law enforcement activities. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 2, pp. 142–154 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-142-154

Введение. Национальная правовая система Республики Беларусь развивается динамично и в целом отличается высоким качеством. Этому способствуют закрепленные в Основном Законе конституционные принципы и нормы, являющиеся фундаментом для нормотворческой деятельности, наличие большого количества специалистов, непосредственно занятых такой деятельностью, а также проводимая политика по дальнейшему становлению Беларуси как социального правового государства, для которого характерно расширение устоев народовластия.

© Василевич Г. А., 2026

В иерархии конституционной аксиологии и таксономии на одно из первых мест сейчас выходят социальная ответственность, патриотизм, уважение человека производительного труда, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Важна интеграция правовых принципов и норм с нравственностью.

Основная часть. Социальная ответственность является важным источником благополучия страны. В последние годы в доктрине определению социальной ответственности стали уделять больше внимания. В силу появления в Конституции Республики Беларусь нормы о социальной ответственности каждого (ст. 21) ранее рассматриваемая данная категория как морально-этический принцип трансформируется в конституционный (правовой) императив.

В научной литературе было высказано в целом удачное определение социальной ответственности каждого как «внутренне осознанное соответствующим субъектом поведение, отражающее желание приносить пользу обществу и государству, а также подкрепляемое силой правового или общественного воздействия использование участником общественных отношений своих способностей для удовлетворения не только личных интересов, но и для общественного блага с учетом имеющихся физических, материальных и иных ресурсов» [1, с. 228].

Для данного определения сделаем некоторые коррективы, поскольку не всегда лицо может сознавать необходимость приносить пользу обществу, стимулирование его деятельности во благо других людей может происходить в силу мер принуждения. В связи с этим, несколько изменив приведенное определение, следует отметить, что «социальная ответственность – это такое поведение субъекта общественных отношений, в результате которого он в силу своей сознательности либо под влиянием возможного применения мер правового или общественного воздействия реализует свои способности для удовлетворения не только личных интересов, но и для общественного блага с учетом имеющихся интеллектуальных, физических, материальных и иных ресурсов и, таким образом, приносит пользу обществу и государству».

Второй аспект в контексте социальной ответственности, на который следует обратить внимание, это «посильный» вклад в развитие общества и государства. Посильный вклад можно рассматривать как близкое понятие посильному труду, т. е. это работа или действие, которое соразмерно потенциалу человека (его силам, способностям и возможностям). В обычной ситуации, т. е. не обусловленной какими-то форс-мажорными факторами, внесение посильного вклада, осуществление посильной работы означает, что человек (организация) после его (ее) совершения сохраняет свои качества, работоспособность, развивается. Это может проявляться на примере различных сфер. Наиболее очевидно в трудовых отношениях следующее: определяются оптимальное время отдыха, нормы выработки, производительность труда, размер заработной платы и т. п. В области налогообложения либо штрафной административной ответственности желательно, чтобы налогообложение имело стимулирующий характер, не превышало ту грань, за которой может последовать банкротство организации, признание ее экономически несостоятельной. Также можно вести речь и об административных штрафах: они являются оптимальными, когда не имеют разорительного характера для организации или являются соразмерными доходам человека, способного исполнить административное взыскание в течение года с учетом максимального размера ежемесячного удержания из заработной платы.

Обычно социальную ответственность рассматривали как этический принцип, содержанием которого является учет интересов всего общества. Отчасти соглашаясь с таким подходом и учитывая, что в вышеназванной статье Конституции речь идет также о посильном вкладе каждого в развитие общества и государства, полагаем, что наиболее приемлемым будет баланс частных и публичных интересов.

Понятие «посильный вклад» нуждается в осмыслении и тщательном анализе. В концептуальном плане отметим, что речь, на наш взгляд, не идет о том, что гражданин, должностное лицо, организация, обладая соответствующим потенциалом и не реализуя его, могут ссылаться на то, что они не в состоянии сделать для общественного блага больше. Полагаем, что необходима проработка стимулирования активной деятельности каждого, установление эффективных критериев для оценки труда должностных лиц (пока их недостаточно и они неэффективны в той мере, в какой хотелось бы), организаций, соблюдения законодательства, обеспечения правомерного поведения. Здесь, очевидно, необходимо найти приемлемую грань между социальной от-

ветственностью каждого, включая и внесение посильного вклада в развитие общества и государств, и правом на выбор образа жизни. При этом считаем приемлемыми действия государства, когда принимаются решения об обязанности трудоспособных, но не работающих лиц уплачивать сбор или установление для них особых тарифов по уплате коммунальных услуг в силу того, что они посредством налогов не участвуют в финансировании государственных расходов.

После референдума 2022 г. указанные выше ценности получили конституционное закрепление. Модернизация конституционного текста по итогам указанного референдума придала дополнительные импульсы для обновления текущего законодательства, приведения его в соответствие с новыми конституционными положениями. Проведенная модернизация обусловливает развитие текущего законодательства, в том числе уяснение новых категорий, включенных в текст Основного Закона, а также предполагает, на наш взгляд, более пристальное внимание к содержавшимся в Конституции категориям (понятиям). Они являются вектором для осуществления нормотворческой деятельности.

В поле зрения исследователей всегда находилась проблема созидательной роли права, его эффективности. Она стала еще более актуальной после фиксации в Конституции (ст. 21) нормы о необходимости каждым субъектом проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Нередко этот аспект рассматривается в увязке права с иными социальными нормами (политическими, моральными, нравственными, психологическими, религиозными, этическими). Социальная ответственность предполагает развитую правовую и общую культуру, что характерно для гражданского общества, которое олицетворяют наиболее активные граждане, причем не обязательно состоящие в общественных организациях, но проявляющие свою гражданскую позицию, участвуя, например, в субботниках, волонтерском движении и т. п. Здесь важным фактором для ее проявления является осознание необходимости быть полезным обществу, государству.

Обновление Конституции и в целом законов и иных актов законодательства придает новый импульс развитию правовой доктрины, обсуждению новых положений нормативных правовых актов с целью их адаптации к новым конституционным правоотношениям, оптимизации правоприменительной практики, выявлению положений, требующих совершенствования. Развитие учения об эффективности правовых норм позволит дать ответ на вопросы о соотношении между целями и результатами, между буквой закона и поведением и т. п. Была бы полезной подготовка концепций развития права по отраслям, что обеспечило бы четкие ориентиры для развития всех граней национальной правовой системы.

Касаясь вопроса о конституционном принципе социальной ответственности каждого, можно сделать вывод, что благодаря ему в системе прав человека выкристаллизовывается не только индивидуальное, но и коллективное право на существование и развитие: они находятся во взаимосвязи.

Роль права в экономическом секторе предопределяется экономической средой, формируемой экономической системой (плановая или рыночная экономика, насколько элементы той или иной превалируют).

«Автономии права» не может быть, оно испытывает влияние складывающейся экономической среды, ряда социальных факторов в зависимости от менталитета граждан, поддержки гражданами проводимых политико-экономических трансформаций.

Право играет интегрирующую роль. Оно в сочетании с эффективным экономическим курсом, аргументированной и хорошо поставленной воспитательной (идеологической) работой, при поддержке авторитетных специалистов в области социальной психологии, информационно-коммуникативных отношений, должно содействовать осознанию каждым субъектом правовых отношений превращения идеи о сильной и процветающей Беларуси в реальность. Важны трудолюбие, позитивные мысли, знания, традиционные ценности – все это способствует достижению этой цели.

Особое значение для формирования конституционно-правовой идеологии имеют нормы-цели (какой результат предполагается получить), нормы-задачи («промежуточные цели»), нормы-принципы (базовые императивы). Нормы-цели могут содержаться в преамбуле акта. Вообще, можно было использовать и для законов подходы, которые применены в директивах Президента. В них вначале излагается анализ проблем и ставятся задачи. Это усиливает не только правовое, но и организующее начало, программный характер таких актов.

Доктринальные нормы-принципы содействуют формированию мировоззренческой основы субъекта правовых отношений. Системообразующие фундаментальные принципы имеют перво-

очередное значение для права. Необходимо постепенно развивать правоприменительную практику, в которой нормы-принципы являются основой для принятия решений. В настоящее время это редкое явление.

Осуществление нормотворческой деятельности является следствием реагирования на потребности общественного развития, на те вызовы, которые присущи современному этапу общественных отношений как внутри государства, так и за его пределами. В то же время государство осуществляет как внутренние, так и внешние функции, включая обеспечение государственного суверенитета, независимости, стабильного (устойчивого) развития.

Отметим особую роль Указа Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О концепции правовой политики Республики Беларусь». В нем, в частности, содержится требование о том, что толкование конституционных норм и положений законов, принятых в их развитие, должно осуществляться на основе модели конституционной идентичности, основывающейся на социально-культурных ценностях белорусского общества. Идеологическими императивами правовой политики, согласно Концепции, на современном этапе являются государственный суверенитет и территориальная целостность; национальная безопасность; обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации; социальная справедливость, баланс прав и обязанностей человека и гражданина, социальная ответственность каждого; свобода и равенство; патриотизм; народовластие; благосостояние; устойчивое развитие.

Возведение социальной ответственности каждого в ранг конституционной нормы-принципа, которое в советский период имело не столько юридическое, сколько идеологическое подкрепление, когда для его реализации использовались морально-нравственные стимулы, предполагает активизацию нормотворческой деятельности по его воплощению.

Это обстоятельство обусловливает, на наш взгляд, наполнение новым содержанием правовых отношений, их структуры, прежде всего расширения обязанностей субъектов правовых отношений, дальнейшей оптимизации баланса частного и публичного.

Элементами структуры социальной ответственности являются субъект указанной ответственности (индивид или группа людей), объект социальной ответственности (круг общественных отношений, по поводу развития которых субъект несёт социальную ответственность) и социальная общность, выступающая в роли инстанции, которая дает оценку деятельности субъекта, стимулирует и контролирует его [2].

В научной литературе подчеркивается, что основные обязанности нуждаются в конкретизации посредством издания законов. Так, Л. Д. Воеводин, обращая внимание на специфику принципа прямого действия конституционных норм, указывает на затруднительность или даже невозможность его применения, когда речь идет о конституционных обязанностях, хотя они и имеют установленные Конституцией цели [3, с. 140–141]. При этом нормами права в силу категоричности следовать предписанному поведению устанавливаются точные границы должного поведения [4, с. 126].

Полагаем, что в каждой отрасли права следует провести дополнительный анализ статуса субъектов правовых отношений и, исходя из его итогов, совершенствовать нормотворческую и правоприменительную сферу. Обратимся к некоторым отраслям права.

Конституционное право. К субъектам конституционно-правовых отношений традиционно относят такие социальные общности, как народ, нации, народности; государство, органы государственной власти; органы местного управления и самоуправления; граждан; политические партии и иные общественные объединения; трудовые коллективы и другие коллективы граждан; избирательные комиссии и комиссии по проведению референдумов; депутатов, их доверенных лиц; избирателей, средства массовой информации и др.

Народ является единственным субъектом, который не несет юридической ответственности напрямую, но его ответственность состоит в понимании необходимости сохранять единство, защищать государственный суверенитет, быть ответственным за настоящее и будущее. В этом плане можно упомянуть выступление Главы государства на втором заседании Всебелорусского народного собрания, где он обратил внимание на важность эффективной работы каждого и всех граждан (народа) Беларуси.

Что касается органов государственной власти, то их социальная ответственность заключается в управлении на основе права, выполнении намеченных программ, стремлении находить разум-

ные решения. Проблемам деятельности органов государственной власти в доктрине и на практике уделяется много внимания. На этот счет высказано большое количество рекомендаций.

М. А. Медведев отмечает, что идею единства власти можно рассматривать в трех аспектах: «социальное единство власти, что должно проистекать из единства природы господствующих в обществе социальных групп; единство принципиальных целей и направлений деятельности всех государственных органов, что обусловлено необходимостью согласованного управления обществом как условия предотвращения анархии и распада; организационно-правовое единство, когда отвергается разделение властей и органами государственной власти признается только определенный вид органов» [5, с. 15].

Касаясь организации работы органов представительной власти в сфере нормотворчества и правоприменения, отметим необходимость повышения роли парламентариев и иных членов выборных органов.

Белорусское законодательство нацелено на эффективную работу парламентариев, депутатского корпуса в целом. Было бы полезным усилить взаимодействие постоянных комиссий палат Парламента и Конституционного Суда в сфере реализации его актов, в том числе посланий о состоянии конституционной законности. В организационном плане считаем полезным участие судей Конституционного Суда в обсуждении на заседаниях постоянных комиссий направлений реализации посланий Конституционного Суда.

Важным источником нормотворческих идей и совершенствования правоприменения являются правовые позиции Конституционного Суда. В юридической доктрине недавно введен в научный оборот такой концепт, как «правовая позиция», или «позиция» Конституционного Суда. В Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон) также используется понятие «позиция Конституционного Суда». К сожалению, в нем не дано определение данного понятия.

Судебный тип правоприменения имеет отличия от управленческого (административного). Особенностью конституционного правосудия является фундаментальный характер для правовой системы его актов. Заключения и решения Конституционного Суда, как зафиксировано в Конституции и Законе, являются окончательными, не подлежащими обжалованию и опротестованию. Они возвышаются по юридической силе над всеми подконституционными актами.

Это налагает особую ответственность на Конституционный Суд за качество принимаемых им решений (заключений). На начальном этапе работы Конституционного Суда Республики Беларусь из уст его представителей звучали утверждения, что акты Конституционного Суда «мудрые потому, что окончательные». Такая убежденность в отсутствии рамок привела к принятию, на наш взгляд, ряда ошибочных актов, слабо аргументированных в юридическом плане «правовых позиций», изложенных в заключениях, стимулированию конфликта между ветвями власти в период 1994–1996 гг.

В качестве источников права в доктрине рассматривают нормативные правовые акты, которые по своей численности доминируют среди источников права, международные договоры (они обладают юридическим верховенством по отношению к законам и иным нормативным правовым актам), правовые обычаи, общепризнанные принципы международного права и др. Дискуссия в литературе продолжается относительно судебных прецедентов как источников правового регулирования. В широком понимании источников права к ним относят доктрину, религиозные тексты. Однако в данной статье прежде всего внимание автора посвящено определению тех источников, которые являются обязательными для исполнения.

Все источники права можно классифицировать по степени их обязательности для исполнения. Например, доктринальные исследования можно рассматривать как источники права в широком смысле слова: они могут оказывать влияние на нормотворческую и правоприменительную деятельность, но позиции ученых не являются обязательными для реализации. Есть примеры, когда высказанные в научной литературе идеи реализуются в законодательстве через десятки лет.

Полагаем, что в качестве источника права как руководства к реализации выступает резолютивная часть заключения, решения: именно в ней содержится правовая позиция, которая обязательна для исполнения. Мотивировочную часть следует, на наш взгляд, рассматривать как источник «мягкого» права, содержащиеся в этой части акта Конституционного Суда «правовые позиции» играют вспомогательную роль в правильном восприятии резолютивной части.

Целесообразно опубликование в виде отдельного издания высказанных Конституционным Судом правовых позиций за период его деятельности.

Полагаем, что у лиц, избранных в коллегиальные представительные органы (Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС), Парламент, местные Советы депутатов), есть значительные возможности для укрепления законности, в том числе конституционной законности. К сожалению, пока в полном объеме статус делегатов ВНС не получил своего развития в принятом Законе «О Всебелорусском народном собрании», хотя, на наш взгляд, основные вопросы решены в действующей редакции. Однако на перспективу этого недостаточно.

В действующей редакции Закона «О Всебелорусском народном собрании» предусмотрено, что делегат ВНС имеет право, в частности, получать от государственных органов, иных организаций и должностных лиц информацию и (или) разъяснения по вопросам, отнесенным к компетенции ВНС, а также связанным с деятельностью делегата ВНС; изучать общественное мнение, проводить встречи с населением и трудовыми коллективами, иным способом доводить до общественности информацию о деятельности ВНС и его органов, а также о решениях ВНС; вносить в порядке, установленном Регламентом ВНС, предложения для рассмотрения на заседаниях ВНС и его органов (ст. 38). Можно было бы при дальнейшем совершенствовании указанного закона предусмотреть право делегатов ВНС на запросы в адрес должностных лиц по аналогии с правом, предусмотренным для парламентариев, право на внесение представлений. Желательно установить в таком случае особенности направления запросов делегатами, которые по должности вошли в состав ВНС от органов исполнительной и судебной власти, т. е. представляется необходимым приблизить права и обязанности делегатов ВНС от местных Советов депутатов и гражданского общества к правам и обязанностям парламентариев.

В случае предоставления делегатам права на запросы и внесение представлений и исходя из многочисленности делегатов ВНС можно было бы предусмотреть их внесение и последующее рассмотрение в соответствующих комиссиях ВНС либо на заседании Президиума ВНС.

Существуют особенности в виде такого дополнительного основания для прекращения полномочий, как освобождение от должности решением органа, их назначившего. Допускается досрочное прекращение полномочий выборного лица в результате его отзыва решением избирателей.

Выборные лица могут находиться в этом статусе длительный период, например, в течение срока полномочий избранного представительного органа или на период решения стоящей задачи, например, представители трудового коллектива на время заключения коллективного договора, члены избирательных комиссий, счетные комиссии и др.

Реализация социальной ответственности предполагает возможность воздействия со стороны институтов гражданского общества, например, органов общественного самоуправления в отношении тех, кто не осознает ее. Социальная ответственность и долг в ряде случаев могут быть побудительными мотивами для выполнения юридических обязанностей.

Что касается социальной ответственности политических партий, то она, по нашему мнению, заключается в обязанности действовать в соответствии с Конституцией и законами, предлагать общественности конструктивные идеи, нести ответственность за допущенные ошибки, в том числе и при реализации идей, закрепленных в актах законодательства, в случае их негативного влияния на общественные отношения. Участие политических партий в выборных кампаниях должно быть конструктивным, исключать дезорганизацию общественной жизни. Обязанностью партий является участие в избирательных кампаниях. На наш взгляд, неучастие в выборных кампаниях в течение двух циклов может явиться основанием для ликвидации партии или приостановления ее деятельности. Что касается общественных объединений, то с точки зрения социальной ответственности их уставная деятельность также может быть пересмотрена. Не касаясь в данном случае профессиональных союзов (об этом будет сказано ниже), общественные объединения должны «выйти» за рамки традиционно понимаемых сфер своих забот. Для их деятельности прежде всего характерно преследование своих «узко общественных», можно сказать, «ведомственных» интересов». Например, объединения предпринимателей слабо занимаются или вообще не занимаются устранением причин совершения коррупционных правонарушений своими членами. Министерство юстиции и Министерство антимонопольного регулирования и торговли могли бы активнее реагировать на факты злоупотреблений и стимулировать общественные объединения предпринимателей (их союзы) на противодействие коррупционным проявлениям, выявление системных ошибок в данной сфере. Новый взгляд на сферу социальной ответственности может быть предложен и в отношении других республиканских и местных общественных объединений.

Предложенные меры следует закрепить в законах о политических партиях и общественных объединениях.

Особую роль играют трудовые коллективы как участники конституционно-правовых отношений, когда речь идет о реализации ими права выдвигать кандидатов в депутаты. Во-первых, при этом изначально должна быть основательная предварительная проработка кандидатур, знакомство трудового коллектива с кандидатом не в день выдвижения, а более детальное и предварительное. Во-вторых, трудовой коллектив берет на себя ответственность перед избирателями за то, что им предложен достойный кандидат. В-третьих, победивший кандидат обязан постоянно проводить встречи с выдвинувшим его трудовым коллективом и отчитываться перед ним о выполнении своей предвыборной программы. Также считаем важным повысить ответственность субъектов избирательного процесса (трудовые коллективы, политические партии, граждане), которые выдвигали лицо на выборную должность. Перед этими субъектами должны быть обязательны регулярные отчеты, например, не реже одного раза в полугодие, наряду с отчетами иных в трудовых коллективах и по месту жительства избирателей в рамках избирательного округа.

Изложенные подходы целесообразно предусмотреть в Избирательном кодексе.

В Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» для усиления социальной ответственности депутатов местных Советов депутатов следует предусмотреть формирование консолидированной программы местного Совета на основе аккумулирования предвыборных программ победивших депутатов в той части, где имеются совпадения, общие цели и намеченные мероприятия. По итогам работы местного Совета депутатов должен быть сделан официальный отчет выполнения общей программы Совета депутатов и программ отдельных депутатов. Они должны быть опубликованы в местной печати, размещены на сайтах местных Советов и депутатов.

Социальная ответственность избирателей видится в их активности, включая встречи с кандидатами, участие в выборах.

Для административно-правовых отношений также характерен широкий круг субъектов, чей статус в контексте конституционного принципа социальной ответственности может быть подвергнут анализу. Для субъектов административно-правовых отношений характерны вертикальная и горизонтальная субординации. При вертикальной субординации один субъект (вышестоящий) подчинен другому (нижестоящему). В рамках исполнительной власти повышению социальной ответственности могло бы способствовать более широкое делегирование полномочий на нижестоящий уровень. В конечном итоге вышестоящий орган всегда может «поправить» орган нижестоящий, если он выходит за рамки своих полномочий. Сам же сможет сосредоточиться на решении задач более общего характера. В рамках горизонтальных отношений, когда идет речь о координации деятельности органов одного уровня, важно такое разграничение между ними полномочий, которое исключает дублирование.

Касаясь вопроса о социальной ответственности участников трудовых правоотношений, нельзя ограничиваться только сторонами трудового договора – работником и нанимателем. К ним также относятся органы, осуществляющие контроль за соблюдением трудового законодательства; профсоюзные организации; комиссии по трудовым спорам; структуры, действующие в рамках социального партнерства в трудовой сфере. Статус указанных субъектов определен в Трудовом кодексе, а также в ряде иных актов законодательства.

Ценность такой отрасли права, как трудовое право заключается в том, что его нормы организуют весь трудовой процесс. Известно распространенное выражение: труд – источник богатства. Благодаря трудовой деятельности обеспечивается экономическое благополучие государства, организации, благосостояние самого работника. Трудовая деятельность обеспечивает не только стабильное развитие общества в целом, но и жизнедеятельность отдельной личности, включая получение заработка, благодаря которому гарантируется качество жизни как самого работника, так и членов его семьи. Белорусские ученые-правоведы в своих работах нацелены на обеспечение эффективности экономической деятельности, увязывая это с трудовой деятельностью работников. В конечном итоге мы имеем дело с поиском такой модели управления трудом, которая является наиболее эффективной и соответствует интересам работника и работодателя.

В социальном государстве, к тому же «усиленном» требованием о социальной ответственности каждого, основным источником к существованию является труд, причем не обязательно в ка-

честве наемного работника. Это может быть и предпринимательская деятельность, работа в подсобном хозяйстве и т. п. В ст. 41 Конституции Республики Беларусь труд провозглашен в качестве наиболее достойного способа самоутверждения человека. В условиях наполнения конституционного текста указанием на социальную ответственность можно предположить проявление активности и инициативы каждым субъектом, реализацию каждым права на достойный труд.

Одним из проявлений социальной ответственности, о которой идет речь в Конституции Республики Беларусь, является достойный и эффективный труд, концепция которого сформулирована Международной организацией труда (МОТ). В МОТ в качестве признаков достойного труда называют «продуктивную деятельность или производительный труд, способный обеспечить конкурентоспособность страны; достойный и справедливый доход для работников; безопасность на рабочем месте; социальную защиту (от безработицы, в случае беременности, необходимости ухода за ребенком, временной нетрудоспособности, пенсионное обеспечение); перспективы для индивидуального развития и социальной интеграции; активное участие в принятии управленческих решений (через профсоюзы и ассоциации предпринимателей); равные стартовые позиции и возможности для обоих полов.

Одним из механизмов социального партнерства является трипартизм. Развитие трипартизма обусловлено рядом факторов, в том числе не только признанием государством в качестве фактора устойчивого развития социального партнерства, но и фиксацией в Конституции важности реализации этой политики при регулировании трудовых отношений и разрешении конфликтов.

Трипартизм – это один из видов социального партнерства, которое можно рассматривать как систему институтов, механизмов и процедур, направленных на обеспечение баланса интересов работодателей, работников, государства как субъектов переговорного процесса по таким важным вопросам, как оплата и условия труда, достижение оптимального для них компромисса во имя реализации корпоративных и общегосударственных целей [6, с. 52].

Идея трипартизма более продуктивна, чем бипартизм, поскольку участие государства в социальном партнерстве нивелирует соперничество между субъектами, превращая его в социальный диалог, обеспечивает максимальную общественную полезность. Именно социальный диалог, предполагающий постоянные консультации при активном участии в нем государства, работодателей и профсоюзов, позволил в последние десятилетия решить множество острых социальных проблем, к которым индифферентно относились ранее организации МОТ, не замечая безработицу, задержки с выплатой заработной платы, пенсий и др.

Усилить легальную основу и значение трипартизма (бипартизма) могло бы придание особого статуса совместно принятым актам органами государственного управления и профсоюзными органами: они должны обладать приоритетом по отношению к одноуровневым актам, принятым Правительством самостоятельно или министерствами. Такие акты – это своего рода внутригосударственные договоры. Принятие нормативного акта органом исполнительной власти в одностороннем порядке по вопросам, которые вошли в согласованный акт, допустимо, если предварительно в него внесены изменения.

Нормотворческая и правоприменительная деятельность, безусловно, должна осуществляться с учетом национальных интересов. В преамбуле Конституции появилась такая категория, как национальная самобытность. Национальная самобытность означает, что соответствующая социальная общность отличается традициями, обычаями, языком, народным творчеством, культурой, психологий и др.

Как отмечается, для сохранения самобытности присущи три фактора – исторический, языковой и психологический. Первый фактор отражает историческое самосознание, происхождение народа, что может быть выражено в письменных текстах и устных преданиях. Относительно языкового фактора следует отметить, что это не означает, на наш взгляд, обладание одним языком, например, белорусским. Самобытность народа Республики Беларусь может проявляться и в многоязычии. На территории Беларуси всегда проживали представители многих национальностей. Это обусловливало наличие в конституциях указания на использование на государственном уровне нескольких языков. В свое время в Конституции Беларуси 1927 г. в качестве официальных были предусмотрены белорусский, русский, польский и еврейский языки. В настоящее время в качестве государственных предусмотрены белорусский и русский языки. Такое решение, приня-

тое народным голосованием, отражает нашу историю, самобытность культуры и, что самое главное, способствует консолидации общества, исключает водораздел по языковому принципу. Для психологического фактора характерно наличие соответствующих религиозных устоев, национальных обрядов. В силу полиэтничного характера белорусского государства не исключается взаимообогащение культурами проживающих народов.

Преамбула Конституции имеет основополагающее значение. Ее иногда ошибочно рассматривают как декларативную часть, не имеющую нормативного правового характера. Однако это не так, поскольку все конституционные положения имеют обязательный характер [7, с. 30] и реализуются посредством либо прямого их действия (исключений каких-либо в ст. 7 Конституции нет), либо когда Конституция предусматривает их дальнейшее развитие, посредством законов и иных актов законодательства.

При обсуждении в 2022 г. проекта изменений и дополнений Конституции возникали споры относительно сохранения в преамбуле Конституции указания на приверженность Беларуси общечеловеческим ценностям. Сомнения возникали в связи с искаженным восприятием в западной идеологии «общечеловеческих ценностей», когда рушатся устоявшиеся семейные, духовные ценности. Автор данной статьи отстаивал сохранение положения о нашей приверженности общечеловеческим ценностям, имея в виду традиционное их понимание. Наше государство, как и ряд иных государств (Российская Федерация, другие государства СНГ) остаются приверженцами таких ценностей, отстаивают их, являются их хранителями.

Одним из дискуссионных является вопрос об идеологии государства (государственной идеологии). Он находился в поле пристального внимания не только ученых-правоведов, но и политологов, философов, социологов. Причем речь шла либо о востребованности наличия идеологии государства, выделении интегрирующих идеологическую составляющую принципов, либо о необходимости выработки национальной идеи, либо о совокупности ценностных ориентаций, общих для народа [8, с. 39; 9, с. 34–59; 10, с. 87–91]. Основной спор сводился к центральному аспекту: о направлениях, содержании и пределах правового воздействия со стороны государства на формирование нравственной сферы жизнедеятельности общества [11, с. 45].

Ранее ученые много спорили относительно понятий: идеология белорусского государства или государственная идеология? Что касается последней категории, то звучали утверждения, что государственная идеология по своему смыслу исключает наличие многообразия суждений, мнений, взглядов. На наш взгляд, оба указанных понятия можно рассматривать как тождественные, однако в связи с новой редакцией ст. 4 следует придерживаться содержащегося в ней понятия – идеология белорусского государства.

Некоторые ученые утверждают о наличии у государства самостоятельной идеологической функции. В этом нет ничего удивительного. Такая функция присуща государству уже хотя бы потому, что конституции любого государства присущ ряд функций, среди которых называется идеологическая функция как совокупность взглядов, представлений о развитии государства и общества, взаимоотношениях человека и государства. Идеологическую функцию государства следует рассматривать в тесной связи с функцией юридической, на что обращал внимание автор данной статьи [12, с. 66; 13, с. 38–39]. Аргументы в пользу наличия у государства идеологической функции, по мнению Л. А. Морозовой, заключаются в следующем: 1) необходима легитимация институтов государственной власти; 2) существует потребность в ясных ориентирах, системе ценностей; 3) важна консолидация общества; 4) создание условий для определения перспектив социального развития; 5) стремление к развитию реальной демократии и др. [14, с. 34].

Анализируя текст Конституции Российской Федерации, российские авторы выделяют три основы конституционной идеологии: а) следование духовно-нравственным традициям; б) народовластие и республиканскую форму правления; в) национальную безопасность [15, с. 9].

В таких условиях важно укреплять конституционно-правовую идеологию, т. е. развитие всей системы правовых отношений на основе конституционных принципов и норм, в том числе, на наш взгляд, с учетом тех конституционных положений, которые ранее традиционно рассматривались как нормы морально-этического характера. Обычно к ним относили те из них, для которых было характерно формулирование не с позиции «обязанности», а в качестве «долга». Однако любое конституционное положение является юридическим императивом, которому обязан следовать

нормотворческий орган, создавая проекты актов законодательства, или субъектом правоприменения, в том числе организация или гражданин. Безусловно, сплошная юридизация общественных отношений невозможна, нельзя умалять значение иных социальных норм (морали, нравственности, этики, политической культуры и др.). Здесь важны разумность и баланс.

Конституционалисты акцентировали внимание на долге, солидарности поколений, взаимопомощи. В 2000 г. автором в качестве признаков социального государства указывалось на ответственность каждого за развитие общества и несение индивидом обязанностей перед ним [16, с. 3].

Приверженность духовно-нравственным ценностям в современных условиях приобретает одно из первостепенных значений для сохранения идентичности народа. Фундаментальное значение, наряду с Конституцией, имеет Директива Главы государства от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства».

Каждое из включенных в Конституцию понятий имеет свой смысл, предназначение и содержание. Они после закрепления в конституционном тексте приобретают характер конституционного императива, имеют уже юридический статус, который получает свое развитие в актах текущего законодательства, в правоприменительной практике, в том числе посредством их уяснения и толкования. Например, было бы полезно разработать проект закона Республики Беларусь о дополнительных мерах по социальной защите лиц пожилого возраста. Речь в нем могла бы идти преимущественно о вопросах организационного и гуманитарного характера (досуг, культурная сфера, здравоохранение и т. п.), ответственности органов местного управления и самоуправления по работе с этой категорией наших граждан.

В Конституции используются такие понятия, как обязанность, долг. Конституция – юридический документ. Использование в ней названных и иных понятий означает возможность, при соблюдении правовых принципов, наполнять право новым содержанием и новым вектором правовой регламентации с учетом необходимости реализации норм «долженствования». По мнению Д. М. Евстифеева, конституционный долг личности не является автономной, изолированной категорией, он определяется конституционным статусом индивида, особенностями его отношений с государством [17, с. 34].

Изучение Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» показывает, что по ряду направлений в нем учтены некоторые недостатки аналогичного Закона от 10 января 2000 г. Вместе с тем имеется ряд пожеланий, вытекающих из потребностей практики. В действующем законе следовало бы дать определение государственных программ подготовки проектов и соответствующих планов. В качестве возможного рабочего варианта определения программы можно предложить следующее: «программа подготовки проектов нормативных правовых актов – это утвержденный Президентом Республики Беларусь либо по его поручению Советом Министров Республики Беларусь юридический документ, в котором определяются перечень проектов нормативных правовых актов, сроки и ответственные за их подготовку, ожидаемые результаты от реализации указанных актов». В этом ее отличие от плана, в котором не фиксируются ожидаемые результаты. Следовало бы подумать и об определении концепции развития законодательства. Например, «концепция развития законодательства – это утвержденный Президентом Республики Беларусь юридический документ, в котором анализируется состояние законодательства, определены направления и сроки его дальнейшего совершенствования на перспективу, ожидаемые результаты от такой деятельности» [18, с. 23–29].

В части первой ст. 6 закона необходимо выделить в качестве самостоятельного (в силу его важности) принцип прогноза правовых, общественно-политических, финансово-экономических, демографических и иных последствий принятия (издания) нормативных правовых актов. В этой связи его целесообразно было назвать в пункте первом ст. 6 после принципа «социально-экономической обусловленности». При характеристике содержания данного принципа в последних частях указанной статьи изъять его из абзаца четвертого пункта седьмого, где идет речь о принципе научности, поместив его после части восьмой ст. 6.

В п. 5 ст. 23 вместо «Кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам» правильнее было бы указать, что «Кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законодательным актам». В п. 6 этой же статьи слова «к постановлениям Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь» исключить, поскольку под этими постановлениями можно понимать регламенты палат, а также постановления, на-

пример, об утверждении указов о введении военного или чрезвычайного положения либо предусмотреть «если иное не предусмотрено Конституцией». П. 13 ст. 23 можно дополнить предложением следующего содержания: «Специальный нормативный правовой акт обладает большей юридической силой, чем нормативный правовой акт общего характера».

Ст. 35, в которой указано, что изменение законодательного акта допускается, как правило, не чаще одного раза в два года, а изменение иного нормативного правового акта – не чаще одного раза в год, за исключением случаев, когда внесение изменений необходимо для оперативного регулирования наиболее важных вопросов, а также на основании требований нормативных правовых актов большей юридической силы, следует исключить как требование, ограничивающее право нормотворческой инициативы. Либо необходимо сбалансировать сроки изменения законодательных и иных актов. Закон предусматривает принцип прогноза последствий принятия актов. Поэтому следует ориентироваться не на формальный срок (в данном случае почему-то установлено два года), а на потребности общественного развития и качественную работу по подготовке нормативных актов. Более того, все подзаконные акты должны основываться на законодательных актах. При этом законодательные акты, как правило, могут быть изменены не чаще одного раза в два года, а иные нормативные акты могут меняться чаще, что вызывает сомнения, так как подзаконные акты должны быть основаны на законодательных актах, которые, «как правило, могут быть изменены не чаще одного раза в два года».

На сегодняшний день необходимы новые шаги по совершенствованию нормотворческого процесса. Абсолютно правильным является закрепление в Законе «О нормативных правовых актах» (ст. 45) давно назревшей необходимости прогнозирования последствий принятия и регулирующего воздействия акта. За материальными последствиями, которые могут наступить в связи с принятием акта, следует видеть иные составляющие этого процесса, в том числе то, как новые правила повлияют на деловую активность граждан, предпринимателей, их настроение, физический и психологический настрой, ощущение ими справедливости и разумности принятого решения.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25.01.2019 г. № 54 (в ред. от 27.06.2025 г.) «О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов» утверждена Инструкция по прогнозированию последствий принятия (издания) нормативных правовых актов.

Одним из важнейших научных направлений должно стать развитие теории экономического анализа права. Важность этого направления предопределяется теми позитивными результатами теоретического и прикладного характера, которые можно получить, обеспечив симбиоз юридической мысли и экономической науки. Конкретные шаги можно делать, начиная с отдельных актов и отраслей права. К выполнению этой задачи должны подключиться специалисты в области информационных технологий, социологи, специалисты в области психологии, включая социальную психологию. Должен быть выработан алгоритм проведения такого анализа, методика моделирования последствий принятия и действия актов, какое влияние он окажет на политическую, экономическую, социальную и духовную сферу общества.

Анализ юридической литературы показывает, что исследование принципа экономии преимущественно проводится в рамках науки процессуального права: чаще речь идет о принципе процессуальной экономии при рассмотрении уголовных [19] и гражданских дел [20]. Это же касается и юридической ответственности. Здесь также применим принцип экономии уголовно-правовой репрессии. Справедливо полагают, что принцип экономии репрессии предполагает соблюдение меры и в правотворчестве, и в правоприменении [21]. В науке гражданского права обращается внимание на то, что принципу экономичности подчинена реализация гражданских прав и обязанностей [22].

Экономичность правового регулирования проявляется в установлении лишь неких границы, в рамках которых можно действовать, но которые недопустимо нарушать.

В законе «О нормативных правовых актах» названы принимаемые различными органами акты. На практике часто принимаются программы, концепции, стратегии и т. п. Причем некоторые из этих актов, например, программы, могут принимать Правительство, местные органы. Определение этих актов в названном законе не дается. Нередко можно встретить высказывание о том, что это акты так называемого мягкого права. С этим отчасти можно согласиться. Однако нарушение требований (положений) указанных документов (концепций, программ и т. п.), отступ-

ление от содержащихся в них ориентиров (показателей) может быть юридической основой для привлечения к ответственности виновных лиц.

В ст. 21 закона от 17.07.2018 г. указаны основные виды утверждаемых нормативных правовых актов (инструкции, положения, правила, регламенты, типовые нормативные правовые акты). Согласно части третьей ст. 21, утвержденные нормативные правовые акты являются неотъемлемой частью нормативных правовых актов, которыми они утверждены. По этой причине, полагаем, что утвержденные указами Главы государства, постановлениями Правительства концепции программы, стратегии и иные подобные акты обязательны для исполнения, как и любые указы, постановления Правительства.

Заключение. Таким образом, необходимы проработка стимулирования активной деятельности каждого, установление эффективных критериев для оценки труда должностных лиц (пока их недостаточно и они неэффективны в той мере, в какой хотелось бы), организаций, соблюдения законодательства, обеспечения правомерного поведения. Следует найти приемлемую грань между социальной ответственностью каждого, включая внесение посильного вклада в развитие общества и государств, и правом на выбор образа жизни.

Реализация высказанных идей и внесенных предложений будет способствовать повышению социальной ответственности каждого субъекта правовых отношений.

Целесообразны разработка и утверждение Концепции реализации конституционного принципа социальной ответственности каждого, внесение посильного вклада в развитие общества и государства.

Список использованных источников

1. Василевич, С. Г. Правоотношение в условиях функционирования принципов солидарности и социальной ответственности / С. Г. Василевич // Государство и право. – 2024. – № 10. – С. 224–229. https://doi.org/10.31857/S1026945224100203

2. Баранова, Ю. А. Социальная ответственность бизнеса: теоретический аспект / Ю. А. Баранова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4 (48). – С. 225–228.

3. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 299 с.

4. Алексеев, С. С. Общая теория права: курс в 2 т. / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981–1982. – Т. 2. – 1982. – 360 с.

5. Медведев, М. А. Единство и разделение власти в механизме обеспечения ее легитимности / М. А. Медведев // Закон и право. – 2004. – № 11. – С. 14–16.

6. Комаровский, В. Объединения работодателей в системе социального партнерства: опыт развитых стран и России / В. Комаровский, Е. Садовская // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 5. – С. 52–61. https://doi.org/10.20542/0131-2227-1997-5-52-61

7. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / С. Г. Василевич. – Мн.: Право и экономика, 2000. – 485 с.

8. Багдасарян, В. Э. Государственная идеология как фактор национального суверенитета / В. Э. Багдасарян // Государственная идеология и современная Россия: материалы Всерос. науч.-обществ. конф. (Москва, 28 марта 2014 г.) / Центр науч. полит. мысли и идеологии, Ин-т законодательства и норматив.-правовых разработок – М., 2014. – С. 27–47.

9. Красин, Ю. А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма / Ю. А. Красин // Вестник Института социологии. – 2015. – № 1 (12). – С. 34–59.

10. Лотарев, К. А. Консерватизм как консолидирующая идеология: возможности и перспективы в современной России / К. А. Лотарев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (62), ч. 3. – С. 87–91.

11. Хорунжий, С. Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей / С. Н. Хорунжий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 2 (29). – С. 45–64.

12. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. – Мн.: Кн. Дом, 2010. – 767 с.

13. Василевич, Г. А. Конституционное право: учебник / Г. А. Василевич. – Мн.: Выш. шк., 2023. – 422 с.

14. Морозова, Л. А. К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии / Л. А. Морозова // Государство и право. – 2015. – № 12. – С. 23–29.

15. Арапов, А. В. Конституционная идеология и ее философские обоснования / А. В. Арапов // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2016. – № 4 (20). – С. 9–15.

16. Василевич, Г. А. Социальное государство и права граждан / С. Г. Василевич // Правовое обеспечение экономических реформ в славянских государствах: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 окт. 2000 г. / Бел. гос. экон. ун-т. – Мн., 2000. – С. 3–4.

17. Евстифеев, Д. М. Конституционный долг личности в законодательстве и судебной практике / Д. М. Евстифеев // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 7. – С. 30–34.

18. Василевич, Г. А. К вопросу о совершенствовании проекта Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / С. Г. Василевич // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В. С. Елисеев (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 23–29.

19. Непомнящая, Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Непомнящая Татьяна Викторовна; Рос. гос. торгово-экон. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 50 с.

20. Сорокина, В. В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сорокина Виктория Владимировна; Сарат. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2009. – 22 с.

21. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – Т. 1: Преступление и наказание. – 1131 с.

22. Ягофарова, И. Д. Право как мера ограничения свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ягофарова Инара Дамировна; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.

References

1. Vasilevich S. G. Legal relation in conditions of functioning of the principles of solidarity and social responsibility. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 10, pp. 224–229 (in Russian). https://doi.org/10.31857/S1026945224100203

2. Baranova Yu. A. Social responsibility of business: theoretical aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2012, no. 4 (48), pp. 225–228 (in Russian).

3. Voevodin L. D. *Legal status of an individual in Russia*. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1997. 299 p. (in Russian).

4. Alekseev S. S. *General theory of law: in 2 volumes. Vol. 2*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 360 p. (in Russian).

5. Medvedev M. A. Unity and separation of powers in the mechanism of ensuring its legitimacy. *Zakon i parvo = Law and Right,* 2004, no. 11, pp. 14–16 (in Russian).

6. Komarovskiy V., Sadovskaya E. Employer associations in the system of social partnership: experience of developed countries and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations,* 1997, no. 5, pp. 52–61 (in Russian). https://doi.org/10.20542/0131-2227-1997-5-52-61

7. Vasilevich G. A. *Constitution of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2000. 485 p. (in Russian).

8. Bagdasaryan V. E. State ideology as a factor of national sovereignty. *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya: materialy Vserossiiskoi nauchno-obshchestvennoi konferentsii (Moskva, 28 marta 2014 g.)* [State ideology and modern Russia: processing of the All-Russian scientific and general conference (Moscow, March 28, 2014)]. Moscow, 2014, pp. 27–47 (in Russian).

9. Krasin Yu. A. Ideological pluralism and meta-ideology of the new humanism. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2015, no. 1 (12), pp. 34–59 (in Russian).

10. Lotarev K. A. Conservatism as consolidating ideology: opportunities and perspectives in contemporary Russia. *Istoricheskie, philosophskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice,* 2015, no. 12 (62), pt. 3, pp. 87–91 (in Russian).

11. Khorunzhiy S. N. Constitutional ideology and balance of the protected legal values. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2017, no. 2 (29), pp. 45–64 (in Russian).

12. Vasilevich G. A. *Constitutional law of the Republic of Belarus*. Minsk, Knizhnyi Dom Publ., 2010. 767 p. (in Russian).

13. Vasilevich G. A. *Constitutional law*. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 2023. 422 p. (in Russian).

14. Morozova L. A. To the question about the ideological function of the state and national ideology. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2015, no. 12, pp. 23–29 (in Russian).

15. Arapov A. V. Constitutional ideology and its philosophical foundations. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo = Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University,* 2016, no. 4 (20), pp. 6–12 (in Russian).

16. Vasilevich G. A. Social state and the rights of citizens. *Pravovoe obespechenie ekonomicheskikh reform v slavyanskikh gosudarstvakh: tezisy dokladov Mezhdunarornoi nauchnoi-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 5 oktyabrya 2000 g.* [Legal support for economic reforms in Slavic states: abstract of the report International scientific and practical conference, Minsk, October 5, 2000]. Minsk, 2000, pp. 3–4 (in Russian).

17. Evstifeev D. M. The constitutional duty of an individual in the legislation and judicial practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law,* 2018, no. 7, pp. 30–34 (in Russian).

18. Vasilevich G. A. On the issue of improving the draft Law "On Normative Legal Acts of the Republic of Belarus". *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of comparative law: theory and practice: collection of scientific articles]. Vitebsk, 2017, pp. 23–29 (in Russian).

19. Nepomnyashchaya T. V. *Measure of criminal punishment: problems of theory and practice*. Abstract of Ph. D. diss. Ekaterinburg, 2010. 50 p. (in Russian).

20. Sorokina V. V. *Procedural form of legal activity in modern Russia: theoretical and practical issues*. Abstract of Ph. D. diss. Saratov, 2009. 22 p. (in Russian).

21. *Complete course of criminal law: in 5 volumes. Vol. 1. Crime and punishment*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2008. 1131 p. (in Russian).

22. Yagofarova I. D. *Law as a measure of restriction of freedom*. Abstract of Ph. D. diss. Ekaterinburg, 2004. 28 p. (in Russian).

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gregory5581@yandex.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: gregory5581@yandex.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 342.5
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-155-162

Поступила в редакцию 18.02.2026
Received 18.02.2026

И. В. Шахновская

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь

НОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ О МНОГОЗНАЧНОСТИ ПОНЯТИЙ

Аннотация. Проводится сравнительный анализ основных характеристик государства на современном этапе его развития: электронное государство, информационное государство, цифровое государство. Делается вывод в части признания цифрового государства как самостоятельного публичного института конституционного права в его цифровом измерении, а также о необходимости его закрепления в качестве характеристики государства в тексте Конституции Республики Беларусь.

Обосновывается, что основными предпосылками для возникновения новых характеристик государства в условиях цифровизации стали признание информации в качестве стратегического ресурса государства, формирование концепций информационного и цифрового суверенитета, обоснование информационной функции государства.

Рассматривается методология, с помощью которой цифровое государство следует считать самодостаточной характеристикой государства современного этапа развития, полный переход к которому будет осуществлен с момента завершения процесса построения информационного общества. Анализируя акты программного законодательства в Республике Беларусь, автор определяет модель построения цифрового государства, в основе которой – процесс создания государственных цифровых платформ для принятия цифровых решений по ключевым жизненным ситуациям.

Цифровое государство рассматривается с позиции модели управления, этапа, следующего за построением электронного правительства и с позиции экосистемы. Выделяются такие признаки цифрового государства, как обеспечение цифрового суверенитета страны, информационной безопасности личности, общества и государства, признание информации в качестве конституционной ценности, внедрение цифровых технологий в процесс управления государством, создание государственных цифровых платформ вневедомственного характера.

Ключевые слова: цифровизация, информационное государство, электронное государство, цифровое государство, информация, цифровой суверенитет, цифровые платформы

Для цитирования: Шахновская, И. В. Новые характеристики государства в условиях цифровизации: к вопросу о многозначности понятий / И. В. Шахновская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 155–162. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-155-162

Iryna V. Shakhnovskaya

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Belarus

ON NEW CHARACTERISTICS OF THE STATE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: TO THE QUESTION OF THE POLICY OF CONCEPTS

Abstract. The article provides a comparative analysis of the main characteristics of the state at the current stage of its development: e-state, information state, digital state. A conclusion is made regarding the recognition of the digital state as an independent public institution of constitutional law in its digital dimension, as well as the need to enshrine it as a characteristic of the state in the text of the Constitution of the Republic of Belarus.

The article substantiates that the main prerequisites for the emergence of new characteristics of the state in the context of digitalization were the recognition of information as a strategic resource of the state, the formation of concepts of information and digital sovereignty, and the justification of the information function of the state.

The paper substantiates a methodology by which a digital state should be considered a self-sufficient characteristic of a state at the current stage of development, a full transition to which will be realized upon completion of the process of building an information society. Analyzing the acts of programmatic legislation in the Republic of Belarus, the author defines a model for building a digital state, which is based on the process of creating state digital platforms for making digital decisions on key life situations.

The article examines the digital state from the perspective of the governance model, the stage following the construction of e-government, and from the perspective of the ecosystem. The following characteristics of a digital state are highlighted: ensuring the digital sovereignty of the country, ensuring the information security of the individual, society and the state,

© Шахновская И. В., 2026

recognition of information as a constitutional value, the introduction of digital technologies into the process of government, and the creation of state digital platforms of a non-departmental nature.

Keywords: digitalization, information state, e-state, digital state, information, digital sovereignty, digital platforms

For citation: Shakhnovskaya I. V. On new characteristics of the state in the context of digitalization: to the question of the policy of concepts. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 2, pp. 155–162 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-155-162

О необходимости переосмысления института государства на современном этапе. Государство как центральный институт политической системы подвергается различным трансформационным процессам по ряду оснований: признакам, функциям, территории и др. От классического понимания государства как политической организации общества сегодня мы можем наблюдать «государство как цифровую экосистему», в которой находят место новые способы управления в стране, передача отдельных функций на наднациональный уровень по причине глобализационных процессов, появляются новые формы государственного суверенитета (информационный, цифровой) и др.

Здесь мы сталкиваемся с доктринальной эволюцией конституционного права, что означает развитие научных идей, не свойственных устоявшейся теории конституционного права, связанных с новым подходом в понимании конституционно-правовых институтов, в частности, института государства. Так, именно процессы внедрения информационных ресурсов, цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта в различные сферы конституционного строя и дали новый эволюционный виток в подходах к пониманию государства, перед которым в современных условиях появляются новые цели и задачи. Интересную позицию в данном направлении высказал И. А. Кравец, отмечая, что «российская юридическая наука, находясь в поиске оптимальных подходов к регулированию общественных отношений в сфере информационных технологий, выходит на новый уровень их осмысления: конституционализм и гражданство трансформируются в новые публично-правовые институты с цифровым измерением»[1].

Одной из предпосылок появления новых государственных задач становится признание информации в качестве основного стратегического ресурса страны[2], что нашло правовое закрепление в ряде программных документов как Республики Беларусь[3], так и Российской Федерации[4]. Информация и механизмы ее правовой охраны становятся одними из ведущих направлений проведения государственной политики. Внедрение информационных технологий способствует переосмыслению способов осуществления государственной власти, способов взаимодействия государства и общества, государства и личности.

В последующем вектор научных исследований смещается на определение сущности информационной функции государства и, собственно, обоснование необходимости признания таковой в целом[5]. Обобщая подходы, под информационной функцией понимается направление деятельности государства по контролю за обращением, хранением и использованием информации, по информационному обеспечению деятельности государственных органов, по упрощению взаимодействия государства и граждан посредством специальных информационных сервисов.

---

[1] Кравец, И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) / И. А. Кравец // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17(6). – С. 1038.

[2] Далее по тексту будет высказана и обоснована научная идея о необходимости признания информации в качестве конституционной ценности.

[3] О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 авг. 2010 г. № 1174 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Мн., 2026; Об утверждении Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы: постановление коллегии Министерства связи и информатизации Респ. Беларусь от 30 сент. 2015 г. № 35 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Мн., 2026 и др.

[4] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

[5] Павленко, Ж. А. Понятие информационной функции государства / Ж. А. Павленко // Проблемы законности. – 2011. – № 117; Талапина, Э. В. К вопросу об информационной функции государства / Э. В. Талапина // Информационное общество. – 2002. – № 1. – С. 20–28.

В современной юридической доктрине все чаще появляются научные идеи о размывании классических признаков государства. Так, О. В. Романовская отстаивает идею влияния информационно-коммуникационных технологий на минимизацию признаков государства (суверенитета, фискальной функции, территории)[1]. Кроме того, имеются научные исследования, в которых либо происходит смешение понятий электронное государство (цифровое, информационное)[2], либо ставится вопрос о необходимости их разграничения, однако глубокое исследование сущности данных понятий не проводится.

Электронное государство. В настоящий момент в юридической литературе не сложилось единого подхода, который определил бы понятие электронного государства. Отдельные авторы считают данный термин неологизмом[3].

Сам процесс построения электронного государства в Республике Беларусь «запущен» относительно давно. Так, построение электронного государства в Республике Беларусь берет начало с 2003 г., когда было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002 г. № 1819 «Об утверждении Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь»[4] (далее – Программа). Главная цель Программы была сформулирована как построение информационного пространства в качестве одного из этапов перехода к информационному обществу. Основными направлениями информатизации в Программе для построения электронного государства были выделены следующие:

1) создание общегосударственной автоматизированной информационной системы;

2) развитие телекоммуникационной инфраструктуры и создание пунктов доступа к открытым информационным системам;

3) развитие и совершенствование ИКТ, а также формирование экспортно ориентированной отрасли ИТ-индустрии;

4) совершенствование законодательной базы и системы государственного регулирования в сфере информатизации;

5) совершенствование деятельности государственных органов на основе использования ИКТ;

6) развитие процессов информатизации в секторах реальной экономики, в том числе создание системы электронной торговли и логистики;

7) развитие системы подготовки и переподготовки специалистов по ИКТ, а также квалифицированных пользователей;

8) содействие развитию культуры и средств массовой информации посредством внедрения ИКТ.

Отметим, что конечным результатом реализации данной группы мероприятий должно было стать формирование электронного правительства в Республике Беларусь, в рамках которого будет осуществлен переход к межведомственному электронному документообороту и формирование государственных информационных ресурсов.

Дальнейшие шаги по развитию электронного правительства были закреплены в иных программных документах Республики Беларусь[5]. Следовательно, электронное государство при анализе программного законодательства необходимо рассматривать как этап для построения электронного правительства и перехода к новому этапу общественного и государственного развития –

---

[1] Романовская, О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет / О. В. Романовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 181.

[2] Золаев, Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э. А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 1583–1594.

3 Абызова, Е. Р. «Электронное государство» как институциональная основа правопорядка в информационном обществе / Е. Р. Абызова // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 13. – С. 32–36.

[4] Об утверждении Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь»: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 27 дек. 2002 г. № 1819 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Мн., 2026 (документ утратил силу).

[5] Об утверждении Стратегии развития информационного общества на период до 2015 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 авг. 2019 г. № 1074 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2026; Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, утвержденная на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015 г. № 26.

информационному обществу. Сам термин «электронное государство» в юридической доктрине Республики Беларусь появился именно благодаря принятию ряда документов в области развития информационного общества. Данная характеристика государства немыслима без разработки комплекса мероприятий в сфере построения информационного общества, не является самодостаточной для государства.

Таким образом, электронное государство – первоначальная характерная форма современного этапа развития государства, главной задачей которого является построение электронного правительства. Электронное государство следует рассматривать как один из этапов построения информационного общества и в качестве одного из этапов построения цифрового государства. Завершенность задач, обозначенных на стадии построения электронного правительства (по сути, построение электронного государства как такового), является основой для перехода к новой характеристике современного государства, в котором информация и ее защита становятся центральным аспектом проведения государственной политики, – информационному государству.

Информационное государство. В законодательстве Республики Беларусь термин «информационное государство» не использовался до настоящего времени. С позиций конституционно-правовой науки термин «информационное государство» рассматривается как необходимость конституционного закрепления результатов, полученных в ходе реализации программ по развитию информационного общества: «Информационное государство представляет собой организацию политической власти в стране, основанную на верховенстве закона, действующую в строго определенных законом границах, целью которой является обеспечение социальной и правовой защищенности граждан в условиях использования и самостоятельного применения информационных ресурсов, если это не нарушает законодательство и не наносит ущерба государственным интересам, а также правам и свободам граждан»[1].

Для информационного государства характерны такие признаки, как:

1) самостоятельность проведения информационной политики, т. е. распоряжение, их использование по собственному усмотрению. По сути, здесь появляется концепция информационного суверенитета;

2) перевод максимального количества государственных услуг в электронный формат;

3) модель взаимодействия между обществом и государством осуществляется посредством различных сервисов;

4) деятельность государственных органов переходит в своей реализации на ведомственные платформы;

5) внедрение электронного документооборота.

К примеру, в зарубежном законодательстве термин «информационное государство» был использован в подпрограмме 4 Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.)[2]. Главной целью подпрограммы было повышение уровня взаимодействия государства и граждан (организаций) на основе информационно-коммуникационных технологий и в результате реализации которой предполагалось перевести максимальное количество государственных услуг в электронный формат, внедрить различные информационные системы, упростить формат взаимодействия населения и государства посредством использования различных сервисов. Следовательно, информационное государство выступало лишь одним из этапов построения информационного общества.

Главными отличиями информационного государства от электронного выступают значение и ценность информации для государства. Если при построении электронного государства главный акцент был поставлен на внедрение электронных форм работы, то при построении информационного государства происходит переосмысление роли самой информации. Она становится стратегическим ресурсом при проведении государственной политики и требует признания и защиты на уровне Конституции в качестве объекта конституционно-правового регулирования. Вместе

[1] Ржеутский, Л. Я. Информационное общество и электронное государство: современное состояние и взаимосвязь / Л. Я Ржеутский // Право.by. – 2020. – № 2. – С. 189.

[2] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.): постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 313.

с тем информационное и электронное государство тесно взаимосвязаны с процессом построения информационного общества, не являются самодостаточными характерными чертами для государства и не требуют конституционно-правовой охраны как таковые.

Цифровое государство. Термин «цифровое государство» входит в юридическую науку после признания развития цифровых технологий как одного из стратегических ресурсов развития цифровой экономики и обеспечения в целом устойчивого социально-экономического развития страны. Одновременно появляются исследования в области «цифрового суверенитета», «технологического суверенитета» в контексте развития цифрового государства[1]. Так, по мнению И. Ю. Панкратова, под цифровым государством понимается следующая стадия после цифровизации, где осуществлен полный переход услуг в электронный формат и преобразованы в новые структурные формы органы государственного управления[2].

Для цифрового государства характерны такие признаки, как создание единого информационного пространства; защита персональных данных – ключевой приоритет для государства; переход к новому этапу общественного и государственного развития – информационному обществу; внедрение цифровых технологий в государственное управление; обеспечение должного уровня информационной безопасности; обеспечение информационного и цифрового суверенитета страны; внедрение технологий искусственного интеллекта в государственное управление.

В Республике Беларусь термин «цифровое государство» находит свое закрепление в Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы[3] (далее – Программа «Цифровая Беларусь»). Цифровое государство рассматривается как модель взаимоотношений государства и общества; в качестве следующего этапа после электронного правительства; как цифровая экосистема.

Цифровое государство необходимо понимать как модель управления, в основе которой находятся цифровые технологии. В государстве ставится задача оцифровки процессов взаимоотношения «государства и общества», в частности, за счет принятия цифровых решений по ключевым жизненным (деловым) ситуациям с использованием цифровых документов. Предварительно в Республике Беларусь планируется проработка цифровых образцов следующих документов: паспорт гражданина Республики Беларусь; водительское удостоверение; страховое свидетельство государственного социального страхования; сведения из индивидуального лицевого счета; разрешение на временное проживание; свидетельство о государственной регистрации транспортного средства и др.

Полагаем, что при рассмотрении цифрового государства как модели управления, основанной на использовании цифровых технологий, важно разработать комплекс мер по реализации цифрового суверенитета государства[4]. Под цифровым суверенитетом государства понимается форма государственного суверенитета, включающая в себя самостоятельность и независимость государства в области применения и распоряжения национальными цифровыми технологиями, основной задачей которого является защита собственных технологических решений от внешнего влияния. Следовательно, обеспечение цифрового суверенитета государства должно быть направлено на создание независимого программного обеспечения, способного отвечать целям построения новой модели отношений государства и общества. Кроме того, в основе модели цифрового государства должны находиться данные, а процесс управления строиться на анализе больших данных. Принятие цифровых решений должно быть обеспечено соответствующим уровнем создания цифровых платформ (цифровых сервисов).

---

[1] Талапина, Э. В. Права человека и цифровой суверенитет / Э. В. Талапина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 6. – С. 10–15; Жарова, А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации / А. К. Жарова // Юрист. – 2021. – № 11. – С. 28–33.

[2] Панкратов, И. Ю. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации / И. Ю. Панкратов, Н. В. Свертилова, Е. Н. Лидэ // Государственная служба. – 2018. – № 1. – С. 41.

[3] О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 793 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Мн., 2026.

[4] Целью данной статьи не является разграничение понятий «информационный» и «цифровой» суверенитет. Однако отметим, что в рамках конституционно-правовой науки оба термина имеют различное содержание.

Цифровое государство как этап развития, следующий за «электронным правительством», предполагает полную завершенность последнего. Здесь действительно следует отметить высокие показатели Республики Беларусь в достижении уровня построения электронного правительства: более 97 % государственных органов и 93 % государственных организаций подключены к системе электронного документооборота; с 2014 г. выдано более 2 млн электронных цифровых подписей; на едином портале электронных услуг оказывается свыше 10 млн услуг по более 280 видам электронных сервисов и более 500 видам административных процедур и др. Значимым является разработка правового регулирования в области международного электронного документооборота[1]. Достижение высоких показателей по электронному документообороту действительно подтверждает готовность Республики Беларусь к переходу к новому этапу – этапу принятия цифровых решений на основе цифровых технологий.

Цифровое государство как экосистема. Первоначально термин «экосистема» относился к биологическим наукам. В последние годы современные исследования в области экономики объектом своих исследований стали называть «бизнес-экосистемы», «цифровые бизнес-экосистемы»[2]. Вопрос применимости данного термина к государственной сфере возможен при условии четко разработанной концепции, каким образом будет происходить процесс новой формы взаимоотношений между человеком, обществом (бизнесом) и государством. В Российской Федерации на конференции TAdviser IT Government Day обсудили два возможных пути создания цифровой экосистемы государства: 1) присутствие государственного элемента на имеющихся цифровых платформах; 2) интеграция всех цифровых платформ в единую государственную (если таковая будет создана)[3]. Анализ положений Программы «Цифровая Беларусь» позволяет сделать вывод, что в Республике Беларусь построение цифрового государства как экосистемы планируется путем создания ряда ведомственных цифровых платформ, которые будут выступать поставщиками сервисов для оцифровки жизненных (деловых) ситуаций, т. е. в Беларуси определен курс на построение, отличающийся от предлагаемых в Российской Федерации.

Цифровое государство как экосистема должно иметь двойной эффект: экономический и социальный. Экономический должен приносить экономическую пользу за счет усовершенствования и ускорения различных экономических процессов. В то же время сущность социального эффекта состоит в улучшении качества жизни населения, в том числе путем достижения «нулевой бюрократии».

На основании вышеизложенного цифровое государство как экосистема представляет собой особую форму реализации политической власти, которая тесно связана с трансформациями всех сфер общественного и государственного строя, процесс управления которыми осуществляется посредством присутствия государственного элемента на цифровых платформах с использованием цифровых технологий. Курс государства на создание государственных цифровых платформ предусмотрен Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии»[4]. Данным Указом регламентирован также порядок реализации и финансирования пилотных проектов в сфере цифрового развития (ГИС «Витрина цифровых проектов»).

С позиции науки конституционного права цифровое государство должно выступать вектором развития государства, который требует своего правового закрепления в условиях цифрового развития не только Республики Беларусь, но и ряда зарубежных государств. На наш взгляд, такую характеристику государства, как «цифровое государство» следует закрепить в ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Беларусь[5]. Следует отметить, что данное предложение исходит из поддержки

---

[1] Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии от 15 апреля 2024 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Мн., 2026.

[2] Абрамов, В. И. Цифровые бизнес-экосистемы как перспективная форма развития региональной экономики / В. И. Абрамов, А. Д. Столяров // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 10. – С. 5523–5542.

[3] Глава Минкомсвязи Максут Шадаев обсудил цифровую экосистему государства с директорами ИТ-компаний на конференции TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 02.02.2026).

[4] О цифровом развитии: Указ Президента Респ. Беларусь от 29 нояб. 2023 г. № 381 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Мн., 2026.

[5] В силу некорректности внесения предложений об изменениях конституционного законодательства в иных государствах отметим, что данная идея возможна для реализации и в них из-за очевидности глобальной цифровизации конституционного строя.

позиции относительно того, что определенные характеристики государства (правовое, социальное, демократическое) не являются констатацией факта, а представляют собой норму-цель, те приоритеты, на построение и обеспечение которых должен быть направлен вектор государственного и общественного развития. Таким образом, цифровое государство будет выступать конечной целью внедрения и использования цифровых технологий в государстве.

Выводы. Подводя итог, отметим, что если ключевыми аспектами создания информационного и электронного государства были внедрение и развитие информационных систем, нацеленных на решение ведомственных задач в пределах их полномочий, то построение цифрового государства предполагает формирование цифровой экосистемы, рассчитанной на создание цифровых сервисов для принятия комплексных цифровых решений. Для информационного и электронного государства был характерен обмен документами (электронный документооборот), для цифрового государства речь идет о другом уровне – обмене данными. При этом информационное и электронное государство выступают как этапы для построения цифрового государства, его своеобразные «предшественники». Цифровое государство является самодостаточной характерной чертой государства, полный переход к которому предполагает готовность завершения процесса построения информационного общества, в то время как информационное и электронное государство являются этапами для развития информационного общества. Именно цифровое государство следует признавать на конституционном уровне в качестве публичного института с цифровым измерением и разработкой мер конституционно-правовой охраны. В то же время цифровое государство на современном этапе развития общественных отношений является не завершенной конституционной категорией, а вектором развития Республики Беларусь на последующие годы.

Благодарности. Статья подготовлена при реализации гранта Белорусского фонда фундаментальных исследований Г25ИИ М-025 «Конституционные права и свободы личности в условиях использования технологий искусственного интеллекта: способы реализации и защиты».

Acknowledgments. This article was prepared under the grant of the Belarusian Foundation for Basic Research G25II M-025 «Constitutional rights and freedoms of the individual in the context of the use of artificial intelligence technologies: methods of implementation and protection».

Список использованных источников

1. Романовская, О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет / О. В. Романовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 174–183.

2. Павленко, Ж. А. Понятие информационной функции государства / Ж. А. Павленко // Проблемы законности. – 2011. – № 117.

3. Талапина, Э. В. К вопросу об информационной функции государства / Э. В. Талапина // Информационное общество. – 2002. – № 1. – С. 20–28.

4. Ефремов, А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства / А. А. Ефремов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 201–215.

5. Виноградова, Е. В. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России / Е. В. Виноградова, Т. В. Полякова // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1. – С. 32–49.

6. Абызова, Е. Р. «Электронное государство» как институциональная основа правопорядка в информационном обществе / Е. Р. Абызова // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 13. – С. 32–36.

7. Талапина, Э. В. Права человека и цифровой суверенитет / Э. В. Талапина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 6. – С. 10–15.

8. Жарова, А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации / А. К. Жарова // Юрист. – 2021. – № 11. – С. 28–33.

9. Золаев, Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э. А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 1583–1594.

10. Панкратов, И. Ю. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации / И. Ю. Панкратов, Н. В. Свертилова, Е. Н. Лидэ // Государственная служба. – 2018. – № 1. – С. 38–43.

11. Абрамов, В. И. Цифровые бизнес-экосистемы как перспективная форма развития региональной экономики / В. И. Абрамов, А. Д. Столяров // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 10. – С. 5523–5542.

12. Кравец, И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) / И. А. Кравец // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17(6). – С. 1036–1046.

13. Ржеутский, Л. Я. Информационное общество и электронное государство: современное состояние и взаимосвязь / Л. Я. Ржеутский // Право.by. – 2020. – № 2. – С. 189–192.

References

1. Romanovskaya O. V. Law, information society, digital sovereignty. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law], 2024, vol. 24, no. 2, pp. 174–183 (in Russian).

2. Pavlenko Zh. A. The concept of the information function of the state. *Problemy zakonnosti* [Legality issues], 2011, no. 117 (in Russian).

3. Talapina E. V. On the issue of the information function of the state. *Informacionnoe obshchestvo* [Information society], 2002, no. 1, pp. 20–28 (in Russian).

4. Efremov A. A. Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2017, no. 1, pp. 201–215 (in Russian).

5. Vinogradova E. V., Polyakova T. A. On the place of information sovereignty in the constitutional and legal space of modern Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The rule of law: theory and practice], 2021, no. 1, pp. 32–49 (in Russian).

6. Abyzova E. R. "Electronic government" as an institutional basis for law and order in the information society. *Altajskij yuridicheskij vestnik* [Altai Legal Bulletin], 2016, no. 13. pp. 32–36 (in Russian).

7. Talapina E. V. Human Rights and Digital Sovereignty. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2020, no. 6, pp. 10–15 (in Russian).

8. Zharova A. K. Ensuring the information sovereignty of the Russian Federation. *Yurist* [Lawyer], 2021, no. 11, pp. 28–33 (in Russian).

9. Zolaev E. A. The digital state as a new stage in the development of society. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], 2021, vol. 15, no. 5, pp. 1583–1594 (in Russian).

10. Pankratov I. Yu., Svertilova N. V., Lide E. N. Digital State: A New Competency Matrix for Digital Transformation. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Civil service], 2018, no. 1, pp. 38–43 (in Russian).

11. Abramov V. I., Stolyarov A. D. Digital business ecosystems as a promising form of regional economic development. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2024, vol. 14, no. 10, pp. 5523–5542 (in Russian).

12. Kravec I. A. Constitutionalism and Participation in an Algorithmic Society (Russian, Comparative, and International Contexts). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanities], 2024, no. 17(6), pp. 1036–1046 (in Russian).

13. Rzheutskij L. Ya. Information society and e-government: current state and relationship. *Pravo.by,* 2020, no. 2, pp. 189–192 (in Russian).

Информация об авторе

Шахновская Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и уголовного права. Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (ул. Блохина, 29, 211440, Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: irochka15012@yandex.ru. https://orcid.org/0000-0002-8828-1091

Information about the author

Irina V. Shakhnovskaya – Ph. D. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Criminal Law. Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk (29 Blokhin Str., Novopolotsk 211440, Belarus). E-mail: irochka15012@yandex.ru. https://orcid.org/0000-0002-8828-1091

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 338.24
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-163-171

Поступила в редакцию 29.01.2026
Receeved 29.01.2026

Т. А. Тетеринец

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ СЕЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. Рассматривается научный подход к формированию концептуальных положений резильентности сельского человеческого капитала, который раскрывается посредством теоретических аспектов социально-экономической природы этого понятия и методологических положений управления процессом его устойчивости. Представлен теоретический ракурс к исследованию этого понятия с позиции различных областей наук, выделены общие и специфические черты данной категории в контексте социально-экономических исследований, систематизированы атрибутивы устойчивости человеческого капитала в сельской местности. Изложен авторский подход к изучению данной дефиниции и теоретически обоснована система факторов, оказывающих приоритетное влияние на сохранение и повышение уровня резильентности сельского человеческого капитала. Представлена методология анализа и оценки объекта исследования, учитывающая специфику формирования, развития, накопления и сохранения сельского человеческого капитала в Республике Беларусь. Выработаны общие методологические принципы, определяющие концепцию исследования его резильентности в условиях сложившихся социально-экономических трансформаций. Сформирован алгоритм анализа и оценки ее уровня в Республике Беларусь. Обосновано взаимодействие уровня резильентности сельского человеческого капитала и продуктивной занятости местного населения.

Ключевые слова: человеческий капитал, сельские территории, резильентность, теоретические основы, факторы, методические подходы

Для цитирования: Тетеринец, Т. А. Теоретико-методологические аспекты резильентности сельского человеческого капитала / Т. А. Тетеринец // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 2. – С. 163–171. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-163-171

Tatsiana A. Tsetsiarynets

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RESILIENCE OF RURAL HUMAN CAPITAL

Abstract. The article presents a scientific approach to the formation of conceptual provisions of resilience of rural human capital, which is disclosed by theoretical aspects of socio-economic nature of this concept and methodological provisions for managing its sustainability. Presented a theoretical approach to the study of this concept from the position of various fields of science, highlighted common and specific features of this category in the context of socio-economic studies, systematized attributes of sustainability of human capital in rural areas. The author's approach to the study of this definition is presented and a theoretically justified system of factors that have a priority influence on the preservation and increase of resilience of rural human capital. The methodology of analysis and evaluation of the study object, taking into account the specifics of formation, development, accumulation and preservation of rural human capital in the Republic of Belarus. General methodological principles have been developed, defining the concept of study of its resilience in the conditions of the current socio-economic transformation. An algorithm of analysis and assessment of its level in the Republic of Belarus has been formed. Interaction between the level of resilience of rural human capital and productive employment of local population is justified.

Keywords: human capital, rural areas, resilience, theoretical foundations. factors, methodological approaches

For citation: Tsetsiarynets T. A. Theoretical and methodological aspects of the resilience of rural human capital. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 2, pp. 163–171 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-2-163-171

Введение. В современных условиях нарастающей урбанизации, сокращения численности сельского населения, дифференциации инфраструктурного развития городов и сельской местности проблемы сохранения численности местных жителей, обеспечения устойчивого воспроизводства их человеческого капитала выдвигаются на передний план. Эффективное развитие сель-

© Тетеринец Т. А., 2026

ской экономики и повышение эффективности функционирования аграрного сектора становятся возможными в условиях обеспечения сохранности и расширенного воспроизводства сельского человеческого капитала, т. е. его резильентности.

Цель исследования – формирование и развитие теоретических и методических основ резильентности сельского человеческого капитала.

Теоретические основы резильентности сельского человеческого капитала. Несмотря на то что термин «резильентность» достаточно активно используется отечественными и зарубежными исследователями, в научной публицистике на данном этапе не сложился единый подход к его трактованию. В числе фарватеров конструирования научных основ резильентности можно отметить К. С. Холлинга, который считал, что это «мера устойчивости систем и их способности воспринимать изменения и нарушения и при этом поддерживать те же отношения между популяциями или переменными состояния»[1] [1, с. 662]. Предлагаемая трактовка данного термина изначально была ориентирована на освещение вопросов экологической безопасности, состояние которой оказывает значительное влияние на формирование человеческого капитала.

Е. И. Снопкова и О. В. Шатунова в статье «Междисциплинарное содержание концепта резильентности и его педагогические смыслы» детально исследуют междисциплинарное содержание концепта резильентности, уделяя особое внимание его педагогическому смыслу. Авторы структурно рассматривают академическую, психологическую и педагогические типы резильентности, систематизируют педагогические эффекты, выделяют понятие «резильентная школа» [2, с. 224]. Подробно анализируя влияние резильентности на образовательную среду, исследователи в большей степени уделяют внимание воздействию последней на личностные характеристики индивида, тем самым раскрывая ее социальные и психологические концепты.

Ю. Н. Бирюкова в исследовании «Социальная резильентность как основной компонент резильентности обучающегося» уделяет пристальное внимание социальной резильентности обучающегося, а также степени влияния последней на социально-политическое и экономическое развитие общества [3]. Автор конкретизирует сущность данного понятия, а также факторы и компоненты, определяющие его состав.

Аналогичными исследованиями занимается Е. В. Кузнецова, детально анализируя феноменологию резильентности личности [4]. На основе комплексного обзора и систематизации научных публикаций, посвященных данной проблематике, автор определяет резильентность (жизнестойкость) как «сложно структурированное свойство личности, определяющее эффективность совладания жизненных стрессовых ситуаций при поддержании оптимального уровня работоспособности и сохранении психоэмоционального фона, что является необходимым условием для эффективной социально-психологической адаптации и планирования траектории жизненного и профессионального развития» [4, с. 87].

Е. А. Рожковская преломляет категорию резильентности сквозь призму макроэкономического регулирования национальной экономики. Автор рассматривает это понятие как «способность экономической системы быстро адаптироваться к уже наступившим шокам (воздействию диссипативных событий и структур), которые, как предполагается, невозможно упредить: рост глобальной неопределенности и усложнение протекающих экономических процессов многократно усиливают вероятность будущего возникновения в мировой экономике системных рисков и их масштабного распространения (пандемии, вооруженные конфликты, экологические катастрофы и пр.)» [5, с. 36].

Коллектив авторов во главе с И. В. Никулкиной в работе «Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект» исследует феномен резильентности в территориальной проекции, отмечая при этом весомость влияния социального и человеческого капиталов на формирование устойчивой основы жизнедеятельности экономических систем. Однако область их интересов сосредоточена в большей степени на изучении «резильентности социально-экономических систем арктических поселений» [1, с. 664].

Существенное развитие концепция резильентности получила в работах Л. Е. Красильниковой и ее соавторов, где исследователи переводят ее в плоскость сельских территорий и рассмат-

[1] Holling, C. S. Resilience and Stability of Ecological Systems / C. S. Holling // Annual Review of Ecology and Systematics. – 1973. – № 4. – P. 1–23. – URL: https://www.jstor.org/stable/2096802 (date of access: 20.05.2025).

ривают «…как их способность преодолевать внешние изменения и последствия трансформации общественного устройства …» [6, с. 79]. В последующем развивая научные основы этого понятия, авторы характеризуют резильентность «…как способность не только противостоять и адаптироваться к зачастую сложно предвидимым внешним воздействиям и негативным последствиям внутренней трансформации, но и динамично восстанавливать на качественно новом уровне приоритетные параметры устойчивого развития посредством своевременного структурного переформатирования, перегруппировки функциональных задач и направлений регулирования на основе аккумуляции имеющихся потенциалов и ресурсов» [7, с. 243]. Следует отметить комплексность авторского подхода к изучению резильентности сельских территорий, однако исследователи тождественно оценивают влияние человеческих ресурсов на обеспечение устойчивости местных поселений в сравнении с иными факторами.

С. Ю. Высоцкий в статье «Статистическая оценка экономической резильентности регионов Республики Беларусь» детально анализирует подходы к определению экономической резильентности территорий, выделяя «физический», или «инженерный», экологический, адаптивный [8]. В своих исследованиях автор обосновывает применение экономического подхода к изучению и анализу устойчивости территорий в региональном разрезе.

Систематизация теоретических подходов к изучению резильентности позволяет отметить следующее:

«резильентность» является междисциплинарной категорией, используемой в экономических, социальных, психологических, педагогических и иных отраслях науки;

в научном сообществе сложилось единство взглядов к пониманию данной категории как устойчивости сохранять имеющиеся свойства объекта (экономической, социальной системы) и способности противостоять внешним шокам и воздействиям;

резильентность является объективным атрибутивом устойчивого развития любой социально-экономической системы, объекта или явления, одним из которых также выступает человеческий капитал;

резильентность оказывает существенное влияние на количественные и качественные преобразования изучаемого объекта вследствие противостояния к внешним шокам и угрозам, способность к восстановлению заданных характеристик и в совокупности содействует накоплению его потенциалов;

в научной публицистике не сложилось консенсуса относительно концептуальных подходов к изучению резильентности человеческого капитала, что актуализирует задачу теоретико-методологического обоснования данного свойства изучаемого объекта, формируемого в том числе в разрезе сельских территорий.

Детальное изучение теоретических основ резильентности и их отражение в плоскости исследований управления развитием сельского человеческого капитала позволяют сформировать систему атрибутивов его сохранности и воспроизводимости в современных социально-экономических условиях функционирования территориальной экономики. Ее наиболее важные отличительные черты следующие:

является естественным свойством сельского человеческого капитала;

выступает его качественной характеристикой;

имеет квантитативное (метрическое) выражение (измерение);

подвержена влиянию множества факторов, воздействие которых может варьироваться в зависимости от объективных социально-экономических условий;

имеет многокомпонентную структуру, соотношение элементов которой определяется уровнем формирования сельского человеческого капитала;

является динамично изменяющейся величиной вследствие структурных колебаний внешних воздействий;

существует линейная корреляция между уровнем устойчивости сельского человеческого капитала и продуктивной занятостью местного населения;

присутствуют взаимозависимость и взаимообусловленность ее уровня и тенденций социально-экономического развития территориальной и национальной экономики.

Преломляя концептуальные основы резильентности сквозь призму человекоцентричной модели развития сельских территорий, под резильентностью сельского человеческого капитала следует понимать способность местного населения сохранять, восстанавливать и воспроизводить на расширенной основе знания, опыт, навыки, квалификации, характеризующиеся востребованностью на рынке труда, адаптивностью к инновационным преобразованиям современного мира и потребностям сельской экономики, способные упреждать потенциальные угрозы, нивелировать риски и перманентно трансформировать накопленный потенциал в материальные и нематериальные активы с высокой добавленной стоимостью. Другими словами, резильентность сельского человеческого капитала рассматривается нами как его свойство амортизационного реагирования на внешние негативные воздействия, позволяющее противостоять угрозам, восстанавливать накопленный потенциал и обеспечивать воспроизводство капитала на расширенной основе.

Аккумуляция ранее проведенных исследований, изучение социально-экономической природы сельского человеческого капитала позволяют теоретически обосновать систему факторов, оказывающих влияние на его резильентность [9–12]. В рамках данного исследования к числу таковых следует отнести следующие:

демографические, определяемые численным составом сельского населения, его гендерной структурой и половозрастным составом, в совокупности формирующие количественные параметры формирования и развития сельского человеческого капитала, отражающие качественные параметры преобразования сельского человеческого потенциала в капитал;

трудовые, обусловленные занятостью, уровнем безработицы местного населения, его закрепляемостью в сельской местности, эффективностью использования имеющего трудового потенциала;

производственные, опрелеляющие возможности и формирующие объективные предпосылки реализации накопленных знаний и опыта местного населения, способствующие повышению занятости, в том числе продуктивной, объеспечивающие рост благосостояния сельских граждан, а также закрепляемость молодых и высококвалифицированных специалистов на местах;

экономические, отражающие состояние, уровень накопления сельского человеческого капитала и определяющие возможности его концентрации в разрезе сельских территорий;

инфраструктурные, определяющие социально-экономические предпосылки формирования и развития сельского человеческого капитала и создающие условия его сохранения и интесивного накопления на местах.

Конструирование теоретических основ резильентности сельского человеческого капитала в совокупности с систематизщией факторов, оказывающих влияние на этот процесс, формирует концептульные основы разработки методического подхода к оценке его жизнеспособности (устойчивости) в Республике Беларусь.

Методология оценки резильентности сельского человеческого капитала. Отсутствие консенсуса к осмыслению категории «резильентность сельского человеческого» выступает причиной разновекторности подходов к методологии и дифференциации методов исследования. И. В. Баскакова и П. А. Слукина, основываясь на исследованиях других авторов, предлагают разделять все методы анализа резильентности на количественные и качественные, выделяя в числе приоритетных кластерный подход к исследованию экономической устойчивости [13, с. 174; 14–17]. С. Ю. Высоцкий, используя авторский подход, разработал и апробировал методику экономической оценки резильентности регионов Республики Беларусь, позволяющую оценивать степень сопротивляемости территорий к воздействию внешних угроз [8, с. 30].

Особого внимания засуживает исследование авторов под руковоством А. Г. Бобровой, посвященное изучению демографической устойчивости населения Республики Беларусь. Исследователи отмечают, что «демографическая устойчивость представляет собой не просто состояние, а управляемую стратегию, направленную на поддержание равновесия между численностью и качеством населения, его воспроизводственным потенциалом и ресурсной обеспеченностью территорий в долгосрочной перспективе» [18, с. 43]. Основываясь на данном постулате, была разработана индикативная методика, апробация которой позволила оценить уровень демографической устойчивости в региональном разрезе страны. Результаты проведенных исследований показали на «относительное выравнивание демографического пространства страны, которое может

интерпретироваться как результат либо стабилизации демографических дисбалансов, либо адаптации региональных систем к новым демографическим условиям, в том числе в части миграционной динамики и возрастной структуры населения» [18, с. 47]. Вместе с тем авторы отмечают «важность масштаба анализа: на областном уровне показатели достаточно схожи из-за агрегирования данных, тогда как на районном уровне проявляется значительная дифференциация, позволяющая выделить типы районов по уровню демографической устойчивости». Полученные результаты подтверждают необходимость территориальной дифференциации исследований резильентности сельского человеческого капитала.

Особой популярностью у авторов пользуются индексные методы оценки экономической резильентности. Применяя такой подход к региональной проекции, зарубежные исследователи получили оценки резильентности развития территорий и выделили основные факторы, влияющие на нее [19–21].

Весомым инструментарием анализа и оценки устойчивости социально-экономических систем выступают эконометрические модели, позволяющие моделировать и прогнозировать изменение резильентности вследствие воздействия на объект внешних и внутренних угроз, а также выявлять факторы, оказывающие доминирующее воздействие на этот процесс. В своих исследованиях авторы выявляли зависимости между экономической устойчивостью региона и совокупностью факторов, важнейшими из которых были определены природно-климатические, демографические, финансовые, экологические и т. д. [22–26].

Таким образом, учеными многих стран выработаны различные подходы к измерению резильентности разнообразных социально-экономических объектов. Вместе с тем в научном сообществе не определены направления исследования резильентности человеческого капитала, учитывающие специфику его формирования и развития в разрезе сельских территорий. Наличие существенных демографических потерь в сельской местности, весомая территориальная дифференциация социально-экономической, производственной и логистической инфраструктуры, наряду со сравнительно невысокими индикаторами развития местной экономики, обусловливают необходимость разработки методического подхода к оценке резильентности сельского человеческого капитала.

Конструирование научно обоснованной методологии вызывает необходимость выработки принципов, определяющих концепцию исследования данного свойства изучаемого объекта. Основываясь на сложившихся общенаучных подходах, по нашему мнению, система методологических принципов оценки резильентности сельского человеческого капитала должна быть дополнена следующими частными положениями:

приоритетность человеческого капитала в системе ценностей экономики сельских территорий, что обусловливает построение эндогенной модели, включающей совокупность переменных (факторов), оказывающих непосредственное влияние на интенсивность его сохранения и воспроизводства в сложившихся условиях;

комплексность, что подразумевает системность и взаимообусловленность учета множества факторов, определяющих устойчивость сельского человеческого капитала к воздействию со стороны внешней среды;

взаимозависимость факторов, степень влияния которых может дифференцироваться исходя из сложившейся внешней конъюнктуры и трансформационных процессов в сельской экономике;

взаимосвязь индикаторов оценки резильентности сельского человеческого капитала и параметров развития территориальной экономики;

объективность экономических исследований, выражаемая минимизацией экспертных оценок при построении алгоритма методического подхода к изучению и анализу резильентности сельского человеческого капитала;

достоверность расчетов, достигаемая за счет использования официальных статистических данных, позволяющих производить корректировку расчетов и увеличивать траекторию оценочных исследований.

Компиляция атрибутивов резильентности сельского человеческого капитала, системы факторов, определяющих его устойчивость к внешним воздействиям социально-экономический среды, совокупности общих и частных методологических принципов формирует научные основы кон-

струирования алгоритма анализа и оценки ее уровня в Республике Беларусь, включающего следующие этапы:

формирование системы оценочных показателей резильентности сельского человеческого капитала по каждой группе факторов в разрезе 118 административных районов и сельских территорий страны. Выборка и распределение показателей играют решающее значение в оценочных исследованиях вследствие определяющего воздействия на объективность и достоверность проведенных расчетов, зонирования сельских территорий, выявления степени влияния тех или иных факторов на итоговый уровень резильентности человеческого капитала и определения ее обобщенной величины. Статистическая выборка и группировка показателей осуществляются экспертным путем с целью распределения показателей по категориям факторов, снижения уровня корреляционного воздействия параметров развития территориальной экономики, агрегации и дезагрегации статистических индикаторов;

кластеризация административных районов республики с позиции выявленных факторов и системы показателей с целью зонирования территорий. Такой подход к оценке уровня резильентности сельского человеческого капитала позволяет выделить кластеры и определить их границы с учетом заданных параметров устойчивости человеческого развития. Группировка сельских территорий способствует проведению сравнительного анализа резильентности в разрезе выделенных кластеров, выявлению причин, сдерживающих этот процесс, а также выработке стратегических ориентиров и тактических решений управления развитием человеческого капитала, определений и реализации системы мер, обеспечивающих повышение его резильентности;

линейная нормализация массива статистических данных с целью последующей агрегации нормированных значений, их сопоставления и создания математического инструментария разработки интегрального показателя анализа и оценки резильентности сельского человеческого капитала в разрезе выделенных кластеров. Практическая апробация такого подхода позволит количественного оценить уровень его устойчивости в выделенных группах, провести сравнительный анализ полученных количественных оценок и определить основные направления (факторы) повышения сельского человеческого капитала в Республике Беларусь;

построение мульпликативной модели анализа и оценки резильентности сельского человеческого капитала, позволяющей получить интегральную количественную оценку уровня его устойчивости в разрезе выделенных кластеров. Такой подход конструирует основы сравнительного анализа полученных агрегированных оценок, выявления факторов, оказывающих позитивное и негативное воздействие на резильентность сельского человеческого капитала, формирует научный базис выработки практикоориентированных предложений и рекомендаций, стратегического и тактического видения управления его развитием с учетом явных, потенциальных и альтернативных рисков и угроз.

Предложенный методический подход в совокупности с выработанными теоретико-методологическими принципами изучения, анализа и оценки резильентности сельского человеческого капитала конструирует концептуальные основы управления этим процессом, формирует научный базис стратегии человеческого развития в Республике Беларусь с учетом территориальных особенностей его формирования, развития, накопления, сохранения и расширенного воспроизводства в разрезе сельских территорий страны.

Заключение. Таким образом, следует подчеркнуть тесную взаимосвязь резильентности сельского человеческого капитала и уровня продуктивной занятости местного населения. Последняя выступает агрегированным индикатором обеспечения его устойчивости в сельской местности посредством:

формирования рациональной структуры занятости сельского населения, нацеленной на повышение продуктивности человеческого капитала, и оптимизации видовой структуры сельской экономики;

повышения гибкости и расширения многообразия форм сельскохозяйственной и альтернативной занятости, учитывающих ориентированность и уровень развития экономики сельских территорий, а также потребности и заинтересованности местных жителей;

установления рыночной сбалансированности спроса и предложения рабочей силы в региональном срезе посредством определения равновесной цены, соответствующей реальной стоимости работ;

стабилизации равновесия человеческого потенциала и рабочих мест на основе рационального территориального-отраслевого и профессионально-квалификационного распределения трудовых ресурсов, а также стабилизации миграционных и демографических процессов на селе;

повышения действенности системы оплаты труда, основанной на системе мотивации, комплексно реализующей воспроизводственную, регулирующую и стимулирующую функции;

усиления конкурентоспособности трудовых ресурсов, отвечающей современному уровню развития техники, организации и управления аграрной экономикой;

увеличения доли инновационной компоненты в составе сельского человеческого капитала, формируемой за счет многопрофильной и вариативной профессиональной подготовки и переподготовки работников с целью развития навыков внутриотраслевой трудовой миграции в соответствии со структурными изменениями экономики аграрного сектора и конъюнктуры территориальных рынков труда;

наращивания количества высокопроизводительных рабочих мест, конкурентоспособных по уровню продуктивности, условиям и оплате труда с аналогичными в других секторах экономики.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Обеспечение устойчивого роста качества жизни населения Республики Беларусь в условиях повышения социально-демографических и экологических рисков» (№ госрегистрации 20210345) задания 3.04 «Научные основы развития человеческого капитала в контексте обеспечения социальной, демографической, экологической и экономической безопасности в Республике Беларусь» подпрограммы «Экономика» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы.

Acknowledgments. The article was prepared within the research work “Ensuring sustainable growth of the quality of life of the population of the Republic of Belarus in conditions of increased socio-demographic and environmental risks” (state registration number 20210345) task 3.04 “Scientific foundations of human capital development in the context of social, demographic, ecological and economic security in the Republic of Belarus” subprogram “Economy” SPSR 12 “Society and human security of the Belarusian state” for 2021–2025.

Список использованных источников

1. Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект / И. В. Никулкина, О. В. Гордячкова, Т. Ю. Калаврий, Ж.-П. Вандерлинден // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 659–668. https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114087

2. Снопкова, Е. И. Междисциплинарное содержание концепта резильентности и его педагогические смыслы / Е. И. Снопкова, О. В. Шатунова // Человеческий капитал. – 2024. – № 3 (183). – С. 220–227. https://doi.org/10.25629/HC.2024.03.20

3. Бирюкова, Ю. Н. Социальная резильентность как основной компонент резильентности обучающегося / Ю. Н. Бирюкова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 2 (111). – С. 36–39. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-2111-36-39

4. Кузнецова, Е. В. Феноменология резильентности как динамического свойства личности / Е. В. Кузнецова // Конструктивные педагогические заметки. – 2025. – № 2 (26). – С. 87–99.

5. Рожковская, Е. А. Резильентность белорусской экономики в условиях структурной трансформации и санкционного давления / Е. А. Рожковская // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: электрон. сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 13–14 окт. 2022 г. / Полоц. гос. ун-т; редкол.: Ю. Я. Романовский [и др.]. – Новополоцк, 2022. – С. 35–38.

6. Оценка резильентности сельского территориального пространства / Л. Е. Красильникова, О. А. Рущицкая, Д. А. Баландин, С. С. Федосеева // Аграрный вестник Урала. – 2022. – № 10 (225). – С. 78–90. https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-225-10-78-90

7. Красильникова, Л. Е. Оценка резильентности сельских территорий региона / Л. Е. Красильникова, Д. А. Баландин, Е. Д. Баландин // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 4, ч. 2. – С. 241–245. https://doi.org/10.17513/vaael.3388

8. Высоцкий, С. Ю. Статистическая оценка экономической резильентности регионов Республики Беларусь / С. Ю. Высоцкий // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2021. – № 14. – С. 30–35. https://doi.org/10.52928/2070-1632-2021-59-14-30-35

9. Гануш, Г. И. Эволюция теории и практики управления человеческим капиталом в аграрной сфере / Г. И. Гануш, Т. А. Тетеринец // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрарных навук. – 2022. – Т. 60, № 1. – С. 36–45. https://doi.org/10.29235/1817-7204-2022-60-1-36-45

10. Тетеринец, Т. А. Социальные факторы управления развитием человеческого капитала в аграрном секторе Беларуси / Т. А. Тетеринец // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 2 т. / НАН Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси; редкол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.]. – Мн., 2022. – Т. 2. – С. 208–213.

11. Тетеринец, Т. А. Концептуальные направления рурализации человеческого капитала / Т. А. Тетеринец // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 341–352. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-341-352

12. Тетеринец, Т. А. Социально-инфраструктурные риски накопления сельского человеческого капитала в Республике Беларусь / Т. А. Тетеринец // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2025. – Т. 27, № 3. – С. 112–122. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.3.9

13. Баскакова, И. В. Оценка резилиентности социально-экономической системы: постановка проблемы / И. В. Баскакова, П. А. Слукина // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XVI Междунар. конф. (18–20 нояб. 2021 г., Екатеринбург): в 2 т. / Урал. федер. ун-т, Ин-т экономики и упр. – Екатеринбург, 2022. – Т. 2. – С. 172–178.

14. Порохин, А. В. Современные научные подходы к определению сущности экономической устойчивости / А. В. Порохин, Н. А. Урбан // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11, ч. 3. – С. 600–604.

15. Ускова, Т. Управление устойчивым развитием региона / Т. Ускова. – Вологда: Изд-во Вологод. науч. центра Рос. акад. наук, 2009. – 355 с.

16. Бородин, А. И. Региональные экономические системы и их устойчивость / А. И. Бородин, Н. Н. Киселева // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2011. – № 4. – С. 67–73.

17. Климанов, В. В. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса / В. В. Климанов, А. А. Михайлова, С. М. Казакова // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 164–187. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-6-164-187

18. Боброва, А. Г. Динамика демографической устойчивости регионов Республики Беларусь: пространственно-временной анализ и направления для совершенствования политики / А. Г. Боброва, О. Ю. Мурашко, У. В. Кот // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2025. – Вып. 11. – С. 41–54. https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-41-54

19. Economic shocks and regional economic resilience / E. Hill, Tr. St. Clair, H. Wial [et al.] // Urban and regional policy and its effects / ed.: M. Weir [et al.]. – Washington, 2012. – Vol. 4: Building resilient regions. – P. 193–274.

20. Simmie, J. The economic resilience of regions: towards an evolutionary approach / J. Simmie, R. Martin // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2010. – Vol. 3, № 1. – P. 27–43. https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029

21. Авезов, А. Х. Экономическая устойчивость развития региона: сущность и основные понятия / А. Х. Авезов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2013. – № 3 (55). – С. 64–70.

22. Hennebry, B. The economic resilience of Irish counties for subsequent recessions and the impact of population distribution on resilience / B. Hennebry // R-Economy. – 2020. – Vol. 6, № 3. – P. 146–153. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.012

23. Sensier, M. Measuring regional economic resilience across Europe: operationalizing a complex concept / M. Sensier, G. Bristow, A. Healy // Spatial Economic Analysis. – 2016. – Vol. 11, № 2. – P. 128–151. https://doi.org/10.1080/17421772.2016.1129435

24. Martin, R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks / R. Martin // Journal of Economic Geography. – 2012. – Vol. 12, № 1. – P. 1–32. https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019

25. Conceptualizing and measuring economic resilience / L. Briguglio, G. Cordina, N. Farrugia, S. Vella // Building the economic resilience of small states / Islands a. Small States Inst. of the Univ. of Malta; ed.: L. Briguglio,G. Cordina, E. J. Kisanga. – Blata I-Bajda, 2006. – P. 265–288.

26. Regional economic resilience: resistance and recoverability of resource-based cities during economic crises in Northeast China / J. Tan, K. Lo, F. Qiu [et al.] // Sustainability. – 2017. – Vol. 9, № 12. – P. 21–36. https://doi.org/10.3390/su9122136

References

1. Nikulkina I. V., Gordyachkova O. V., Kalavriy T. Yu., Vanderlinden J.-P. Socio-economic systems resilience: methodological aspect. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 659–668 (in Russian). https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114087

2. Snopkova E. I., Shatunova O. V. Interdisciplinary content of the concept of resilience and its pedagogical meaning. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, 2024, no. 3 (183), pp. 220–227 (in Russian). https://doi.org/10.25629/HC.2024.03.20

3. Biryukova Yu. N. Social resilience as a major component of learner's resilience. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2025, no. 2 (111), pp. 36–39 (in Russian). https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-2111-36-39

4. Kuznetsova E. V. Phenomenology of resilience as a dynamic property of personality. *Konstruktivnye pedagogicheskie zametki = Constructive Pedagogical Notes*, 2025, no. 2 (26), pp. 87–99 (in Russian).

5. Rozhkovskaya E. A. Resilience of the Belarusian economy in conditions of structural transformation and sanctions pressure. *Ustoichivoe razvitie ekonomiki: mezhdunarodnye i natsional'nye aspekty: elektronnyi sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Novopolotsk, 13–14 oktyabrya 2022 g.* [Sustainable economic development: international and national aspect: electronic collection of statements proceedings of the international scientific and practical conference, Novopolotsk, October 13–14, 2022]. Novopolotsk, 2022, pp. 35–38 (in Russian).

6. Krasilnikova L. E., Rushchitskaya O. A., Balandin D. A., Fedoseeva S. S. Resilience assessment of the rural territorial space. *Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*, 2022, no. 10 (225), pp. 78–90 (in Russian). https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-225-10-78-90

7. Krasilnikova L. E., Balandin D. A., Balandin E. D. Assessment of the resilience of rural territories of the region. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altay Academy of Economics and Law], 2024, no. 4, pt. 2, pp. 241–245 (in Russian). https://doi.org/doi.org/10.17513/vaael.3388

8. Vysotsky S. Statistical assessment of the economic resilience of the regions of the Republic of Belarus. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*, 2021, no. 14, pp. 30–35 (in Russian). https://doi.org/10.52928/2070-1632-2021-59-14-30-35

9. Ganush G. I., Tsetsiarynets T. A. Evolution of the theory and practices of human capital management in the agricultural sector. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya agrarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Agrarian series,* 2022, vol. 60, no. 1, pp. 36–45 (in Russian). https://doi.org/10.29235/1817-7204-2022-60-1-36-45

10. Tsetsiarynets T. A. Social factors of human capital development management in the agricultural sector of Belarus. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy: sbornik nauchnykh statei* [Economic development strategy of Belarus: challenges, implementation tools and prospects: collection of scientific articles]. Minsk, 2022, vol. 2, pp. 208–213 (in Russian).

11. Tsetsiarynets T. A. Conceptual trends in the ruralization of human capital. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2023, vol. 68, no. 4, pp. 341–352 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-341-352

12. Teterinets T. A. Socio-infrastructural risks of rural human capital accumulation in the Republic of Belarus. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 112–122 (in Russian). https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.3.9

13. Baskakova I. V., Slukina P. A. Assessment of resistance of the socio-economic system: statement of the problem. *Rossiiskie regiony v fokuse peremen: sbornik dokladov XVI Mezhdunarodnoi konferentsii (18–20 noyabrya 2021 g., Ekaterinburg)* [Russian regions in the focus of change: collection of reports from the XVI international conference (November 18–20, 2021, Yekaterinburg)]. Ekaterinburg, 2022, vol. 2, pp. 172–178 (in Russian).

14. Porokhin A. V., Urban N. A. Modern scientific approaches to definition of essence of economic sustainability. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2015, no. 11, pt. 3, pp. 600–604 (in Russian).

15. Uskova T. *Managing the sustainable development of the region*. Vologda, Publishing House of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009. 355 p. (in Russian).

16. Borodin A. I., Kiseleva N. N. Regional economic systems and their stability. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i parvo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2011, no. 4, pp. 67–73 (in Russian).

17. Klimanov V. V., Mikhaylova A. A., Kazakova S. M. Regional resilience: theoretical basics of the question. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 164–187 (in Russian). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-6-164-187

18. Bobrova A., Murashko O., Kot U. Dynamics of demographic sustainability in the regions of the Republic of Belarus: a spatio-temporal analysis and policy improvement directions. *Vestnik Instituta ekonomiki NAN Belarusi = Bulletin of the Institute of Economics of NAS of Belarus*, 2025, vol. 11, pp. 41–54 (in Russian). https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-41-54

19. Hill E., Clair T. St., Wial H., Wial H., Wolman H., Atkins P., Blumenthal P., Ficenec S., Friedhoff A. Economic shocks and regional economic resilience. *Urban and regional policy and its effects. Vol. 4. Building resilient regions*. Washington, 2012, pp. 193–274.

20. Simmie J., Martin R. The economic resilience of regions: towards an evolutionary approach. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 27–43. https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029

21. Avezov A. Kh. Economic stability of region development: essence and principal notion. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki* [Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics], 2013, no. 3 (55), pp. 64–70 (in Russian).

22. Hennebry B. The economic resilience of Irish counties for subsequent recessions and the impact of population distribution on resilience. *R-Economy*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 146–153. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.012

23. Sensier M., Bristow G., Healy A. Measuring regional economic resilience across Europe: operationalizing a complex concept. *Spatial Economic Analysis*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 128–151. https://doi.org/10.1080/17421772.2016.1129435

24. Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 2012, vol. 12, no. 1, pp. 1–32. https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019

25. Briguglio L., Cordina G., Farrugia N., Vella S. Conceptualizing and measuring economic resilience. *Building the economic resilience of small*. Blata I-Bajda, 2006, pp. 265–288.

26. Tan J., Lo K., Qiu F., Liu W., Li J., Zhang P. Regional economic resilience: resistance and recoverability of resource-based cities during economic crises in Northeast China. *Sustainability*, 2017, vol. 9, no. 12, pp. 21–36. https://doi.org/10.3390/su9122136

Информация об авторе

Тетеринец Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: talad79@mail.ru. https://orcid.org/orcid-search/search?searchQuery=0000-0003-1058-4110

Information about the author

Tatsiana A. Tsetsiarynets – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Scientific Secretary. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: talad79@mail.ru. https://orcid.org/orcid-search/search?searchQuery=0000-0003-1058-4110

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

SCIENTISTS OF BELARUS

АЛЯКСАНДР АЛЯКСАНДРАВІЧ КАВАЛЕНЯ
(Да 80-годдзя з дня нараджэння)

14 сакавіка 2026 г. адзначыў свой 80-гадовы юбілей вядомы беларускі вучоны і арганізатар навукі, доктар гістарычных навук, прафесар, акадэмік Аляксандр Аляксандравіч Каваленя. Яго навуковая спадчына ўражвае, пра што яскрава сведчыць падрыхтаваная Цэнтральнай навуковай бібліятэкай імя Якуба Коласа НАН Беларусі выстава яго прац[1].

Аляксандр Аляксандравіч Каваленя нарадзіўся ў гарадскім пасёлку Капыль Мінскай вобласці ў сям'і настаўніка і хатняй гаспадыні. У вялікай і дружнай сям'і было шасцёра дзяцей: чатыры хлопцы і дзве дзяўчынкі. Спачатку ў сям'і былога партызана і партызанскай сувязной (якая, рызыкуючы жыццём, выконвала баявыя заданні), а затым у школе ў А. А. Кавалені сфарміраваліся цэльнасць характару, яго пастаянная прага да ведаў, настойлівасць і працавітасць. У 1962 г. пасля заканчэння дзевяці класаў ён паступіў у Мінскае ПТВ № 23, якое скончыў на выдатна і атрымаў спецыяльнасць слесара. Навучанне ў прафесійным вучылішчы юнак сумяшчаў з вучобай у школе рабочай моладзі, актыўна ўдзельнічаў у грамадскім жыцці. Заняткі ў аэраклубе і радыёшколе паўплывалі на тое, што пасля прызыву ў Савецкую Армію яго накіравалі ў элітныя дэсантныя войскі. У 1968 г. ён быў дэмабілізаваны ў званні сяржанта і адразу працягнуў працу на будоўлях Мінска.

Толькі ў 24 гады (у 1970 г.) Аляксандр Аляксандравіч паступіў на гісторыка-геаграфічны факультэт Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. У інстытуце актыўна займаўся грамадскай дзейнасцю, працаваў у студэнцкіх будаўнічых атрадах у Карэліі, Сібіры, на будоўлях Беларусі. Выкладчыкі і сябры паважалі сціплага і працавітага студэнта, неаднаразова выбіралі яго старшынёй прафсаюзнага бюро факультэта, з 1974 па 1979 г. ён узначальваў студэнцкі прафсаюзны камітэт інстытута, праца якога неаднойчы адзначалася сярод лепшых ВНУ Савецкага Саюза.

Прага да навуковых даследаванняў прывяла А. А. Каваленю ў аспірантуру кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага (1979 г.). З гэтага часу пачала імкліва развівацца яго навуковая дзейнасць. Са снежня 1982 г. Аляксандр Аляксандравіч працаваў на пасадзе асістэнта кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. У 1983 г. пад кіраўніцтвам таленавітага вучонага, выдатнага чалавека, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Мікалаевіча Мацко ён абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэме «Идейно-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах».

У маі 1987 г. А. А. Каваленя быў абраны на пасаду дацэнта кафедры гісторыі КПСС Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. З 1983 па 1991 г. ён з'яўляўся членам

[1] Падчас падрыхтоўкі артыкула выкарыстаны матэрыялы кнігі: Акадэмік Аляксандр Аляксандравіч Каваленя: да 80-годдзя з дня нараджэння / Нац. акад. навук Беларусі; Ін-т гісторыі; уклад. І. У. Жылінская; рэдкал. В. Л. Лакіза [і інш.]. – Мн.: Бел. навука, 2026. – 444 с.: іл.

Рэспубліканскага каардынацыйнага савета па распрацоўцы праблем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. З 1987 г. падтрымліваў цесныя сувязі з аддзелам ваеннай гісторыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, удзельнічаў у распрацоўцы дзяржаўных праграм фундаментальных даследаванняў нацыянальнай гісторыі па заданнях «Акупацыйны рэжым на Беларусі ў ваенныя гады: гісторыка-параўнальны аналіз (1915–1921 гг., 1941–1944 гг.)», «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны», а таксама ў падрыхтоўцы калектыўнай працы «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: пытанні гістарыяграфіі і крыніцазнаўства» (1999). У 1994 г. А. А. Каваленя быў залічаны ў дактарантуру, у 1996 г. абраны загадчыкам кафедры айчыннай і сусветнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка. Пад яго кіраўніцтвам калектывам кафедры рэгулярна праводзіліся навукова-тэарэтычныя і навукова-практычныя канферэнцыі, прысвечаныя юбілеям Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, выдаваліся зборнікі тэзісаў і матэрыялаў. Пры актыўным удзеле Аляксандра Аляксандравіча былі распрацаваны канцэптуальныя падыходы арганізацыі гістарычнай адукацыі студэнтаў негістарычных спецыяльнасцей, падрыхтавана праграма курса «Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай цывілізацыі», спецкурсы «Гісторыя маладзёжнага руху», «Маладзёжны рух на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны», «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа».

Станоўчую ацэнку навуковай грамадскасці атрымалі выдадзеныя ім манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі, падрыхтаваныя з улікам новых метадалагічных падыходаў у выніку дзясяткаў гадоў працы ў архівах і бібліятэках, шматлікіх сустрэч і гутарак са сведкамі гістарычных падзей. Манаграфія А. А. Кавалені «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939–1945)» (1996) была адзначана прэміяй і Дыпломам лаўрэата конкурсу Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка за 1997 г. Вынікам руплівага пошуку даследчыка стала манаграфія «Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць» (1999). У 2000 г. па гэтай тэме А. А. Каваленя абараніў доктарскую дысертацыю, якая ўнесла важкі ўклад у навуковае вырашэнне адной з самых складаных і вострых праблем айчыннай гісторыі перыяду Другой сусветнай вайны. У 2004 г. яму было прысвоена навуковае званне прафесара. Падрыхтаваны пад кіраўніцтвам Аляксандра Аляксандравіча па даручэнні Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь вучэбна-метадычны комплекс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)», які ўключае праграму, падручнікі для ВНУ і сярэдніх агульнаадукацыйных устаноў, даведнік, рабочы сшытак, хрэстаматыю, дапаможнік для настаўніка, прызнаны лепшым сярод краін СНД. У рэцэнзіі вядомага расійскага гісторыка У. А. Нявежына адзначана, што вучэбна-метадычны комплекс «можна кваліфікаваць як адну з удалых спроб давесці да маладога пакалення, уваходзячага ў жыццё, праўду пра Вялікую Айчынную і Другую сусветную войны, пра гераічную і самаадданую барацьбу свабодалюбівых народаў супраць спрадвечных ворагаў цывілізацыі». Але самай высокай адзнакай гэтай тытанічнай працы з'яўляюцца шматлікія падзякі ад настаўнікаў і ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны.

Зварот А. А. Кавалені да ваеннай тэмы – з'ява невыпадковая. Усё яго творчае жыццё як даследчыка звязана з вывучэннем пытанняў Другой сусветнай вайны. Аляксандр Аляксандравіч прытрымліваецца прынцыпу гістарызму і прыярытэту нацыянальна-дзяржаўнага падыходу, імкнецца да комплекснага, аб'ектыўна-гістарычнага аналізу падзей, спалучаючы даследчую працу з папулярызацыяй гістарычных ведаў, засноўваючыся на багатым і разнастайным фактычным матэрыяле.

У навуковых працах А. А. Кавалені на аснове вялікай колькасці ўведзеных у навуковы ўжытак дакументальных крыніц пераканаўча даказана, што партызанскі рух на тэрыторыі акупіраванай Беларусі меў самую шырокую падтрымку мясцовага насельніцтва. Толькі дзякуючы пастаяннай, цеснай сувязі і дапамозе з боку жыхароў партызанская барацьба набыла шырокі размах, якога не ведала гісторыя, – гэта быў сапраўдны фронт у тыле акупантаў.

У 2004–2010 гг. Аляксандр Аляксандравіч працаваў дырэктарам Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Гэта быў этап напружанай, але плённай дзейнасці – рэарганізацыя структуры інстытута, вызначэнне новых перспектыўных напрамкаў навуковых даследаванняў і інш. У гэты час А. А. Каваленя выразна прадэманстраваў, што ён не толькі таленавіты вучоны і педагог, але і выдатны арганізатар навукі. Дзякуючы яму Інстытут гісторыі ператварыўся ў дзяржаўны цэнтр

арганізацыі сістэмных гістарычных даследаванняў; вучоныя інстытута паспяхова выканалі дзяржаўную комплексную праграму навуковых даследаванняў на 2006–2010 гг. «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры»; упершыню за ўсю гісторыю краіны ў інстытуце 1 лістапада 2007 г. была адкрыта ўнікальная Археалагічная навукова-музейная экспазіцыя, якая яскрава раскрывае багатую гісторыка-культурную спадчыну Беларусі; вучонымі інстытута былі падрыхтаваны і рэалізаваны на практыцы навуковыя канцэпцыі абноўленага Музея гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Музея Нацыянальнага парка «Белавежская пушча», а таксама распрацавана навуковая канцэпцыя Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. Пад рэдакцыяй Аляксандра Аляксандравіча выдадзены такія знакавыя працы, як энцыклапедыя «Вялікае Княства Літоўскае» ў 3 тамах (2005, 2010); энцыклапедычны даведнік «Современная Беларусь» у 3 тамах (2006–2007); «Беларусь: Народ. Государство. Время» (2009).

У 2021 г. Аляксандр Аляксандравіч Каваленя быў абраны акадэмікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Шмат сіл і энергіі А. А. Каваленя аддае працы з моладдзю, яе патрыятычнаму выхаванню. Не адзін год ён з'яўляўся старшынёй Рэспубліканскай алімпіяды па гісторыі сярод адоранай вучнёўскай моладзі, а таксама намеснікам старшыні Рэспубліканскага конкурсу творчых работ сярод вучняў і студэнтаў. Дзякуючы яго актыўнай пазіцыі Інстытутам гісторыі НАН Беларусі сумесна з Інстытутам усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук пры фінансавай падтрымцы Міждзяржаўнага фонду супрацоўніцтва дзяржаў – удзельніц Садружнасці Незалежных Дзяржаў у Мінску 14–23 чэрвеня 2010 г. была праведзена V Міжнародная летняя школа маладых вучоных-гісторыкаў краін СНД «Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы)». Такія летнія школы арганізуюцца інстытутам і зараз. Ужо 14 гадоў Аляксандр Аляксандравіч узначальвае аргкамітэт Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі навучэнцаў «Вялікая Айчынная вайна 1941–1945 гадоў у гістарычнай памяці народа», якая штогод праводзіцца на базе гімназіі № 174 г. Мінска. Ён шмат робіць для арганізацыі штогадовага рэспубліканскага конкурсу творчых работ (прысвечанага Году гістарычнай памяці, Году міру і стваральнай працы, Году якасці і Году добраўпарадкавання).

У лютым 2009 г. Аляксандру Аляксандравічу быў аказаны высокі давер з боку кіраўніцтва дзяржавы. Ён быў прызначаны акадэмікам-сакратаром Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, уведзены ў склад Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук.

За гэты час пад яго кіраўніцтвам і пры непасрэдным удзеле былі паспяхова выкананы тры дзяржаўныя праграмы навуковых даследаванняў: «Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі (гісторыя, культура, грамадства, дзяржава)» на 2011–2015 гг.; «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» на 2016–2020 гг.; «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.; сфарміравана і зацверджана дзяржаўная праграма навуковых даследаванняў «Сацыяльна-эканамічная, палітычная і нацыянальна-культурная бяспека беларускай дзяржаўнасці» на 2026–2030 гг. Гэтыя праграмы ў першую чаргу накіраваны на даследаванне асаблівасцей фарміравання духоўнай і матэрыяльнай культуры беларускага народа на розных этапах гістарычнага развіцця, навуковае абгрунтаванне ролі нацыянальнай культуры, мовы і літаратуры ў сучасных цывілізацыйных працэсах, распрацоўку механізмаў росту канкурэнтаздольнасці нацыянальнай эканомікі, вызначэнне стратэгіі духоўна-культурнага і сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускага грамадства. Дзякуючы Аляксандру Аляксандравічу падрыхтаваны і пабачылі свет дзевяць манаграфічных выданняў «Акадэмічная гуманітарыстыка: важнейшыя вынікі», якія ў абагульненым выглядзе паказваюць дасягненні акадэмічных вучоных па выніках выканання кожнага года заданняў дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў.

За ўвесь час навукова-педагагічнай дзейнасці ім апублікавана звыш 1200 навуковых і навукова-метадычных прац, з якіх каля 120 асабістых і калектыўных манаграфій, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, даведнікаў і брашур. Пры непасрэдным удзеле А. А. Кавалені сфарміравана моцная навуковая школа даследчыкаў Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Акрамя таго, ён з'яўляецца навуковым рэдактарам і рэцэнзентам значнай колькасці навуковых, навукова-папулярных і энцыклапедычных выданняў. Ім падрыхтавана 4 доктары і 7 кандыдатаў

гістарычных навук. Сярод яго вучняў – два рэктары Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. З 2005 г. А. А. Каваленя ўзначальвае савет па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый пры Інстытуце гісторыі НАН Беларусі.

Аляксандр Аляксандравіч – навуковы рэдактар, член рэдакцыйных калегій і саветаў часопісаў «Доклады Национальной академии наук Беларуси», «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», «Архівы і справаводства», «Беларуская думка», «Беларускі гістарычны часопіс», «Гісторыя і грамадазнаўства», «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Ён узначальвае Камісію Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі па гісторыі навукі, з'яўляецца старшынёй экспертнага савета па сацыяльных і гуманітарных навуках Міжведамаснай камісіі па разглядзе кандыдатур для прызначэння стыпендый Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, уваходзіць у склад Бюро вучонага савета Беларускага фонду фундаментальных даследаванняў.

Сведчаннем высокага навуковага аўтарытэту А. А. Кавалені з'яўляецца яго ўдзел у міжнародных форумах не толькі ў Беларусі, але і далёка за яе межамі. Аляксандр Аляксандравіч – адзін з заснавальнікаў і актыўных удзельнікаў Асацыяцыі інстытутаў гісторыі краін Садружнасці Незалежных Дзяржаў, ён шмат увагі надае развіццю супрацоўніцтва з беларускай дыяспарай у Расійскай Федэрацыі, узначальвае ад беларускага боку Экспертна-кансультатыўны расійска-беларускі савет па гісторыі.

Нягледзячы на вялікую навукова-арганізацыйную дзейнасць, ён па-ранейшаму працягвае актыўна займацца навукова-даследчай працай. У часопісах, перыядычным друку і навуковых выданнях пастаянна з'яўляюцца яго артыкулы, прысвечаныя асвятленню праблем гісторыі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, актуальным пытанням развіцця гуманітарных навук.

Пры непасрэдным удзеле А. А. Кавалені як арганізатара творчага калектыву, навуковага рэдактара і аднаго з аўтараў да 70-годдзя Вялікай Перамогі была падрыхтавана ўнікальная калектыўная манаграфія «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне» (2015), якая стала пераможцам Міжнароднага конкурсу «Научная книга – 2015». У гэтай навуковай працы створана цэласная аб'ектыўная карціна ўдзелу беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі ў найважнейшых падзеях Вялікай Айчыннай вайны. На вялікім фактычным матэрыяле паказаны ўклад насельніцтва БССР у агульную Перамогу. Комплексна даследаваны масавы гераізм беларускага народа на франтах вайны, раскрыты самаахвярная барацьба партызан і падпольшчыкаў, удзел беларусаў і ўраджэнцаў рэспублікі ў еўрапейскім руху Супраціўлення і ў складзе войск антыгітлераўскай кааліцыі, гераічная праца ў савецкім тыле і падчас аднаўлення разбуранай вайной эканомікі, сацыяльнай сферы, навукі і культуры БССР.

У 2018 г. была завершана шматгадовая калектыўная міжнародная навукова-дакументальная праца «Страна в огне. 1941–1945» у 3 тамах і 6 кнігах, за якую А. А. Кавалені ў складзе аўтарскага калектыву прысуджана прэмія РАН і НАН Беларусі.

Аляксандр Аляксандравіч прымаў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і апублікаванні этапнага для беларускіх гісторыкаў чатырохтомнага «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі» (2009, 2013, 2016, 2018). За гэту працу ён разам з іншымі калегамі быў удастоены прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне» за 2019 г.

Пад кіраўніцтвам А. А. Кавалені як галоўнага рэдактара быў арганізаваны творчы навуковы калектыў, у выніку напружанай працы якога ўпершыню ў гістарычнай навуцы была падрыхтавана і апублікавана фундаментальная пяцітомная праца «История белорусской государственности» (2018–2020). Выданне стала пераможцам у намінацыі топ-10 вынікаў дзейнасці вучоных НАН Беларусі за 2019 г.

Адзначым таксама велізарны ўклад А. А. Кавалені ў падрыхтоўку і выданне ўнікальнай 7-томнай калектыўнай працы «Республика Беларусь. 25 лет созидания и свершений» (2020). Ён быў адным з аўтараў тэкстаў «Нацыянальнага атласа Беларусі» (2024).

Толькі за апошнія гады пабачылі свет такія калектыўныя выданні пры ўдзеле Аляксандра Аляксандравіча, як «Твои сыновья, Беларусь: маршалы, генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси в годы Великой Отечественной войны: биографический справочник» (2019) і «Созвездие героев земли белорусской» (2019), падрыхтаваныя сумесна з вядомым гісторыкам

Б. Д. Даўгатовічам, а таксама «С верой в Победу: Беларусь в Великой Отечественной войне: 100 вопросов и ответов» (2020, падрыхтавана сумесна з Б. Д. Даўгатовічам, Д. М. Хромчанкам).

Даследаванні А. А. Кавалені адрозніваюцца навуковай глыбінёй, фундаментальнасцю і комплекснасцю падыходаў, жаданнем пранікнуць у глыбінную сутнасць ваенна-палітычных працэсаў і падзей, што адбываліся ў гады Другой сусветнай вайны. Выкарыстанне шырокага кола разнастайных архіўных дакументальных крыніц узмацняе навуковую вартасць прац Аляксандра Аляксандравіча.

Выступленні А. А. Кавалені на радыё, тэлебачанні, шматлікія публікацыі ў перыядычным друку заўсёды кранаюць душу. Яму ўласцівы лепшыя чалавечыя якасці, актыўная грамадзянская пазіцыя і ўвага да калег. Яго шчырыя размовы, канструктыўныя ідэі, глыбокае веданне праблем і аналітычнае мысленне дапамагаюць плённа працаваць на карысць нашай краіны.

За плённую працу Аляксандр Аляксандравіч узнагароджаны нагрудным знакам Міністэрства адукацыі «Выдатнік адукацыі» (2002), юбілейным медалём «60 гадоў вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» (2005), медалём Францыска Скарыны (2006), Падзякай Кіраўніцтва справамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (2009), Ганаровай граматай Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (2009, 2021), Падзякай Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (2011), Ганаровай граматай Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь (2014), юбілейным медалём «70 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» (2015), нагрудным знакам «Залаты медаль Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі “За вялікі ўклад у развіццё навукі”» (2016), нагрудным знакам адзнакі імя У. М. Ігнатоўскага Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (2019), Ганаровай граматай Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (2022), Ганаровай граматай Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь (2022), нагрудным знакам «Сярэбраны медаль Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі “За дасягненні ў навуцы”» (2023), Ганаровай граматай Еўразійскай эканамічнай камісіі (2023), нагрудным знакам «Вялікі медаль Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2024), Падзякай Дзяржаўнага сакратара Савета Бяспекі Рэспублікі Беларусь (2024), нагрудным знакам «За заслугі перад Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі» (2026).

Акрамя таго, А. А. Кавалені прысвоена ганаровае званне заслужанага дзеяча навукі Рэспублікі Беларусь (2014), званне «Вучоны года Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі – 2019», ганаровае званне «Поўны кавалер медалёў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (2024).

Бясспрэчна, сёння А. А. Каваленя – адзін з найбольш аўтарытэтных спецыялістаў у галіне гістарычнай навукі, які працягвае плённа працаваць.

Ад усяго сэрца жадаем Аляксандру Аляксандравічу моцнага здароўя, творчага натхнення і новых поспехаў на карысць гуманітарнай бяспекі беларускай дзяржавы.

В. В. Даніловіч, доктар гістарычных навук,
дацэнт, намеснік старшыні Пастаяннай камісіі па адукацыі,
культуры і навуцы Палаты прадстаўнікоў
Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь

В. Л. Лакіза, кандыдат гістарычных навук,
дацэнт, дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі

М. Г. Жылінскі, кандыдат гістарычных навук,
дацэнт, рэктар Універсітэта НАН Беларусі

В. С. Юшкевіч, кандыдат філалагічных навук,
намеснік акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук
і мастацтваў НАН Беларусі